

Люминис Сантори

Конъюгаты: Три

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Люминис Сантори Конъюгаты: Три

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67969866

SelfPub; 2022

Аннотация

Семейные ценности, безграничный нарциссизм, комплексы, законы времени, любовь и мироощущение: третья часть романа

Содержит нецензурную брань.

Люминис Сантори

Конъюгаты: Три

Глава 1

В небольшой комнате на западном крыле лучи заходящего солнца окрасили стены в тёплый приятный оттенок, от которого и хотелось спать и быть спокойным и умиротворенным. Что и происходило с Далилой: она и поспала, и поела, а до того прогулялась по окрестностям. Тогда в её руках был хороший фотоаппарат, но она взяла его для виду, и потому что он не был слишком тяжёлым. Пришлось чувствовать себя очень важно, серьёзно и немного профессионально. Вообще-то, такое её и вовсе не касалось, но именно сегодня просто захотелось чего-то такого. Кирсанова сделала, по её обыкновению, сто мало-чем-отличающихся друг от друга снимков, и к возвращению мужа рассматривала их на экране большого телевизора.

– Привет, дорогая.

– Явился не запыхался.

Агний засмеялся и провёл пальцами по влажным волосами.

– Пока до тебя добирался, предусмотрительно смыл приставшую грязь.

– Молодец.

Хрисанф присел рядом и попросил пролистать обратно несколько предыдущих кадров.

– Эта весьма неплоха. Рододендрон хорошо получился.

– Мне не нравится это растение?

– Почему? (удивлённо).

Далила помялась, не совсем обдумывая ответ, а скорее зависая над мыслями.

– Ну, не то чтобы ненавижу. Но и не торчу. Это не сакура.

– Но похоже же.

– Они совершенно разные, Агний. И ты это знаешь. Ты же отлично разбираешься во всём таком.

– Но когда весна наступает, всё так размывается, в хорошем смысле этого слова. Всё как будто становится единой красочной картиной, такой, брызжущей, обновлённой, радостной. Как мозаика. Только живая.

– Ты так видишь?

– Ну. Чуток.

– Всегда вы такие.

– Опять вы. Они. Она и они. Она и другие.

Хрисанф взял с её рук пульт и отложил в сторону.

– Ладно, эти дурацкие кустарники. Вот, посмотри лучше на меня.

Он потянулся за обнимашками-поцеловашками к своей чем-то немного удрученной супруге. Она убрала его тёмные пряди заколкой в пучок, а светлые старалась заплести во множество косичек, но его волосы были слишком гладкими и быстро расплетались, если не вязать их туго и решительно, крепко затягивая кончики кос резинкой. Далила, конечно, так не умела, но муж покорственно лежал под её пальцами и сколько угодно позволял ей мучиться с подобным "рукоделием", пока не надоеет и она сама не прогонит его прочь.

– Где был?

– На сур кете5уу.

– А конкретно?

– Ну, много чего там было, но я в основном на круговых танцах с мужиками тусовался. И в ларьках кушал всяко. Разумеется, тебе закупил тоже. Потом пойдём, поедим.

– А женщины были?

– Были. Вот у них и ел и отоваривался.

Далила скривила губы и часть волос супруга опять освободилась, волной упав на её колени.

– Ты просто невыносимо дикий чумодрас.

– Я же говорил, что будет весело. Ты сама отказалась.

Он нырнул через подушки и оказался сверху.

– Сейчас я разглажу эти складки и морщины.

– Не говори, как Генри.

– Что ты, я об этом и не думал никогда.

Хрисанф не забывает о профилактических семейных мерах. Он думает примитивно: чем чаще я буду поливать розу, тем дольше мы будем жить.

Я обязан о ней заботиться, но в то же время это мне в бесконечное удовольствие.

После лежат уже у себя в спальне. Она и в самом деле избавилась от лёгкой издерганности и уже расплетала ему итак уже практически расплетшиеся косы.

– Агний, не тяжёлые?

– Нет. Но я собираюсь обкарнать на днях. Под чёткий бокс.

– Айгуу, что с тобой?

Он смолчал, аккуратно поворачивая голову для её "работы".

Наверное, я выгляжу жутко нелепо по сравнению с тем... Упырём. Но если я скажу ей о таком, она высмеет меня на полную катушку. Сам ненавижу. Всегда так. Знаешь, как вести себя по-взрослому. Жил-жил. И седина в бороду. Потом раз! И опять на дне эволюции. Люди слишком животные. Рефлекторная дуга. Как только возникает на горизонте этот гиббон, я сам тотчас превращаюсь в эректуса: чисто с камешком хочу гоняться за ним.

- Как прошёл ваш съезд писателей?
- Нормально.
- Что в этом году сказали твои критики?
- Ничего особенного.
- Далила.

Поворачивается к ней лицом и тянется вверх, как подснежник, к её лицу.

– Я так поняла, по содержанию нареканий ни у кого нет, ведь каждый волен писать то, что ему угодно. Хоть какую тупость. А по тексту сказали, что с формой всегда всё не так: то как комиксы, то полусценарий, и совершенно не дневники, потому как не всё от первого лица, есть версии дум персонажей. В общем, убогость за счёт отсутствия грамотного интересного повествования и искаженность нормы вкупе с бедностью слога. Офкос, опять же мы не говорим о содержании, ибо тут у кого как есть.

– Хмм...

Хрисанф всегда внимательно её слушает. Внимательнее, чем она сама могла бы слушать себя. Но объяснить ей всё, что он думает о том или другом – сложно. Да и не стоит того. И это касается не только Далилы, но и много кого.

– Ах да, ещё бранные слова надо фильтровать, оказыва-

ется.

– Ну, это чушь уже! Брехня, как говорит Арсен!

– Считаешь?

– Конечно.

Сам Агний старается меньше материться и следит за собой в этом. Тому есть несколько причин. Раньше (в древние годы) он был малочувствителен к тому, что происходило вокруг, то есть не было у него повода, чтоб выразиться на славу от одолевания каких-либо положительных или отрицательных эмоций. А терпение было основной составляющей его жизни, так что ставить экспрессию через каждое предложение, как бы, ни имело даже особого смысла. Во-вторых, разумеется, из-за Далилы, типа нахрен ей сдался гопник со словарным запасом амёбы и вообще не пристало себя так стрёмно вести в присутствии дамы, тем паче если ты живёшь с этой дамой. Кроме того, он знал, что отец Далилы не слишком злоупотреблял сквернословием. Это для него было очень веским основанием держать себя построже (смотри первые части и далее по тексту). Ну, и третим неакцентуемым фактором аналогичного воздержания, как видела его жена, возможно, был как раз таки их "осторожный атеизм", к коим они причисляли себя с Калитой, и попросту набожность, как называет это Корсун.

Но Далилу на этот счёт Агний не третирует: она совсем

другая, к тому же она – писательница, а в их деле в ход идёт всё.

– Ну что ж, это их работа, обращаться с вами, как с цыплятами. И то не факт, что поймёте.

– Ещё им вроде как не нравится, когда в попсе есть намёки на религиозные, то есть не религиозные, а на тему веры. Не знаю, почему. Наверное, выбивается из жанра, хотя у меня и жанра-то нет.

Хрисанф для верности обнял жену, положив перед собой, как будто накрыв перламутровой ракушкой. Его волосы приятно касались её шеи и груди. Не раздражали. Из-за него кожа не покрывалась аллергической сыпью и даже мелкими ранками.

– Есть умные книги и есть не очень умные. Я читаю иногда из первой колонки: по работе нужно, или приспичит.

– Пфф, тебе постоянно приспичит, не прибудняйся.

– Но это же не для всех. Там другой мозг иметь надо, ну или другое образование. Твои книжки очень легко читаются. Я могу прочесть одну средней толщины за один вечер.

– Ты глотаешь их за несколько минут.

– И без конъюгации.

– Это что, издевательство такое?

– Наоборот, комплимент. Есть много чего от первого лица. Это располагает. Сразу интимно становится. И откровен-

но.

– Господи.

– Не крякофыркай. Я серьёзно. И есть много несложных диалогов. Мне, как познавшему одиночество, это очень удобно. Комфортно. Как будто друзья да. Знакомые. Знаешь, я всяких сложносочиненных описаний тоже начитался будь здоров.

– Скажешь тоже.

– И куда же без похоти и романтики. Морковка – наше всё! Вообще о чём писать тогда? Если не о любви? Это же элементарно. Все знают это с пелён.

– Думаешь?

– Ага. И мне нравится, что ты путаешь временные правила. Знаешь, в английском, это было бы ещё интереснее.

– Это происходит произвольно.

– Не ври. Кое-где, ты сама делаешь такие штучки, я же вижу. Ты не такая дура. Дура, конечно. Но моя дура. И не в том смысле.

– Я – дура. И я это знаю.

– Мудрость Сократа. Другое дело, возраст. Это не отменишь. Кое-какие вещи притупляются, другие наоборот. Это естественно. Но тебе ещё плыть и плыть до этого мега-философского равнодушия.

– Агний, ты субъективен!

– Не отрицаю. Но я честно сказал.

– Может, мне избавиться от гребаного псевдо-психодела.

– А оно итак усмирилось и тихо потягивает местами.

– Это плохо?

– Ну вот (смеётся). Тебе его жаль да? Тогда выпусти. Дейлай, что хочешь, конфеточка моя.

– Я не конфетка. Перестань строить из себя крутого чувака.

– Но тебе же нравится.

– И это тоже.

– Как хочешь, кроха.

– Агний!

– Между прочим, тогда я прошу не быть такой двуличной.

– Чегооо?

– В гостях и в обществе, вот недавно к примеру, ты всегда сама благородность и как гейша ходишь со сложенными руками за мной, как эскорт. А на деле, дома всегда меня обзывает, ругает и мутузишь.

– Ой-йё.

– Ей-ей. Ты думаешь, я в восторге? В восторге, как идиот. А потом здесь: Агний не так, Агний не то.

– Ой-ё. Ты действительно стал гребаным женатиком.

– Ну, Далила, я же тоже из плоти и крови.

Освобождает её из "ракушки" и усаживает рядышком. Всё же, поглядывает украдкой, искоса. Она выглядит беспечно, море по колени, равнодушно.

– Далила.

– Ну чего тебе.

– Да-ли-ла!

– Хочешь, чтобы я просила у тебя прощения? Нафик.

– Дэли, ты нарочно да?

– Нет. Такое вот нехудожественное у меня лицо. Даже не старайся прочитать меня по телу. У меня организм, как твой наоборот.

– Дайя, ты совсем меня не любишь.

Поник головой, как осенний колокольчик.

– Кончай артистировать, здесь тебе не колизей.

Молчит.

– Мне, вообще-то, тоже нелегко ломать комедию.

Молчит.

– Я-то не по этой части.

Молчит.

– А ты думаешь, что я лицемерка. Это оскорбление в мой адрес. Тем более, от тебя. Я про это наслышалась: три короба и плетёную корзинку. Не нравится – дуй отсюда. То есть, подавай на развод. И ищи себе честных, чистых и безгрешных.

Молчит.

Молчат.

Хрисанф первый отрывает свою прекрасную жопу и льнёт к ней, как забродившая жвачка к одежде.

– Ты что, я же умру. И мне себя не жаль. Мне тебя жаль,

из-за того что тебе жаль меня. Прости меня. Я стал гребаным женатиком.

– Ну, ладно. Давай покушаем и я потом расскажу, почему вела себя так, как будто в карикатуре на историю, когда, помнишь, ты донимал меня вопросом про усталость.

– Далила, я люблю тебя.

Приходится им чуть повременить с ужином. Но ненадолго. Они по этому поводу не парятся.

Глава 2

– Хочешь, теперь тебя будут звать Стефан?

Стефан слегка кивает головой.

– Далила, к гадалке не ходи, наверняка обзовёт тебя Стафом, но ты не сердись, это она не со зла.

– Хорошо, мессир.

– Нет. Так не пойдёт. Здесь дома ты должен обращаться ко мне: Александр, ну или как угодно попроще. Саша, как-то странно звучит для меня, но это же моё имя.

– Постараюсь.

– Молодцом. Я рад, что ты согласился работать у меня. И действительно рад, что состояние твоего организма пришло в относительную норму. Стинки – это не для нас, понимаешь? Не надо больше этим заниматься.

– Хорошо.

Агний ходит по северной веранде, где обычно мало кто тусуется в такой ранний час: пять утра. Довольно свежо и прохладно, но Кирсанов в тонкой светлой рубашке и снизу в спортивных леггинсах: полупереоделся для пробежки, но отвлёкся на беседу с новым работником. Босыми ногами трёт некрашенные гладкие половицы, потемневшие от солнца и времени, усаживается на лёгкую садовую лежанку, собранную Калитой из обычных ивовых прутьев.

– Для начала можешь нашлифовать тут полы? Я на днях оциклевал, но жена сказала, что ей, всё же, заноза попала, когда она потом убиралась тут маленько. Поэтому там в пристрое есть всё для полера, покажу как с ним разобраться, а далее физические нагрузки и свежий воздух пойдут тебе на пользу.

– Хорошо.

Стефан угрюмо стоит в углу возле резного палисада, почти слившись с тенью больших цветов в горшках. Он очень худой, бледный, не очень высокий, можно сказать, лысый. Глазницы впали, оттого глаза кажутся более тёмными, чем есть на самом деле. Кисти длинные, пальцы красивые, как у пианиста, но практически такого оттенка, что у свежего утопленника. Губы изящные, красивые, когда-то видимо улыбающиеся, но сейчас с синевато-лиловатым отливом. На лице преждевременные глубокие мимические морщины и в целом преждевременная измождённость. Хрисанф дал ему

кое-какой своей одежды, но несмотря на стройность Кирсанова, на экс-стинки всё висит рубищем и колыхается на ветру, ровно как на спице.

– Ты не жалеешь?

– Нет.

– И не надо. Мы тут гораздо лучше проживаем. Ты из бедных конъюгатов, как и я. И без семьи. Так что я понимаю. У меня так же было раньше. Забудь прежние времена. И не беспокойся, сделано так, что ты вроде как умер при неизвестных обстоятельствах, так что никто тебя искать не станет.

Агний встал, подошёл к малословному собеседнику и быстренько произошла небольшая информационная конъюгация. Благо субъект был приспособленный, поэтому Хрисанф не волновался на этот счёт.

И вообще надо рискнуть. Я и так рискнул, украв его и приведши сюда. Но что поделаешь. Так легли карты. Надеюсь, он не подведёт меня.

– Мессир... Алексаундер.

– Да.

– Я не предам Вас.

– Буду очень благодарен, если так оно и будет.

– Вы можете использовать меня.

– Да, но лучше использовать совместное погружение. Ты пока слаб. И я буду контролировать и проверять. Но в целом,

мне нужны свои. Мы только с Калитой. Здесь больше нет конъюгатов, то есть константно, мои сыновья не в счёт. Они – Аичи.

– Хорошо.

– А пока просто ознакомься с домом, с семьёй нашей. У меня только одна просьба: держись подальше от моей жены. То есть даже если будешь садовником, и временами водителем (Аполлон, всё-таки, не утерпел и уволился), я не доверяю своему зятю, тот ещё ветер-в-поле-голова-на-воле, – настоятельно рекомендую не дышать в её сторону больше дозволенного.

– Конъюгатское вето?

– Не совсем. Ну и это тоже. Просто... Это моя женщина, так понятнее? Она охотно интересуется всякими интересными колоритными людишками, так что, ради бога, не заставляй меня напрягаться лишний раз, будь добр.

– Аа, понятно. Хорошо.

– Потому и мало здесь мужиков. Лишь Калите доверяю.

– Не стоит беспокоиться. Устройство моей личной жизни у меня не в приоритете.

– Почему? (удивлённо)

– Не вижу смысла. Да и кого я сделаю счастливым.

Хрисанф с минутку изучает выражение лица Стефана. Про себя качает головой, как будто соглашается и тотчас раздумывает. Но ещё через минуту уверенно хлопает работни-

ка по плечу (тот не такой старьй, каковым выглядит).

– Не надо так себя недооценивать. Ты прям, как супруга моя, сказанул. Ладно, есть у меня одна кандидатура. Не от мира сего. Всяки фрики и уроды – это её тема. Нет-нет, это я не про тебя, что выше. Она сама фриканделька та ещё. То есть, она умеет разглядеть, не водится на обложку. Разрешаю тебе за ней приударить, виться и вообще брать быка за рога. Ванесса её зовут. Ну не ахти какая. Но ничего так. Даже маленькая, если смочь увидеть.

Далила бы пристукнула мужа за то, что он вот так, с первичного обороту стал подсовывать свою младшую старшую неизвестному дяде. Но Агний в этот момент чувствовал искру довольства собой: дескать нашёл хорошую партию этой маленькой кочерге. А что, неплохой парень, даже красивый и скромный.

Но он странный, да. Этот странный коньюгат.

Глава 3

Далила чуть не грохнулась в обморок, когда утром увидела чужака в доме. Ей показалось, что это привидение объявилось таким образом, хотя, скорее, она и не успела как следует толком сообразить. Завизжала бы. Но, к сожалению, у неё начисто отсутствовал ген, отвечающий за эту способность у женщин (Ну, и у некоторых прокачанных к тому мужчин).

Кирсанова так пускала сарказм по поводу этого пробела в своём организме, однако Хрисанф взял однажды у ней биологические материалы, и действительно подтвердил, что у его жены на самом деле нет подобного интересного скилла.

Она попыталась было заорать, но получилось что-то вроде негромкого нелепого блеяния. Ведь она привыкла к присутствию здесь константно-обыденных жителей: детей, горничных (дочерей Хрисанфа), Калиты, сыновей мужа, а также порой дружка Вероники, Камилы, изредка Аэлиты, Арсена и временами своих родных и друзей. Далила, можно сказать, жила среди красоты и симпатичности (за исключением Айнара). К тому же, её бывший водитель, Аполлон, был весьма тучным и плюшевым, поэтому она просто обомлела от вида нового работника.

Агний отлучился по своим зож-ным делам, так что хозяйка и незнакомец просто стояли друг против друга в одном из бесчисленных коридоров, как замороженные истуканы. Наконец, тень соизволила выдавить.

– Сеньорита Кирсанова...

– Господи.

– Я – Стефан, ваш новый водитель и садовник по совместительству...

– Гребаный старый хрыч!

– Мне 28, но я не возражаю...

– Да я не о тебе!

Далила в возмущении подошла к ближнему окну, стараясь поймать там незадачливого супруга, но он, видимо, выбрал сегодня длинную дистанцию (марафон, не меньше). Недовольно поворачивается к смущённому, стало быть, пареньку.

– Ты кто вообще?

– Стефан.

– Это я поняла, Стаф. Ты откуда взялся? Хрисанф мне ничего не говорил о тебе.

– Доктор Алексаундер сказал, что я могу занять вакансию вместо прежнего работника.

– Так ты по объявлению.

– Да.

Никакого объявления и в заводе не было. Кирсанова могла вполне обходиться без личного шофёра, ездить на общественном транспорте и вообще ходить пешком. Или, в редком случае, пользоваться своей машиной при помощи искусственного интеллекта. Хотя ей это не нравилось: она всё равно побаивалась кого-нибудь задавить и попросту ленилась.

Похоже, это стинки, о которых когда-то упоминали Агний с Никитой.

Информация об недавних событиях была в её голове, но Далила это осознала только инстинктивно.

Май гат, он такой страшный! Как только душа держится. Но наверняка Хрисанф позаботился о нём. Стало быть,

это я ещё вижу улучшенную версию.

– Ладно, пойдём со мной. Я познакомлю тебя с девочками. Там в домике для гостей проживают ещё братья, родственники Александра, но они сейчас проходят учение у нашего друга. Потом встретитесь.

– Хорошо, сеньорита.

– Меня можешь звать Далилой. В общем, осваивайся тут. И кушай побольше! В этом доме все очень много жрут, так что нельзя оставаться в сторонке.

– Хорошо, сеньорита. Эммь, Далила.

– Ну, ничего, привыкнешь. Хрисанф пропустил тебя через медосмотр?

– Да, сеньорита Далила.

– Окей. А то у нас маленькие дети. Да и вообще много молодёжи. И я сама тоже очень брезглива, не смотри что так выгляжу.

– Я буду соблюдать все нормы, сеньорита.

– Спасибо. И не веди себя, как раб. Мне может понравиться, но это некрасиво. Выполняй поручения Кирсанова по садоводству, я, чесс, не по этой части. А в остальном, если ты мне понадобишься, я скажу.

– Слушаюсь, сеньорита.

Далила представила Стефана девушкам. Виктория, по обыкновению, была рассеянно-равнодушна. Как будто не было отличия между ним и Аполлоном. Вероника не шугну-

лась (чего шугаться при таком отце), и стала толкать в бок сестёр, пуская, походу, какие-то смачные, немного грубовато-простецкие шутки насчёт внешности новоиспеченного коллеги. Будто она сама была первая красавица мира.

Может, не первая, но есть чем возомниться.

Только Далила, всё же, постаралась посмотреть на девочку с укоризной, но, скорее всего, со стороны, выглядело, словно она заодно с этой хитрушкой.

Ванесса, да. Как и предполагал Хрисанф, естественно вступила в знакомство. И далее Далила только и видела, как эти двое, как родственные души, неспешно пошли по тропке в домашней оранжерее.

Они мало говорили, судя по всему, но еле заметно кивали, как будто понимали друг друга без излишней болтовни.

Тоже мне. Принцесса хрисанфийская. Ей ли снизойти до нас, плоских простолюдинов. Гребаный старый хрыч, только возвратись домой, и я тебе устрою весёлую жизнь.

Глава 4

Хрисанф отработал свои 40-50 км и без особой удовлетворённости физической нагрузкой, вошёл в лес. Когда он вышел к опушке с западной стороны, там было зелено: Агний проник в заповедь. Ему не нужна была помощь Киры, или какой-то совет. И среди тающего весеннего снега было одиноко, но сегодня утром он захотел уединиться в такую степень, что просочился бы в скалу, чтобы его никто не ви-

дел.

Накануне Кирсанов чуть перебросился парой не-слишком-резких словечек с женой, но её реакция до того его расстроила, что он нынче сбежал сюда.

Далила! Огонь моего сердца. Пламя моей души. Цветок моей жизни. Мне пришлось запрятать свои эмоции в один из миллионов внутренних ящичков. Крепко сдавить своё горло, руки, а, больше всего, глаза. Чтобы из них не брызнула предательская волна. Ненавижу себя! Она посчитала бы меня хлюпиком и вообще чем-то таким мизерным и ничтожным, что не стоит ни капельки внимания.

Ты любишь только сильных. То есть не любишь. Но хотя бы отдаёшь дань уважения. Вот почему мне надо схоронить глубоко-глубоко все свои слабости. Хотя ты итак знаешь и чувствуешь, что твой жалкий муж – тюфяк, простыня и ничтожество.

Хрисанф лёг среди гигантских корней большого дерева возле обрыва, спрятавшись как в логове, чтобы его опутала эта корявая природная сетка: своими сухим многолапьем обняла и поняла, или, хотя бы, на миг стала укрытием.

Ну, что тут сказать. Он плакал. Рыдал, как девчонка. Не слушайте автора. Аффтар сух и туп, как пробка. Ему чужды все эти мнемозины, телячьи нежности, откровение, туоххайыы и так далее. Да и у Далилы кожа толстовата, а больше – недогоняючи. Поэтому он не мог позволить себе пускаться

слёзы при ней.

Другой человек. Мой. Но совершенно другой (плач).

Гребаный упырь! Как только отметился на горизонте, вон как она заговорила! Ненавижу! Она даже сама, похоже, не поняла, что сказала. Так мне и надо. Ведь я взял её в жёны силой. И теперь она хочет вернуться к нему.

Вообще-то, это был чистой воды, если не бред, то его гиперболически большие фантазии. Далила сама ползала за ним, умоляя быть вместе. Да, тогда от него остались только глаза. Да, как упоминал Калита, он, возможно, действительно растаял бы и исчез от тоски и печали (хотя, вряд ли). И вернуться туда, где она никогда не была, то есть не была женщиной Корсуна – это просто ребячество какое-то, как бы сказала Кирсанова.

Но Хрисанф уже не мог остановить свой потоп. Его понесло, как говорится.

Если бы Далила видела, что я сейчас делаю. Поняла бы она меня? Нет, конечно. Я упал бы в её очах ниже плитуса, ниже ада и далее. Она бы подняла меня на смех. Издевнулась. И подбодрила бы, как детсадовца, нажавшего в штаны. Опять же, что я артист гребаный и сумасшедший. Никакого разнообразия. Пустая и бессердечная. А я всё равно люблю тебя! Драгоценная моя, единственная, родная. Прости меня. Я успокоюсь. И побегу к тебе. Где эти дурацкие капли. Вы

(обращается к своему телу), смотрите у меня! Попробуйте только выдавить хоть миллимоль влаги! Вы принадлежите мне! Так что, хотя бы, хоть как-то будьте на моей стороне!

Он немного молча полежал, поглаживая мягкий зелёный мох и втягивая в себя запах немного сырой свежей почвы.

Господи, помоги мне. Помогите мне не быть таким эгоистом. Научи любить. Сделай так, чтобы я не чувствовал боли из-за неё.

Заповедь любила Хрисанфа. Ведь он был её постоянным резидентом. Заповедь видела и не раз, как он ломал руки, рвал на груди рубаху, а на голове – волосы, кричал, причитал, бился о стену и камни. И как ей было не любить этого человека. Откровенного в своей боли, откровенного в своих излияниях. Одинокого и красивого. Умного и неразумного. Странного и понятного. Если б Заповедь была его матерью, она бы обняла сына полностью и никому бы не дала в обиду. Если бы Заповедь была женщиной, то переплелась бы с ним без единой протечи на всю жизнь и навсегда, чтобы он не познал ни атома сомнения. Но это была ни мама, ни жена, ни ребёнок. И просто молча следила за ним, стараясь хотя бы делиться немногим из своего тепла и великолепия.

Глава 5

Когда Хрисанф вернулся домой, Стефан усердно замер на

корточках, разглядывая очередное слегка торчащее с половины место, где росла когда-то ветка. Половина веранды блестяла в лучах вступившего в силу солнца, что твой новый медный тазик. У старателя наблюдалась заметная одышка, и даже суставы его похрустывали и тихонько трещали при передвижении, но покраснения кожи и пота в три ручья не наблюдалось. Однако, всё же, во всём его тельце сквозила и вырывалось через мелкие слабые поры откуда-то из затхлых пещер действительная молодость, как импичмент былому статусу. Знакомство с Ванессой оказалось для него вдохновляющим, как и переселение в целом в семью Кирсановых. Впервые за многие годы, впервые за вечность, Стефан ощутил своей практически рыбьей кожей, с которой содрали чешую, ближнего. Попросту говоря, человека. Неважно, что госпожа, господин, да и многие в этом мире недолюбливали её. Неважно, что с рождения и дня теперешнего он был с головы до пят неудачливым безвольным коньюгатом. Важно только то, что челюсти его, заржавевшие от монотонной собирательной работы, то, что почти атрофировавшиеся мышцы его лица сказочным образом, на миллимоль ожили, дрожью неровной сыпучей завибрировали, образуя вокруг зубов какую-то обнаженку, которую вряд ли можно было посчитать улыбкой: скорее первое восхищение существа, спустившегося с дерева и озирнувшегося кругом.

– Ай, молодчик! Ну что за способный замечательный пе-

рец! Вот это я понимаю! Руки с намеченной области! Хватуны, да?

– Окайэри, монсеньор.

Агний весело прошлепал по обработанной чистой поверхности ногами, с которых предусмотрительно стянул влажные от бега носки.

– Просто душа радуется да и только!

– Спасибо, мастер.

– А ты я вижу с горничными нашими познакомился! Срзу розовые щёчки, искорки в глазах, тонус где надо!

Розовых свежих щёк и в помине не было, блеска и подавно. Но в целом, ирония была близка к правде на 0,1 процент.

– Это эффект яйцеклеток! Животворная сила женщин! Сам тащусь! Но если ты вздумаешь забраться на одну из них, я тебе хребет переломаю и по ветру пушу.

Смотрит серьёзно. Работник переминает в своих длинных пальцах тряпки и опускает свой сиреневый взор.

– Алексаундер, я...

Громкий беспардонный, но прекрасный хохот. Приятный для ушей. Так что шутка перестаёт быть плоской и грубоватой.

Он смеётся, как Вероника. Как та девушка с ямочками.

Поскольку Стефан – конъюгат, причём ослабленный, Хрисанф моментально перекидывает мостик связи.

– Ладно, не будем врать. Не хотелось об этом говорить всем налево и направо. Тем более, девочки не в курсе. Это мои дочери. Но если откроешь им это, духу твоего здесь больше не будет. И вообще я обижусь. Я тебе сказал, потому что мы из одного теста слепленные, из одной глины, и ты так и будешь ходить и подмечать, что да как, пока не догадаешься.

– Слушаюсь.

– Слушай-слушай. Они – не конъюгаты. Поэтому настоятельно прошу не расплескивать тут свои "фибры и феромоны". Они – люди. Но я всё равно не хочу, чтобы купались в этом бульоне.

– Да, сеньор.

По его виду нельзя было утверждать удивление. Ведь этот стинки когда-то обнаружил их гнездо и их фабрику по производству отпрысков. Тогда Агний почистил его память, чтобы избежать неприятностей с Лито и Талоном. Но после "кражи" "конъюгатского имущества" восстановил его данные.

– Ну че ты приуныл. Выше нос! Только вырвался на сво-

Глава 6

Хрисанф думал, что вынужден будет упиваться своими внутренними слезами ещё целую неделю, при этом тщательно скрывая своё настроение от жены. Но все его мрачные мысли по поводу себя как морем сдуло, когда он обнаружил её не у себя, а в его верхнем рабочем кабинете.

Далила сидела на его большом стуле-кресле с высокой резной спинкой, бросив голову на стол, из-за чего верхняя часть тела немного затерялась среди его настольного "барахла" и слышно было только, как она ритмически хныкает и сопит.

Все эти звукоизвлечения: постанывания, сопли и крикты, в общем-то, и на поверхностный взгляд были несерьезные, неглубокие, не особо правдашние – не такие, что вызваны подлинной грустью. Но Агний тотчас расстроился и обеспокоился состоянием супруги и засуетился возле неё.

Она не приходит сюда, лишь бы прийти, в одиночестве, без меня. Скорее, я тащу её сюда, пропадая здесь. И единственный способ оторвать меня от дел: быть рядом.

– Солнышко, что с тобой? Что случилось?

Далила не снимается с позы, продолжая потихоньку ныть, поэтому он целует её волосы и плечи. Взял бы её на руки и увлёк к себе, но видно: она недовольна и будет ещё больше капризничать.

– Библиотека...

– Что произошло, дорогая?

– Я ходила в общественную библиотеку, пока ты обежал пол-экватора. Хотела проехаться вместе с твоим стинки.

– У него есть имя. Стефан.

– Ну да, этот Стаф нормально так водит. Даже тише Аполлона. Хотя, может, он просто пугался меня.

Ей надоела духота, вызванная положением шеи, груди и башки, поэтому она сама распрямилась и обняла мужа. Слез почти не было. Глаза покраснели скорей из-за того, что они чесались от раздражения и она их тёрла широкими длинными рукавами кимоно, сшитым Калитой по приезду с Севера.

– Ах ты звездострадалица моя маленькая! Разве можно так расстраиваться по пустякам.

Уводит на их диванчик и прижимает к себе. Далила вздыхает и путается в своих одеждах.

– Но я ощутила себя такой старой, древней и исчезнувшей...

– Там провели списание.

– Да. И я не нашла некоторые детские книги. Они были как индикатор. А я даже потеряла как будто способность шарить по полкам.

– Это не так.

Запускает свои руки в рукава кимоно и поправляет складки, из-за которых она чувствует себя тяжело.

– Я захотела плакать. Как будто моё детство исчезает и мне говорят: "Что вы, книги старятся не только внешне, но и по содержанию".

Она и в самом деле выдавила пару капель, и не удержавшись от накрывавшей тоски и меланхолии, уткнулась в него так, что ему даже стало больно в области живота и боков.

– Хочешь я выкуплю их на чёрном рынке? Составь только список.

– Нет!

Далила слегка шлепнула его по груди.

– Перестань говорить как гребаный мафиози. Это ничего не изменит.

– Ну, ладно.

Делает попытки раздеть её, но теперь они вдвоём путаются в калитинском шёлковом лабиринте.

– Почему он сшил тебе наряд девственницы?

– Это не девственницы. Невесты.

– Ладно.

Просто лежат. Ждёт осторожно, когда она успокоится и начнёт думать, что это чепуха какая-то.

Проходит час.

– Агний.

– Да, зеница моего сердца.

– Как говорит та героиня: моя кожа скукожилась, мои волосы вылезают, что со мной происходит. А оказалось, это просто время.

– Хочешь, я выкуплю эту библиотеку, мандаринка?

– Не тупи. Так ты не только мне в аду место забиваешь.

Но и себе.

– Просто я хочу тебя утешить.

– Да.

– К тому же, помнишь? Недавно ты сама выкинула порядком вещей. Хотя я тебя просил дать мне: сложил бы где-нибудь в амбаре. Нормальные такие были. Но нет. На тебя нашла эта всёвыкидывалка. Не практичная ты. Хотя бы в благодетельность могли отдать.

Иногда он такой же косноязычный, как и она. Получает пинок между ног. Как всегда делает блок руками. Уже вынужден предугадывать.

Носить щиток что ли постоянно.

– Далила, без наследства останешься.

– Очень надо. Разбирайся со своим наследством сам!

– Ещё одно слово, и будешь рожать каждый год у меня.

Угрожает, но сам нежно ловит её кулаки и тумачи, пре-

вращая борьбу в объятия.

– Ну такая капризная не могу.

– Хочешь сказать: я выкинула и меня выкинут?!

– Я ничего не хочу сказать. Это просто закон жизни. Ай-каа! Ей-богу, я завтра обкарнаю их налысо!

Борются. Продолжают бороться. Уже покраснели от трения шёлка.

Ах вот почему этот хитрюга подарил нам их.

Хрисанф тоже в кимоно. Это парный комплект.

– Ну теперь довольна?! Теперь мы не такие уж и скукоженные. Айкаа! Осторожно, моё бюро!

Далила забывает о библиотеке напрочь. Впрямь что за крокодилы? Что за попытка сохранить заплесневелые огурцы? Что за консервация того, что ей не нужно на сто процентов. Внезапно останавливает бой подушкой и наблюдает полоску от реактивного самолёта через прозрачный купол. Пучок, который очень долго, скрупулезно и кропотливо собирала Виктория к её сегодняшнему ансамблю, раскручивается и волосы свободно падают вдоль её позвоночника.

– Просто. Было уютно. И надёжно. А когда это исчезает. Всё рушится.

Хрисанф встаёт рядом и наконец отворачивает верх кимоно. Ткань стремглав, с слышимым шумом падает на пол.

– Так всё и происходит в первый раз.

Она то ли сердито, но, честнее, нетерпеливо срывает и его шёлка. Но ему это на руку. Ему нравится всё новое, ему нравится динамика, изменения, рост и развитие, эволюция если хотите.

– Ты, всё-таки, список составь, а я там посмотрю, что можно сделать.

Далее его мозг и косноязычие вырубает, как рубильником. Как глупо. Зачем плакать из-за книг. Когда всё это итак здесь.

Целует.

Глава 7

Арсен бегал вдоль набережной. В своём большом сером спортивном костюме, светлых кроссовках с синей полоской ближе к подошве. Впрочем, он усилил физическую нагрузку с тех пор, как уехала Аэлита. И ничего непонятного в этом не было. Всё естественно.

Когда он добрался до одного плавного перехода с аккуратным синтетическим мостом, начался дождь. Вообще-то, было рано, не по сезону для подобных осадков. И хотя капельки были совсем небольшие и редкие, окружающий мир сразу впал в конденсацию. У Арса пошёл пар изо рта, а волосы, выглядывающие из под вязаной шапки, увлажнившись,

слегка потемнели и заволнились, запружинились.

Аэл, когда он вылезал из долгой ванны, всегда кричала ему, чтобы пока не расчесывался и завтра ходил также, но ему казалось это стрёмным, поэтому всё равно пятерней машинально расправлял свои завившиеся от воды патлы.

Иванов сам этого не замечал, но он стал ещё мощнее: с его тела как будто отсеклось всё брякающее жирное, засидело гиподинамически современное, а тем более – унылое немужественное. Скорее всего, это было что-то связанное с конъюгатскими практиками, но женщины сказали бы, что это из-за любви и разлуки. Раньше ему и чайник в 2,5 л было поднять в лом, а тащиться на 9 этаж (где он жил) при поломке лифта, было и вовсе сущим наказанием. Что и говорить, что некоторым толстым молодым людям сложно повернуть голову, чтобы ответить кому-либо на "который час" или "извините, это место свободно".

Арсен до Аэл и Арсен после, как будто, даже внешне были совсем разные люди. Теперь, если бы какая-нибудь из его бывших девушек притронулась к его коже на спине, то в ужасе бы убежала. Во-первых, ощущалась печать одиночества и тотальная занятость чем-то, что не терпит возражений и любого глупого вмешательства со стороны. Во-вторых, это уже был не тот парень-плавленный сырок цвета жареного тофу, а какой-то другой чувак. Такой, что к такому не лезут даже самые ХХХ и так далее тёлки. Если позовёт – то сам.

Конечно, Арсучка об вышеперечисленном не проклевы-

вал вообще. Все его мысли, когда можно было освободиться от будничной рутины и посвятить время себе, заполнялись Золотаревой, то ли женой его, то ли уже не женой.

Если бы она взяла мою фамилию после регистрации. Что-нибудь изменилось бы? Что-нибудь меняет это между двоими? Вот, например, Далила – Кирсанова. Хотя это просто фамилия, лишь бы. Но она же не настояла на своей какой-нибудь. Не осталась при девичей хотя бы из-за лени. Мы об этом много не говорили, но кажется Аэлка хотела сохранить родовую линию. Кажется... Это тебе не Ивановы-Петровы-Сидоровы. Но Аэл вроде не считала, что Золотарева – выбивается вон из ряда. Просто какой-то дедушка... Какая-то бабушка... Много отмазок да, чтобы не взять мужнину. А теперь это имеет значение? Когда у нас нет детей. Каждый остался при своём.

Но я не сержусь на тебя, золотинка моя ненаглядная. Если это всё было не сном, если сейчас всё не сон, знай, что я даже когда не думаю о тебе – думаю. Даже когда сплю и не вижу снов – думаю. Я бы даже развёлся с тобой документально и больше никогда б не спал с тобой, только бы ты просто, как прежде, жила вместе со мной.

Арсен притворил за собой дверь. Щелчок и оказался в пустой квартире. Он снял мокрую одежду и улегся на пол. Так он пролежал практически неподвижно до глубокой ночи.

Кирсановы отдыхают. Далила не очень напрягается, потому что близнецы по приезду больше тренируются с Калитой. Айнар вдруг обнаружил для себя, что этот, как и все, раздражающий его старичок очень даже неплохо втюхивает ему некоторые вещи. Хрисанф, конечно, в целом лучше, но из-за их внутренних тёрок, ему не получается вдуплять сына знания. По большей части, Агний в душе своей вообще стремился поскорее сбежать от этих, как бы, навязанных занятий. Айтал находился в свободном режиме, но поскольку он был истинной половинкой горячо любимого брата, то возвращался с ним в дом их отца почти что только ночевать.

Может, это было некрасиво, но папку их такой поворот вполне удовлетворил. Он, честно говоря, мечтал о том дне, когда его "сложный отпрыск" уедет восвояси на родину. Однако, при этом жалел об отношениях с Айталом. Но что поделаешь. Для того самый важный человек – понятно кто, природой то обусловлено.

– Агний.

– Да, моя прелесть.

– Должна признаться, на новогоднем корпоративе твой рэп был не так уж и плох.

Хрисанф возводит ввысь руки и пускает с шумом воздух из лёгких.

– Ну, наконец-то! По прошествии сколько месяцев ты меня похвалила?!

Далила прячется под одеялом от его внезапных громких объятий.

– Я говорила!

– Не говорила!

– Говорила!

– Нет, не говорила!

– Я говорила, просто ты не так понял.

Она чувствует себя немного виноватой перед ним из-за резких слов, выброшенных недавно. Не успела и прислушаться к себе, как выпалила совсем уж не то. Муж замял эту небольшую перепалку, но Далила не могла не заметить то плохо уловимое, но, всё же, явное беспокойство в его существе.

Я просто выпульнула это из себя ради красного словца, как мат, а он, походу, принял за чистую монету. Дурак. Он что, совсем не понимает, что я не могу никуда уйти от него. Я больше никому и не нужна.

– А как я понял? (выглядит озадаченно).

– Ну, я же не пошла на корпоро, поэтому ты включил прямой эфир и потом все рождественские дни крутил эти выступления, чтоб я по тысячу раз пересмотрела.

– И?

– А разве ты не видел, что я и смотрела.

– Как это...

– Ну ты совсем что ли. Я же даже без тебя смотрела записи.

– Продолжай.

– Кто сто раз зырит то, что ему не нравится?

– Не знаю. Оператор какой-нибудь...

Очень несильно ударяет его по ключице.

– Элементарно, Ватсон!

– Аа...!

– Ээ! Акаары йоо! (дурак)

– Аа!

– Но до славы Джиды тебе ещё лететь и лететь.

Агний делает важный расфуфыренный вид и растопыряет пальцы в хип-хоп манере.

– Ну, это мы ещё посмотрим! К тому же у меня свой стиль, свой цвет, так сказать. Зрелого мужика.

– Айка, мы итак тут все зрелые и даже перезрелые!

Прижимается к его груди. У него широкие плечи, узкие бедра, и ноги не сверх длинные в пропорции. Конечно, в целостной картине, по сравнению с Далилой, у Хрисанфа внушительные конечности. Но ей нравится, что муж сложен также хорошо, как витрувианский человек. Только корпуснее. У него нет пугающих, хищных, или слишком качалкинских кубиков на прессе. Но живот крепкий, абсолютно не

плоский. Вполне конъюгатской структуры. Её фетиш – руки. И руки Кирсанова абсолютно прекрасные. Наверное, быть в таких руках хоть однажды – это уже счастье. Кроме хорошего, добротного устройства тела, у Хрисанфа очень эстетичные телодвижения. Если можно так выразиться. Иногда красивые люди имеют минус, то есть ноль в этой части. Агний тоже довольно неуклюж, но в него можно влюбиться даже, когда видишь его со спины и не знаешь его лица. Есть что-то такое притягательное. Хотя, может, так кажется только Далиле.

– Я была приятно удивлена.

Гладит его гладкую, и твёрдую и мягкую кожу на шее и по бокам.

– Что ты хотела от "парня из квартала". Поэтому я и отказался от затеи Арсена с рок-композицией.

– Почему?

– Я что ли богема наркотическая с белесыми нежными пальцами гитариста (с молекулой грусти). Мне такое в жизни не постигнуть.

– Ну, они не все такие, наверное. Впрочем, как и хип-хоп может быть гламурным.

– Я выбрал это направление, потому что это нравится тебе.

– По мне не скажешь да. Но я люблю чёрную музыку. Вообще, эмоции в мелодии – это моё. Не интеллигентный ин-

теллект. То есть я не разбираюсь, но можно послушать под настроение.

– Хочешь сейчас зачитаю!

Выпрыгивает голым из кровати, весь в воодушевлении и возбуждении (не в том смысле).

– Нет же! Успокойся! Потом, когда день вступит в силу.

Хрисанф возвращается в постель и чуть ли не стыдливо укрывается кусочком одеяла (другая часть у жены). Она пытается потихоньку отрывать этот заслон, но на того временами находит такая застенчивость, что у твоей благородной девицы.

– Агний.

Сияет, как звезда на тёмном осеннем небе, почти прикрыв нижнюю часть лица.

– Это же я.

– Знаю.

– Почему ты вдруг так делаешь?

– Потому что люблю.

Далила отставляет свои попытки и начинает думать о концерте, который смотрела на днях.

– Ты – самый странный человек в мире. То тебе невтерпёж, то вдруг такой недотрога.

Он отбрасывает свою недавнюю защиту в сторону и опять-таки обвивает её, как ювелирная оправа круглый камешек.

– У меня слишком тут всё бьётся, не могу контролировать своё волнение. Бросает из огня в огонь. Слишком приятно.

– Ах, ты гребаный извращенец.

– Ничего не могу с собой поделать.

Так могут лежать сколько угодно. Для примера: Калита нередко посещает их усадьбу, но зачастую они даже не знают об этом. Никита может обратно уехать к себе, даже не увидав их. Просто заберёт что ему надо. Или если в сомнении, хорошо ли новоиспеченные родители следят за своим многочисленным потомством. Проверяет итак ладно работающий питомник. Даёт наставления горничным, чтоб совсем от рук не отбились. И нет-нет, совсем чуток поворчит, что эта парочка совсем уж безалаберная, вечные голубки в медовой вечности.

– Агний.

– Да, сердце моё.

– Хорошо, что у нас появились дети.

– Конечно, хорошо.

– Давай жить долго и счастливо.

– Это обязательно.

– Я тут ходила на концерт школы, где училась. И сейчас проводятся такие классные ежегодные балы. Ну, такие. Типа

вальс, мазурка, менюэт.

– Я знаю.

– Я хочу так посмотреть, как наши дочери и сыновья будут на таком балу. Там надо разодеться в пух и прах. Мальчики в костюмах, рубашках. На девочках – сверкающие диадемы, платья длинные с каркасом. Как цветы. Спереди можно локоны, через шипцы которые. Блётки. В принципе, подростки уже могут перекрасить волосы. Перчатки. Парни – джентльмены. И даже если кто не особо умеет танцевать, музыка – самая трогаящая, задушевная. Ай-контакт, тач ту тач. Эх, романтика! Я бы даже согласилась, чтобы дети начали встречаться с кем-нибудь в старшей школе.

Хрисанф наблюдает за женой, внимательно слушает. Есть то, чего не было у него. Есть то, чего не было у неё. И то, чего не было у обоих.

– Нет уж. Если ты такая беспардонная, то придётся мне, как папе, проследить за поведением отроков.

– Не будь таким занудой!

– Ещё чего придумали! Если наши дочки будут обжиматься с какими-то прыщавыми спермотоксикозниками, я им покажу кузькину мать и вообще выставлю из дома, если они такие бесчестные!

– Агний, не порть картину!

– Замечтались, ага! Вам разреши, вы вообще беспредел разведёте. Я так посмотрю, ты и не против будешь, если Ур-

сик в шестнадцать в подоле принесёт?!

– И не буду!

– Ах ты!

– Я не буду консервировать молодёжь! Пускай берут от жизни всё!

– Такая своенравная, не могу!

Перекачивается и оказывается сверху.

– За вами нужен глаз да глаз, детей моих мама! А то вырастишь какую-то особую вольную расу!

– Это всего лишь бал! Что ты опять напридумал в своей голове!

Он понимает. И он согласен с ней во всех пунктах, углах, и точках. Просто это так его раздосадывает, в очень положительном смысле этого слова, что он не может не высказать противоположное, ибо в противном случае, у него в качестве альтернативы напрашивается гребаный глазной потоп от умиления и невыносимого чистейшего душевного трепета. Это трогает его, поэтому, чтобы заткнуть свои чувства, он переходит на свой телесный способ передачи своей любви.

Право, так лучше. Иначе бы я взорвался и чисто превратился в мокрую лужу.

Глава 9

Аэлита идёт по пустыне. Следом неспешно, руки в кар-

манах джинс, всё та же футболка в полоску, ступает Тутти. Солнце высоко, жарит как на сковородке, но Аэл в очень лёгком коротком открытом платье и в тонких сланцах. На её лице замерла небольшая своеобразная улыбка: спокойная, и как говорится, железная, хоть и выглядящая со стороны вполне мягко и безопасно. Раньше за ней такое не замечалось. Раньше она была весьма энтропийной, хаотичной и в некоторой степени лишне-энергозатратной. Сейчас в не слишком зеленоватых глазах наблюдается влага. Не от грусти, а как будто там имеется предохранительный океан, не позволяющий чувствам расхлябаться и вытечь наружу в ненужный момент и испортить важные ситуации. Практически невидимая потовая испарина призрачным холодком лежит на её коже, длинные тёмные волосы собраны в хвост. Без шляпы.

– Аэлита, ты не в теме.

Девушка оборачивается к парню, остановившемуся чуть выпить воды из очень маленькой фляжки.

– В чём дело?

Тутти закручивает крышку и усаживается на тёплый песок, приглашая жестом присоединиться свою спутницу.

– Ты не так одета. Не по локации.

Золотарева усмехается, небрежно осматривая полыхающие на ветру кусочки платья. Но как будто воздушные потоки дуют прямо так, как надо. Как в специальной рекламе. Разглаживают складки, проходятся то слева, то справа, но

не сбивают тонкой воронкой к голове, чтобы показать бельё, не прилепляют волосы к лицу, как зачастую и происходит с большинством повсеместно и абсолютно не эстетически, не заставляют морщиться и щуриться от пригоняемой песочной пыли. Она словно прогуливается по подиуму или проходит оздоровительный моцион где-то в более благоприятных местах.

– Даже если ты отенкай, не стоит так глумиться над нами, малость нетошними.

Смех. Оба дурачатся. Оба не ели обычную еду трое суток, а не спали и вовсе сколько не считали.

По прибытию в штаб организации, о котором говорил Хрисанф, Аэлилу хотели распределить, изучив её организм и сопутствующие данные, сразу на несколько порядков выше, чем привычных новичков. Да и честно сказать: отенкаев у них не было, образно говоря, сто лет. Их относительная автономность не позволяет кому-либо если не использовать, то манипулировать ими. И как уже ранее упоминалось, в них нет амбиции, какой-то узкой мотивации, кроме общего гуманизма и прямолинейной простодушной (встроенной) доброты.

Очень возможно, что сказала кровь Калиты, то есть конъюгата. Но те, разумеется, скрыли свою причастность по отношению к девушке. Да и сама Аэл ничего не распространяла ни про Арсена, ни про ту компанию, в которую они попали недавно.

Стэнли с разными специалистами осмотрели её вдоль и поперёк, всеми имеющимися у них методиками и знаниями, однако её родословная была посредственной и местами запутанной, поэтому чуть ли не единогласно сошлись на том, что отенкаи также появляются рандомно и далее копать очевидное не имеет смысла.

Поскольку она сама ничем не выдавала напряжённости, моральной неподготовленности, забитости и прочей галиматтии, её решили сдать вместе с инструктором сразу в зону медиации и переговоров. Но Аэлита сама отказалась, объяснив это малой образованностью и незнанием языков. Тутти уверял, что вгонит в неё необходимую базу за какую-нибудь неделю другую, но та выбрала, что ей ближе и понятнее: непосредственную помощь простым людям. В общем то, чем она занималась и до этого. Стэнли не возразил. Как и отмечал Кирсанов, это была довольно лояльная организация.

– Прости, куколка, но когда мы дойдём до того поселения, я вынужден буду не сопровождать на этот раз по всему кругу твоих предстоящих забот. Я получаю задания, по которым буду обрабатывать информацию, так что буду ждать тебя в гостинице.

– Там нету никакой гостиницы.

– Уверена?

– Да. Но ты наверняка можешь найти себе угол где-нибудь в школе.

– Окей.

Молчат. Аэл отказывается от воды. У них нет никакого багажа.

– Тебе не надоело всё время делать одно и то же?

– В смысле?

– Ну помогать этим всем нуждающимся, таскать тяжести, быть санитаркой, оказывать психологическую поддержку? Отличается только климат да?

– Ты не умён.

– Вроде?

– Для наследника Лавшики – это по меньшей мере глупо.

– Почему ты такая грубая? Была милая забавная девчонка, но с каждым днём становишься всё тухлее. Как будто не с женщиной путешествуешь, а со стареньким солдатом.

– Я и есть старенький тухленький солдат.

– Нуу! Куколка, не болтай чепухи! Это просто первая проба. Дальше будет интереснее.

– Вы меня призвали, вы лучше и знаете.

– То есть, ты бы не хотела уезжать да?

Вспоминает того её сожителя в той маленькой квартире. С Аэлиты как будто сдирают плёнку. Она присаживается рядом со своим спутником, очень добродушно ворошит его короткие волосы, ярко открыто улыбается и целует в лобик.

– Давай поедим! Раскатывай свою скатерть-самобранку!

А потом, если хочешь, можешь поспать рядом с моими ногами! Тебе же они нравятся отдельно и больше, чем я вся в целом! (смех). Но не раскатывай свои сахарные суперстар-

ные губенки! Не забывай, что я отенкай!

Тутти чуть с недовольством материализует пищу: много бутылочек с витаминизированными соками, жареная картошка, курица в панировке, гамбургеры, какие-то соусы и холодные салаты. Всё, что любит молодёжь.

Девушка кушает за двоих, тем более что эта еда, несмотря на внешнюю калорийность, быстро сгорает, потому как как бы "ненатуральная", синтезированная при помощи способностей зелёного принца. Аэл думает о стряпне Арсена, о его неровных кулебяках, простых макаронах с мясом и даже о тортах и суши, которые он ей дополнительно предусмотрительно заказывал на тот случай, если она не наестся.

Тутти – не дядюшка Хрисанфий. Да и что дядюшка. Только ты можешь это знать, любимый. То, как я скучаю по тебе. Надеюсь, ты меня не забыл.

– Принцесса.

– Не зови меня так.

– Это не я придумал. Даже Стэнли так говорит.

– Он умирает?

– Нет. Просто, типа, хочет на пенсию.

– И тогда ты будешь новым мерлином?

– Я долго к этому шёл.

Аэлита прыскает.

– Что? Что смешного?

– Долго! Ты такой молодой.

– Время относительно. Могла бы и знать.

– А я плохо училась в школе! (паясничает).

– Тебе всё можно да?

Разгорячился. И так жарко. Но от этого ли кипит что-то внутри. Дотрагивается до её лица, чтобы убрать непослушные длинные пряди.

– Все так говорят! Я не виновата! Я спокойно себе жила в Сибири! Мне норм было!

– Но тебе не стоит провоцировать меня. Я – не все. И ты испытываешь моё терпение.

Даже дядюшка не любил меня. Даже дедушка не мог ничего возразить моей сущности. Даже тётушка, Лил, спросила: "Аэлита, это ты?" Бедная моя Сарданка!

Она стучает по его возмущённому лбу одноразовой ложкой (всё очень реально) и заливается громким смехом.

– Допустим, мы поженимся! И что с того!

Смеётся так, что Тутти кажется, может, всё-таки стоит её лучше беречь, она, всё-таки, просто человек, устала с дороги, обгорела.

– Спи уже, смеяна!

Аэл очень скоро отрубается, как будто выключили с сети. Тутти снимает футболку, кладёт её на ноги девушки, но не доходя до колен, и устраивает туда свою голову.

Странная. И я держу дистанцию. Это же не из-за её крови. Неужели, любовь... Невозможно!

Арсен давно ничего не готовил эдакого выдающегося в его понимании. Как в стародавние времена перешёл на что попало. Хотя нет. Враки. Стариковская дисциплина никуда не исчезла. Кроме регулярных физических тренировок, он также по привычке соблюдал, так сказать, режим дня. Разнообразные простые каши, простые супы, простые гарниры и второе. Но всё понемногу. Может быть, Арс и стал частично конъюгатом, но того немереного аппетита, коим обладали и его новые друзья, и жена – такого не наблюдалось. А после того, как Аэлита улетела восвояси, он ел чисто механически, и особо этому не радовался, как прежде.

Но сегодня в гости должен был заглянуть странный босс, и если признаться, самому Иванову уже порядком надоело то его состояние, которое Хрисанф именовал любовной депрессией. Поэтому он решил вдохнуть жизнь в свою маленькую, как будто посеревшую от безделья, кухоньку. Открыл форточку, поменял маленькие занавески, помыл холодильник, почистил фартук (что над столешницей), постирал одинокий матерчатый фартук, осмотрел ножи. Арсен их практически никогда не точил. Даже охотничьи и из якутской стали, которые ему подарили отец и двоюродные братья. Он просто аккуратно и бережно с ними обращался, хотя в доме был и точильный камень и специальный брусок. Аэлита восхищалась тем, как он безнервозно резал мясо какого угодно сорта, и как это было потом вкусно, свежо и полезно. В отличие от Калиты, Кирсана и многих других соплеменников, ему не

приходилось участвовать в охоте. Наверное, скорее всего, оттого что он родился и жил в городе (гараская братва – как его обзывал гребаный Хрисандель). В детстве и отрочестве нередко гостил у бабушки и дедушки в деревне, в улусе. И дед нормально ходил на уток весной, осенью, как обычно. Но этого внука не загорелся желанием приобщать. Может быть, потому что тогда в нём была какая-то ленивая нерасторопность и медлительность, вкупе с созерцательностью, и старик так понял, что аналогичные занятия не подходят вот таким пацанам. Зато на рыбалку ходили да: и зимой и летом. Арсен умел также хорошо чистить и готовить рыбу, как и вовсе на далёком севере. Дед был по маме и говаривал, что это у него какие-то тунгусские гены по отцово́й дальней родне. И вообще, немногословность, небойкость, плотное телосложение, немного на солнце просвечивающие волосы, крупные зубы, красивые кисти (не совсем батрачьи), также просвечивающая на свету радужка – это всё дедушка считал не по их линии, и несколько даже подтрунивал, выделяя среди других внучат. Но мальчик не обижался. Ему нравилось дышать чистым воздухом и хоть не так резво, как другие ребята, бегать по местным окрестностям.

– Да похож ты на мамку, не заморачивайся.

– Лучше вот, чеснок. Ты умеешь его быстро и мелко порубить.

– Придётся научиться, когда столь долго жил в соответствующих странах.

Хрисанф и вправду с усердием, но моментально создаёт довольно симметрично рубленную горку.

– А сеньорита была в то время с тобой?

– Нет, с ней мы перешли на относительно оседлый образ жизни.

– Аа.

– Знаешь, чем ты похож на свою матушку?

Арс кидает в кипящий бульон овощи и мешает всё длинной деревянной лопаточкой.

– Чем же? (без энтузиазма).

– Своей красотой.

– Господи. Пфф. (без особой эмоции).

– Натурально, говорю тебе. Как гребаный эстет, ценитель, работник Далила катс, ну и вообще: как знаю тебя.

– У тебя, Птерыч, никакого понятия, значит.

– У твоего дедули никакого понятия. Такого языкастого я в жизни не видел.

– Точно, безпонятийный.

– Твой папка тоже ничего так. Артисты всё-таки, обучены и всё такое. Но я не по этой части. А мамка – да. В женщинах я чуток... Ну это... Бабы – это моё всё, короче. Не могу не заметить.

– Пошляк ты. Давай сюда тарелку, суп готов, и вот краковская, всю разрежь, а то тебе не хватит. Потом ко второму у меня и осетинский пирог поспеет. Кушай-кушай, так с тебя хоть какой-то толк.

Обедают. Хрисанф нет-нет да и смотрит на ученика своего.

Вроде, цвет лица улучшился, перестало вонять порохом и то хлеб.

– Золотарева не легла бы под обычный коржик.

– Тьфу ты! Хватит уже. Чуть не поперхнулся.

– Ты вот её считаешь обыкновенной девкой, а оне стало быть выбирали. Приглядывались.

– Маразм.

Вообще-то, лучка пучок зелёный дикий говорила, что никто её не замечал, кроме меня. А сама была в окружении людей, что мужчин, что женщин.

– В этом есть доля правды. Но в свете последних событий... Я узрел, что она действительно тебя любит.

Арсен уже привык к этой их повседневной мирской конъюгации, что ему было даже всё равно. Порой чувствовалось, что это и не конъюгация вовсе, а просто беседа.

– Это извечная наша с Далилой курица и яйцо.

– Что?

– Ты спишь, и вообще присутствуешь здесь, или я так в собственном воздух сотрясаю.

– Валяй, сотрясай потихоньку.

– Я за теорию, что Выбирает женщина. А жена придерживается противоположной точки зрения: что Выбирает мужчина. Это надо же до такого додуматься. Наверное, поэтому она и писательница.

– У каждого своё видение.

– Потом мы, конечно, сходимся, что на деле и те и другие.

Так приятно бывает.

Не сдерживается, не может спрятать блаженную улыбку.

– В чем-то сеньорита права. То есть, я сторонник гипотезы, что всё индивидуально, если интересно. Но в вашем случае, возможно, было так, как считает Птеровна.

– Ой! Сэнсэй Иванов! То есть, дай я тебе объясню на пальцах. Если без шуток. Я же понимаю Аэлилу. Я тоже, как бы, как это сказать. Я же мокрица, невзрачное невидимое насекомое. Я – ничто. Особенно для таких, как Далила.

– Ой. Не так будет сказано.

– Поэтому, это она меня выбрала. Заметила. Как заметил ты Аэл. Или как она тебя заметила.

– Хрисанфыч – ты просто сумасшедший. Заруби это у себя на носу. У тебя просто встроенное королевство кривых зеркал в мозгу. Если ты не знаешь. Мне не так чтобы приятно, но пофуй сейчас вообще, ты Птер – ходячая бабья сучота, тоска и прочие причины. Никакой ты не блошик. Не наговаривай. Грех это.

– Последнее можно было бы и пропустить. Не дорос ещё, чтобы зачитывать мне Что такое хорошо и что такое плохо.

– Другое дело, твой характер, твоя сущность да. Оттого, может, ты и не такой популярный. Бабы ведь тоже люди. То же людей любят. Простых там. Не тех, у кого мозги набекрень. Так что твоя Далила, может быть, и не вышла б за

тебя (в сторону: Когда экземпляры, как Корсун, имеются в заначке).

– Гребаный упырь! Он не подходит ей!

– А ты подходишь ага.

– Ах ты маленький вертлявый хитрозадик!

Отрывает рукой большую часть горячего, только что вынутого из духовки, мясного пирога и начинает неистово поглощать, накладывая сверху кучу не совсем домашнего магазинного масла.

– Поедешь со мной, заверну настоящее и сметаны дам густой! Ты что, на маргарине свою массу отращиваешь!

– Чего мне, как вам, баловаться на чистом сливочном.

Мне и синтетика подойдёт.

– Эволюционер мелкий!

– Чё обзывать-то. За хлеб-соль что ли.

– Ладно, прости. Опять вышел из себя, как только про того чувака упомянул. Я же тебя просил не водиться с ним, а ты всё равно продолжаешь встречаться.

– Я не встречаюсь. Он тут пиджак свой забыл. Приходил забирать.

– Приходил он. Он вообще знает, что такое быть пешеходом? Позер. Не за пиджаком он "приходил". Такие мелочи его никогда не интересовали. Корсун суётся сюда из-за тебя.

– Проехали. Ты весь трясёшься, когда эта тема просачивается. Не порть впечатления от приёма пищи. Забудь, айа.

Агний тянется к нетронутому куску Арсена и тому разу-

меется не жалко отдать.

– Так что, возвращаясь, я, как незаинтересованное третье лицо, полагаю, что это ты выбрал сеньориту.

– Думаешь?

– Почти уверен.

– Но это как-то неромантично. По классике должно быть наоборот.

Хрисанф запивает поглощенное морсом, налитым в большую пивную кружку советских времён. С искренним удивлением.

– Я думал: всегда выбирают женщины.

– Может, они просто соглашаются?

– Это вестимо.

– Ладно, бро, расслабься. Как ты не можешь понять, когда петросянку мочат. Как ты сам сказал, это обоюдный процесс и нет здесь ни левых, ни правых. Иногда ты просто поражаешь своим простодумием.

Агний почти не слушает собеседника. Поглаживая живот по часовой стрелке, он погружен в собственные мысли.

Как странно всё устроено в этом мире. Все одиноки. Все – не дураки. И стараются себя охомутать отношениями. Разрушают часть себя, чтобы создать связь по типу: ключ-замок. И даже моя Далила, с которой я готов сдувать пылинки, беречь от солнца и луны, носить на ладони, входит в число тех, кто желает быть выбранным, нежели отвергнутым или нетронутым. Такие дела. Почему человек, как пу-

ценная стрела? Однобокий и стереотипный? И почему, если прав Арс, я выбрал её, если отрицаю подобное мировоззрение. Нет, Арсушка-клеймовщик, Арсушка-законотворщик, не так, как говорит Далила. Я не буду верить в эту гребаную теорию половинок. Хотя бы по своей гребаной конъюгатской натуре. Слияние. Как этот пирог. Абсолютно разные по составу и строению продукты: злаки и животные белки. И как вкусно! Я – не картонный пазл. И капельке моего сердца не обязательно стоит подстраиваться под меня, чтоб получить этот идеальный навязанный эталон.

– Но я долго работал над тестом, и мясо измельчил в блендере.

– Не лезь без спросу. Как ты вообще здесь оказался?

Выталкивает хозяина дома из себя.

– Такой шустрый, не могу.

– Ничего я тебе не навязывал. Сам придумал – сам оскорбился.

Молчат. Странный конъюгат собирается домой. Возле дверей.

– Я приходил узнать, как ты справляешься. В общем, вижу, что очень даже неплохо.

– Птерыч, разреши выйти на работу завтра.

– Конечно.

– И я не ставлю тавро... Можно так представлять, но.

– Да, прости. Это из-за твоего косноязычия.

– Нет, сам не знаю, как это происходит. Вот, ты думаешь,

что ты мне неприятен.

– Но так же. И кому бы.

– Это не совсем так. Я удовлетворительно отношусь и к тебе, и к Калитке, и к сеньорите. Особенно сейчас.

Замаялся.

– Ведь, если бы я не встретил вас тогда, мне кажется и Аэлитку я бы никогда не встретил. То есть. У меня такое ощущение сейчас. Когда она исчезла из моей жизни. Как будто вы – единственное доказательство нашей, если так оно было, любви.

Хрисанф, видя видимое тяжёлое волнение друга, слегка приобнимает и хлопает ободрительно по лопатке.

– Щедро. Но что и следовало ожидать от тебя. Приезжай сегодня вечером к нам, с сыновьями познакомлю, со Стефаном.

– Это ещё кто?

– Мы будем ждать с Далилой и детьми.

Глава 11

Хрисанф находит жену в детской в то время, когда та делает громкое устное замечание старшей дочери, Урсуле. Попросту говоря, ругает. Агний подходит к ней сзади, обнимает и, заступаясь за свою любимицу, шепчет Далиле в ухо, чтобы она так не делала. У него пунктик по воспитательному процессу. Он думает, что если дети будут слышать, как ссорятся родители, то получают психологическую травму (по максимуму).

му), или в будущем будут испытывать трудности в создании отношений (особенно, семейных). В принципе, супруга разделяет его точку зрения, но они оба совершенно об этом забывают, когда устраивают разборки пусть и в других комнатах, потому что иногда бывает так громко, что домашние не могут не услышать эти отнюдь не идеальные воркования.

Ещё одно странное обстоятельство у Кирсановых: несмотря на то, что Далила – не совсем авторитетное существо, не особо способное на влияние, подчинение, обольщение и так далее, их совместные отпрыски (просто чудо как) слушаются её чуть ли не во всём и практически не доставляют ей никаких хлопот, кроме той естественной заботы, что это потомство, и что это живые создания и имеют свой человеческий райдер. Это даже немного удивляет её мужа, хотя он воспринимает это, как само собой разумеющееся больше всех.

Она же – мама. Так и должно быть. Что тут такого.

Тут же происходит небольшая драка между Урсик и Милой и Хайджи, которые скооперировались против "гнёта" сестры и, так сказать, набросились на неё вдвоём. Однако Хайджи, как союзник, оказалась слабовата в интригах, а Мила не столь сильна физически. Урсула забила мятежников в дальний уголок и вдобавок покидала в них мягкими игрушками и слегка поцарапала лоб "невинной" обидчице (Милке, то есть).

Агний этот момент пропустил, так как он тоже был всего лишь навсего пусть позднекрокусным, но среднестатисти-

ческим отцом, потому что отвлёкся на беседу с женой на "очень важную тему".

Уставши от боевых действий, девочки упали в бассейн с шариками и заснули. Хрисанф увидел, что на Урсуле платье принцессы, туфельки без каблуков (но туфельки) и маленькая корона на голове, съехавшая на бок, проворчал вполголоса, зачем де Виктория напялила на крошек неудобную, вредную одежду. Он подошёл к малышке, чтобы снять пояс, корону и небольшую мантию, в которой она могла запутаться во сне.

– Стой. Не надо.

– Что не надо.

Агний пусть и считался на работе франтом и имел внушительный, постоянно обновляемый и сортируемый богатый гардероб, на самом деле, как и Далила, любил одеваться попроще. Вообще, очень просто. Что и подумать нельзя. Просто на нём и самое захудалое рубище сидело если не модельно, то художественно. Что нельзя было сказать о его жене. Там обстояло с точностью до наоборот. Хоть плачь. Даже Хрисанф с Калитой не могли тут ничего поделывать и изменить.

– Оставь так.

– Тише. Но это же жмёт. Видишь, как она расчесала руки. У неё кожа такая же чувствительная, как и у тебя.

– Ничего подобного. Её это вообще не парило.

Кирсанов не понял, но потихоньку, украдкой освободил

дочку от казавшегося ему маскарадно-некомфортного одеяния, заменив на мягкий текстильный гарнитур.

– Агний, они уже привыкли. И это из-под машинки Никиты. Викки с ним сами выбирали ткани, так что не балуй их. Они – девочки. Пускай носят, что и должны носить женщины.

– Далила, не примеряй к себе. Это же дети. Они маленькие ещё. Успеют потом заpastись тряпками.

– Всё равно. Не надо их жалеть.

– Не пытайся вырастить из них балерин, потому что сама не такая. Я не могу смотреть, как они мучаются (пытается говорить шёпотом, поскольку тревожится, что даже во сне их могут расслышать).

– Ну, Агний, ты всё портишь. Я просто хочу, чтобы они были девочками-девочками, как и полагается.

– И наступаешь на ту же швабру, что многие новоиспеченные родаки. Сама же говорила, что ты – не самолёт, раз родилась там. Почему навязываешь дочерям эту стереотипность.

– Ладно, хватит спорить, я устала. Уложи их. Я пойду к себе.

Через час Хрисанф находит её в её рабочем кабинете. Она делает вид, что работает над своими трудами, но, честно, прикрывшись бугамами, общается с подругами по мессенджеру, копается в телефоне и откровенно пинает балду.

– Далила, сегодня на ужин придёт Арсен.

– Ой, этого мне ещё не хватало.

– Он – муж нашей крестной. Фактически, он станет крестным всем нашим детям.

– Ну и обслуживай его сам. Я буду занята.

– Это чем? Опять намылилась по клубам?

– Штаа?! Вообще-то, я уже давно не в том возрасте, чтоб клубиться.

– Тогда веди себя соответственно, раз ты такая взрослая.

Агний подходит к её столу и кладёт перед ней лист с мелким шрифтом. Она, даже не глядя, смахивает бумагу на пол.

– Да-ли-ла.

– Что ещё?

– Я случайно смотрел твой телефон. Я не против, что ты пойдёшь туда на встречу. Но почему ты мне ничего не сказала?

– А тебе это было интересно? Отвечаю сама же: не думаю.

И это некрасиво – подсматривать.

– Это вышло случайно. У нас же почти одинаковые. Я впопыхах схватил. Ты же везде оставляешь.

– И что, мне теперь не идти на эту тусу?

– Нет, конечно, надо идти. Но это же выпускники. Можно было вместе пойти.

– Ещё чего не хватало.

– Но почему?

– Потому что.

– Ты даже не думала.

– А что тут думать. Если все притащат своих супругов, это будет не так. Это будут крестины какие-то. Смотрины и тому подобное.

Агний поднял листочек и вновь положил его перед ней.

– Ещё один момент.

– Хватит уже.

– Вот это прислал мне твой редактор утром.

– Я ухожу.

– Нет, ты сидишь и выслушиваешь.

– Достал!

– Далила, это уж совсем несерьёзно. Почему ты всегда такая кидала? Ты что, не знаешь, сколько я угрохал денег, чтобы ты печаталась в этом издательстве?

– Деньги тебя волнуют в последнюю очередь!

Это было правда. Деньги у Кирсанова и Калиты куры клевали и несли золотые яйца. Но практически все их доходы были направлены наружу, вложены в бизнес, как они говорили. На семью вполне хватало самого необходимого и чуть излишеств, чтоб кое-кого побаловать.

– Да, конечно. Потому что меня волнуешь ты! А ты берёшь и бросаешь их самым безответственным образом. Так разве дела делаются?

– Это ты делец, ты и разбирайся. А мне плевать.

– Но ведь был подписан договор, этот самый. Почему ты запорол процесс. Где тексты?

– Мне это неинтересно.

– Та-ак.

Молчание. Далила хочет выйти и кинуть и его. Но он опять, как будто распростерся оттуда и досюда, как непробиваемая стена.

– Что случилось, дорогая?

– Тебе не понять!

– Попробуй объяснить.

Далила, как способна, заламывает руки и как может старается смотреть выразительно, чтоб он, если не догнал словесно, то хотя бы через ощущения.

– Я не могу.

– Почему ты так подумала?

– Слишком много этих самых Почему. Слишком много рамок.

– Но ведь контракт почти свободный. Ты просто должна писать и всё.

– Просто?!!!

– Прости, я не имел это в виду.

Она про себя остановила себя, почувствовав, что ещё молекула – и они взорвутся оба, но она – наверняка. Вздыхает. Делает усилие.

– Любимый.

Агний опускается рядом с ней, комкает бумагу и прячет прочь.

– Я нажимаю да? Прости сердечно, искринка моя.

– Нет. Но всё равно заклинивает. Рефлекторно.

Обнимает, целует руки, щеки, лицо.

– Ничего не делай, если это супротив тебе.

– Так я и проигрывала всегда.

– О чём ты? Детка, просто забудь об этом разговоре. Пойдём отсюда. Чего хочешь? Что мне приготовить?

– Ничего не надо (нестандартный ответ от неё).

– Может, поспать? Я отнесу тебя.

– Нет.

Молчат.

– Всё не так. Я пересматриваю свою жизнь который раз. Я же не детская писательница. Я никогда не утверждала такое.

– Я знаю.

– Но предполагается, что все мы – дети. Нельзя писать о плохом, понимаешь?

– Я никогда не думал, что ты пишешь о плохом. Не думал и не считаю.

– Есть большое требование.

– Какое?

– Писатель должен быть КРАСИВЫМ человеком.

– Как это?

– Ну, это... Как то выражение: человек это звучит гордо. Проще мемасично говоря, нельзя просто так взять и написать.

– Но попробовать можно же.

– Нельзя писать, если ты плохой. Если ты с гнильцой. Даже если отвергнуть опыт.

– Далила, по-моему, ты утрируешь. Накручиваешь. Этот воз тебе не под силу. Сизифов труд. Не навешивай на себя несуществующих ярлыков.

– В том-то и дело, что не под силу (уныло). И самое смешное: это не то, из-за чего я бы хотела псевдо-страдать. Это навязанное. Ложное. Не моё.

– В смысле, текст?

– Даже не это. Это неважно. Самое желание навязано. Как и многое другое в этом мире. Допустим, ты хочешь детей, потому что у всех есть дети. Также с работой, со статусом, с деньгами – со всем, что угодно.

– Хмм... Думаю, не всё так плачевно. Что-то есть. Просто надо отделить зерна от плевел.

– Ах, это маргышкин труд!

– Может, собака в лени?

Побаивается, что она опять ошестинится и встанет в позу, а то и вовсе вышвырнет его куда подальше.

– Хотелось бы рассердиться, но у меня уже сил нет. Нельзя материться, нельзя богохульничать, нельзя пропускать мысли, которые могут испортить подрастающее поколение. Как будто у них нет собственных мозгов в котелке. Нельзя заниматься сексом. Нельзя цитировать без кавычек и примечаний. Как будто никто никогда не читал элементарных книжек.

– Что по твоему элементарные книжки? (с сокрытым смешком)

– Ну хотя бы Люся Синицына.

– У кого-то элементарен колобок.

– Ну хотя бы колобок.

– Насчёт секса – перебор. Откуда же всё на свете появляется?

– От любви! И точка.

– Хорошо. Кажется, я частично понял твои терзания. А как же то, что каждый занимается тем, что он может и умеет?

– Я – не авторучка! Первичнее, я просто человек, челове-
чишка! На переднем плане: у всех так. Никто не живёт выпечкой, глиняными горшками или учительством. В приорите-
тете: еда, сон, размножение, любовь. А не это всё. Это вто-
рично!

– Это как пить дать. Но далее следует: ни хлебом единым.

– Именно: Далее. Далее!

– Ладно, выскочка. Не хочешь – не надо. И опять проиг-
рай. Опять 25.

– Ты нарочно?

– Нет. Сама же сказала.

– Я не хочу крутиться в аду по кругу без конца и без на-
чала.

– Ад и есть такой ролинг. И если ты думаешь, что попа-
дёшь в преисподнюю, потому что кому-то дала, а кому-то не
дала, то ошибаешься. Ты попадёшь туда за то, что вообще,
может быть, не замечала. Так оно и бывает зачастую. А то,
что ты осознала – это просто, как ты говоришь, рамки. Сте-

реотипное мышление. За это тоже есть отдельный котёл для глупцов. Если не знаешь, большая половина ада заполнена именно глупцами. Незнание не освобождает от ответственности. К сожалению, или к счастью.

– Так говорит дьявол.

– Не упоминай того, кто отзывается на малейший призыв. Четверть подвала заполнена именно теми, кто высказал любопытство и попался на удочку. Те же дураки.

– И как же мне спастись. Если я обложена грехами.

– Раскаяние – практически недостижимая вещь. Потому что, как упоминалось выше, непроходимая глупость. Я бы порекомендовал таким принять себя и научиться жить в этом их собственноручно построенном ареале.

– Ты говоришь обо мне?

– Конечно же, нет. Видишь, глупенькая. Как легко попасть под этот самый шаблон. В этом нет ничего плохого. Все так живут. Но если ты чувствуешь, что пластинка заезжена, придётся как-то действовать. Мне кажется, тут неважно: как, что, каким образом, плохо это или хорошо. Жизнь – есть действие. Как говорил твой отец, как говорили и многие до него. Ты будешь сопротивляться, но даже это самое сопротивление будет только движением вперёд. Нету слова Назад в этом мире. К сожалению, или к счастью.

– Я подумаю (после некоторой паузы).

– Подумай. Это ты всегда умела.

Глава 12

Хрисанф ушёл в столовую и полностью исчез там, погрузившись в тончайшие мелочи сервировки и прочей бурды, как это считала Далила. Приехал Калита, чтобы помочь горничным в приготовлении некоторых особо непростых блюд, ведь девочки, в общем-то, и не знали об таком. Если вы думаете, что Кирсановы питаются только фастфудом из магазина и пирожками на скорую руку от хозяина дома, то это, конечно, не совсем так. Там много чего из мировой кухни и всякой другой гурмании. Просто Далила во всём этом не разбирается, а автор не берёт в утруднение расписать то, в чём также не понимаю.

Не то, чтобы Агний желал расстараться для друга. Скорее осторожничал, что, возможно, на ужине будут присутствовать старшие сыновья (раз с Калитой) и даже думать страдал о том, чтобы повторилась прошлая картина со знаменитым утиным супом. Одно воспоминание вызывало у него желание бросить всё и убежать куда глаза глядят, без оглядки. Однако, он решил взять себя в руки и попробовать ещё раз.

Скорее всего, близнецы не присоединятся, а уйдут в свой гостевой домик. Айтал был бы рад отужинать со всеми, но без брата посчитает это невозможным. Айнар... Я вообще зачем сказал Арсушке, что хочу познакомить его с ними? Или их с ним? Какая муха меня укусила? Акаары быбылах (видимо, дурак). Ладно, но со Стефаном-то можно. Тем более, он знает о моих некоторых траблах, так что думаю ему

будет интересно потусоваться с новым лицом. Надо расширять круг знакомств.

Хотя это было не совсем про Хрисанфа. Но он хотя бы старался. И также старался отвлечься на свечи, свечечки, тонкие изящные приборы, даже сосновые шишечки для украшения стола, чтобы не думать о Далиле и о том, что они наговорили друг другу.

Вроде бы проехало. Но всё равно осадок. Уж лучше бы она на меня наорала и побила чуток. Ну вот, легка на помине.

– Привет, солнышко! Как ты?

Далила, будучи не в теме всех этих фуфырковатых нюансов, ходила вокруг и потёрла пальцем середку большого плоского блюда, на поверхность которого муж чуть посыпал пищевой золотой блёсткой.

– Агний, к чему эти церемонии? Не думаешь, что ты в гостях у Арсена ведёшь себя, ну, как в обычных мужицких посиделках, а тут устраиваешь какое-то заморское барское застолье? Тебе не приходило в голову, что это ему будет неудобно и непривычно? Скованно.

Хрисанф действительно задумывается на секунду, но затем возобновляет свою суету, переставляя туда-сюда разнообразные бокалы. Спешит.

– Не волнуйся, крошка. Арсен довольно аристократичный, то есть его такая мизера не собьёт с толку.

Далила стучает вилкой по глубокой лазурной тарелке.

– И не зови меня так в его присутствии, будь добр, окажи

милость.

Он отставляет в сторону салфетки, над которыми завис, не зная, что выбрать: металлические кольца, или соорудить пирамидки, как на новый год.

– Почему?

– Потому что это его развеселит (пытается ослабить зазвеневшее было напряжение).

– Пускай радуется. Итак, бедняга, совсем с лица спал, как жена уехала.

Возвращается к настольному дизайну и по совету Никиты через видеосвяь с удовольствием начинает клепать кармашки (куда суют главные приборы). Даже напевает песенку. "Oh, baby, baby".

– Тебе помочь?

– Да! Вот, поставь эту вазу для фруктов на той стороне. Нет, чуть правее! Молодчинка моя!

Далила так ставит ещё селедочницу, супницу и невероятно кружевную хлебницу, которую сделал Калитка в своей гончарне.

– Уфф!

– Утомилась, золотце моё. Пойди, прилягь, отдохни, я скоро приду.

И в самом деле через полчаса приходит к ней. Иногда ей кажется, что она вышла совсем не за того человека. Порой ловит себя на том, как наблюдает за бегающим туда-сю-

да метро-эстетобалеруном, который носится со своими ленточками, хрусталем, кристаллами, цветами, духами и так далее.

И вообще, с какого боку здесь я? Причём?

У него с собой маленькая розеточка с ягодным соусом, приготовленным Кузьмой. Хрисанф осторожно макает мизинец в красную субстанцию и ещё более осторожнее прикасается этим крошечным мазком к её нижней губе.

Она в это время думает, что он делает так, потому что она похожа на чувака с пламенем на макушке с того мультфильма. Такая же мертвенно-фиолетовая, уныло-сиреневая.

Он не сможет нарисовать меня в своём вкусе.

Целует.

– Я сейчас ещё отойду, проверю всё ещё раз. Забыл капнуть одну капельку соуса в одно блюдечко.

– Зачем эти лишние телодвижения. Никто же на таких мероприятиях не ест до дна. Лучшее, что сотворили, остаётся невыкушенными кусками, как благотворительность для помоев.

Далила знает, что муж тайком от неё, всё же, держит свиноферму. Чуть поодаль. Спрятали от её глаз. Потому что ей это было не так, чтобы очень нужно. Но супруг, как и половина мужчин на Земле, любит бекон, ещё поджаренный и жирный. Кирсанова не могла не поймать их с Калитой тайну, поскольку невозможно было не уловить изредка (но) носом запах жженой щетины и аромата от вольера, и сморщить

ноздри, сохраняя всеобщий секрет.

Агний, улыбаясь, нюхает её волосы, при этом прикрывая от нетерпения глаза.

– Хочешь, вечером, когда все уйдут, попробемся на кухню и будем лизать тарелки?

Это не издевательство и не шутка. Когда они кушают вдвоём, то и как все нормальные люди, съедают подчистую в большинстве своём. Хрисанф, видимо, действительно не катался на сливках и в том особенном довольстве, когда ничего не хочется не оттого, что болен, а потому, что перепичкан и зажирел от нечего делать. Далила не раз заставляла его за тем, когда тот отчитывал горничных за то, что те зря перевели продукты, или выкидывали хлеб и прочие бзики, что писать об этом даже неловко. Вдруг прочитают те, кому лизание блюда понимается только в переносном смысле, и кто не знает, что бывает что-то другое, попроще.

– Нет, пожалуй. Итак будем толстыми и еле ворочаться. И потом ты будешь опять комплексовать, что нажрался, как свинтус (в прямом смысле этого слова).

– Ну хорошо.

Чуть пристаёт, но несильно, так как у него ещё много домашних хлопот.

– Помылась перед дорогим гостем...

– Агний. Не перед ним. А просто так. Для приличия.

– Опять волосы перебило шампунем.

Отыскивает наощупь лицом, как макака ищет вшей у сво-

его детёныша, места на макушке и затылке, откуда вырываются естественные запахи. Зарывается туда.

– Хочешь, останусь? Перезвоню, отбой. Мне никого не надо. Только ты.

– Ни за что! Не сходи с ума, пожалуйста. Арсен – не только твой родственник, но и мой. Он нам не чужой уже.

– Буду, как тебе нравится, "не мужчина, а облако в штанах".

Уже довольно расслабленный, отвлеченный, очарованный, нездешний.

– Можно и без штанов.

Согласен тут же стянуть с себя всё за один раз.

– Постой. Времени в обрез.

Но он уже слышит одноизвилино, однонаправленно.

– Делу – время, потехе – час!

Далила было возмущается.

– Ты хочешь сказать, что я заставляю тебя быть не таким, какой ты есть?!

– Я ничего не говорю, я уже заткнулся давно. Я сам, с удовольствием... Сам...

Не через час, но через какой-нибудь промежуток лежат под трепыхающимся белым флагом. Совсем не похожи на тот векторный брак, о котором им все пуляют. Обычная парочка.

– Агний.

– Любимая.

– Я тут вспомнила.

– Что?

– Ты рассказывал, что когда-то работал стинки.

– Это было очень давно, что я уж забыл.

– И ты был таким же страшилой, как Стаф? (лежит чуть ниже, обнимает, прижимаясь головой к его ребрам и животу).

– Наверное. Я не из тех, что всюду носят с собой "свет мой, зеркальце, скажи". (рассеян).

Молчат. Хрисанф более-менее приходит в себя, возвращается в более приземленное состояние.

– Ты боишься, что я уродлив?

– Нет...

– Ты боишься.

Немного успокаивает, милуются.

– Хотя есть одно.

– Что?

– Из-за этого я не могу как следует подкачаться. Хотя, может, по рождению такой... Но я не могу тят-ляп и стать, как Арсушка твой. Как бы ни бился и из кожи вон не лез.

– Он – не мой.

– Так что, я не мог оставить Стефана. Ведь мы с ним коллеги, как бы. Это не очень хорошая работа. И я теперь не могу быть мощнее для тебя, хотя ты так любишь бруталов.

– Не выдумывай (толкает).

– Но я не жалею об этом. Тот период помог мне отсечь то, что мне не нужно. И то, что мне непонятно. И это, может быть, привело меня к тебе. Я что-то, может, утерял. Но это неважно. Бог щедр ко мне, действительно. Я – настоящий счастливчик.

– Мм..

– Я не вру.

– Ну да.

– Что-то ещё беспокоит?

– Ты же знаешь, что у меня постоянно что-то бывает так.

– Забей. Лучше дай мне тебя ещё поцеловать. Только три минуты. И я вытащу себя из постели за загревок и переброшу на кухню. Всё-таки и честь надо знать.

Ну вот, опять он – властитель собственной жизни, планировщик, экономайзер, ценитель.

– Просто я заботливый тип.

– Чего?

– Векторный брак очень хорош, если правильно с ним распорядиться. Вы с Арсеном подходите мне по соционике, что поделаешь.

– Айка, о чём ты болтаешь опять!

– Детка, ты тоже понемногу давай-давай! Что за приём без хозяйки дома! Мне надо ещё как-то с сыновьями разрулить, так что, пожалуйста!

– Я не сяду за стол, если там будет Айнар!

– Ну, начинается! Я что ли буду в восторге! Надеюсь, они

задержатся в городе. Ох, сам виноват! Вечно я так, как увижу этого малого, так сразу становлюсь податливым, что твой слайм! Ох-ох, сам и расхлебываю!

– Иди уже, старикашка!

– Иду-иду! Ох-ох!

Глава 13

Немного о старших дочерях

Вроде так, что описание внешности и вообще внешнее описание не очень порой нужно. Особенно, если книжку экранизируют. Там, уже подключается режиссёр, кастинг, собственные вкусы, дух времени и так далее.

Недавно Хрисанф пришёл к жене с радостной новостью, что по одному из её романов снимут фильм. Агний хотел, чтоб это была любовная дорама, ну или сериал. Чтоб подлиннее. Но продюсеры оказались какие-то слишком крутые, что сходу замахнулись на полный метр.

Поскольку Кирсанов и сам был в числе спонсоров, то заранее узнал примерный состав актёров, и, разумеется, поделился с Далилой этой информацией. Он был весьма доволен выбором одного из главных мужских персонажей, прототипом которого являлся, как утверждала супруга, лишь частично. Играть должен был молодой, относительно малоизвестный чувак, и он, как заметила Далила, вообще был мимо. Они ни хрена не читали, – подвела она. Однако Хри-

санф чувствовал противоположные эмоции. Что? Нормальный чел. Годный даже очень.

Зато он буркнул, что напишет отказную на одну из главных женских ролей. Актриса совсем не та. Она даже отдаённо не дотягивает до твоей, хотя бы приблизительной, мэри-сю! Но тут уже Кирсанова закивала выбору. Дурашка ты. Никто и никогда не выберет героиню такого плана в таком жанре. Ни-ко-гда! Это просто не существует в природе кинематографа. Люди ищут в искусстве что-то искусственное, запредельное. Мне тоже нафик сдалась правда жизни в её реалистичности, в нехорошем смысле этого слова. Ладно, этот актёр. Как-нибудь стерплю. Но эта женщина – канон. Она – не красавица. Поэтому будут делать жёсткий акцент на харизме. В итоге, фильм лучше книги. И только ты будешь знать, что прототип вовсе не такой, какой всем понравится на экранах.

Далее, они сошлись в том, что это будет совсем другая история, но интересно будет позырить.

Поэтому неплохо будет чуть рассказать о девушках то, что известно на данный момент, потому что диалоги, возможно, не совсем раскроют их существа, так как пока они мало что говорили.

Виктория – очень односложная в понимании Далилы. Из-за этого ей и удобно с ней, и, с другой стороны – дистанционно. Она очень похожа на отца, может быть, боль-

ше всех остальных детей похожа. Хотя Хрисанф имеет, так сказать, нестабильную, непонятную внешность, если видеть этих двоих со стороны и рядышком, не идиот может заметить, что у них схожий типаж. Вика – стройная, высокая, как будто светлокожая, но не совсем. Волосы у неё не тёмные, но и не белокурые. У неё нет вайба очень светлой, солнечной девушки. С очень красивыми ушами, пальцами (хотя руки весьма отличны от Агния), губами, носом. Как будто кто-то очень талантливый слепил, создал её. Локоны, выбивающиеся к лицу, или падающие вдоль висков, или сзади на шее – такие аккуратные и в то же время свободные, что невольно залюбуешься. К тому же они от природы такие тонкие и словно только завиты кем-то умелым. Хотя она не пользуется ничем таким специально. Женщины постильнее могли подумать, что при желании она очень хорошо ухаживает за собой. Речь идёт об её коже, бровях, глазах, ногтях и так далее. Может, Виктория бы и занималась. Не отрицательно. Но в настоящем у неё на то нет большого досуга. Бывают такие люди и нередко: как будто со свежим, очень грамотным мейком, так что не отличишь от натуральных данных. Но юмор в том, что у неё действительно свои такие ресницы, такие веки, такое тело и прочее. Как картина, очень хорошая картина. Но Агний напрочь это не кумекает. Ему кажется, что старшая худовата, чуть долговязая, с чересчур длинными ногами и руками, с бледным узким лицом. Почему-то он считает, что Викки подходит в качестве модели для

восстанавливающих анорексиков. Это при том, что дочь весит точно больше 60 кг при росте выше 173 см. Их троих сестёр Кирсанова больше всех доверяет ей, советуется и даже, в принципе, не прочь, чтобы она и дальше оставалась в их доме. В других параллельных вселенных Далила никогда бы не одобрила падчериц, тем более совершеннолетних. Но, живя с Агнием и узнав правду о горничных, теоретически иногда допускает, что могла бы стать мачехой этой девушке. И её саму допуск такой мысли чрезвычайно удивляет.

Виктория – неконфликтная, но не мягкотелая. Она никогда не устраивает сцен, не выказывает конкретное недовольное недовольство. Не жадная. Не без гордости (хрисанфийская же), может, даже упрямая. Но внешне не раскусывается. Не тот человек, над которым можно пускать дурацкие шуточки. Это правда, Вики может и не поймёт их вовсе, но опускаться до уровня какой-то ненужности не станет.

В обществе. Далила несколько раз видела её (случайно) в городе, плюс они выбирают время от времени, чтобы присмотреть что-нибудь для детишек. Поскольку дочери Хрисанфа – не коньюгаты, у них нет некоторых особенностей, которые есть у отца. Честно говоря, многое даже не связанное с коньюгацией. Допустим, Кирсанов нередко включает "режим невидимки" по причинам, которые указывались в разных главах. Вика, разумеется, не умеет скрывать себя и собственную красоту. Когда она идёт по улице, многие чуть ли не рефлекторно оглядываются, чтоб убедиться, не приви-

делось ли им это чудо. Вики – скромная. Скромна и в одежде. Хотя, может, это из-за экономии денег. Хрисанф нормально так оплачивает, но старшая большую часть откладывает и не трогает. И она сама не замечает эту свою силу. Ей это неинтересно. Она озабочена хлопотами о потомстве хозяев, заботами об их домашнем хозяйстве, а до переезда в их дом тем, куда себя деть в этом большом холодном мире. Да, большей частью живёт у Кирсановых. Она где-то снимает жильё, но Далила уговаривает, чтобы она поселилась в тех просторных светлых комнатах, которые ей так подходят.

Когда муж впервые привёл домработниц, Далила, конечно, старалась ревновать, но как-то это туго получалось. Зачастую бывало так, что Хрисанф относился к остальным женщинам (кроме неё) как-то снисходительно по-родственному. Может быть, так было только при ней, во всяком случае на рожон с провокацией не лез, за исключением ничем не сдерживаемого, практически безусловного обожания, когда на него вдруг "налетало" либо обнять (пожаться), либо вслух высказать это своё восхищение, а то и замереть от восторга. С этими дочерьми он намеренно старался держаться несколько выдержанно и прохладно. В первую очередь, как считал, из-за Далилы, чтобы не обидеть, во вторую – боялся их совместных генов. Поэтому излишние эмоции в отношении них видел лишними и ненужными. Но на практике по-другому вышло разумеется.

Далиле нравилась её прямолинейная конкретная чест-

ность без всякого кривомыслия, попыток использовать посторонних. Например, Виктория ни за что не скажет: Я приеду сегодня, может быть, посмотрим типа по моему настроению. Обычно бывает что-то вроде: В семь буду, или Завтра утром не смогу. Не передаёт тебе малыша со словами "Держи на минутку, я забыла о духовке на кухне!" и не пропадает там на пятьдесят минут, уже разговаривая по телефону или занимаясь другими делами. То есть не пользуется тем, что Далила местами не строгая и не властная. В общем, в каком-то смысле, они подходят друг другу, хотя и не клушатся, и не подруги, и не совсем в отношении хозяйка-прислуга. Далила не может ей бросать типа: встань туда, выбрось это, почему ты этого не сделала и так далее. Можно сказать, но в совсем другой интонации, поскольку ей кажется, что на Вики нельзя (подчёркнуто) кричать и любым другим способом показывать самодурство. Чаще бывает примерно:

– Вики, ты поможешь мне с детьми?

– Далила, всенепременно.

– Я всё сваливаю на тебя да, я никудышная мать.

– Это моя работа, зачем же я ещё здесь (с некоторым почти невидимым возмущением).

– Спасибо тебе, дорогая. Чтобы я без тебя делала. Ничего.

Одна бы я ни за что бы не справилась, даже с мужем.

– Что вы. Как думаете, может купалку сегодня сдвинем на тридцать минут раньше? Вчера Мила поздно легла.

– Да, это здоровая идея.

– Ещё. Там закончилось то смородиновое варенье, которое вам так нравится. Я сварила с утра, но, видимо, ягоды немного другие, на вкус иначе вышло, попробуйте.

– Хорошо, попробую.

Ну и тому подобное. В ней нет кривляния. Простодушная вежливость взамен, внутренняя культурность при почти нулевой образованности. Она зовёт Далилу Далилой, без никаких приставок, суффиксов, добавок. Агния зовёт тоже без церемоний либо Александром (чаще), потому что так он представился при первом знакомстве, или Хрисанфом, так как девушки, конечно, узнали уже в доме его другое имя. И при этом выходит гораздо торжественнее что ли, без всякого господского статуса. Даже Кирсанов невольно слегка вытягивается в струнку, когда она как-то по-своему быстро и художественно объявляется откуда-нибудь из комнат.

– Александр, я вот сушилку вашу сломала, что делать будем.

– Что делать? Чинить, конечно. Сейчас пойдём, посмотрим.

Далила, если украдкой застанет такое, хотела бы сревновать, но получается угорать. Потому что Викки в этот момент на полном серьёзе, но не может выдать это инфо не иначе, как со всей этой суперважной торжественностью, причастностью к поломке, но не заискиванием, а капельку гордым заявлением, что выход найти можно. Что Хрисанф превращается в типичного бурчливого старика-папку – это без

комментариев. Оба деловиты до невозможности, в понимании Далилы. Только отец, всё же, действительно мастер, а дочь деловита, но неловка и неуклюжа и многого чего и по возрасту не умеет.

По душе Кирсановой и то, что она чистоплотна, не неряха. Это не про знаменитую чету. Но Далила при этом сама довольно брезглива. Конечно, с маленькими детьми всё равно будешь какой-то потный и помятый. Но, как и у Хрисанфа, у Виктории есть некоторая свобода в теле, как бы внутренняя щётка, стряхивающая груз в виде лишка грязи.

Кабы не современный флёр, девушка похожа на благородную девицу, работающую не в совсем благородной области. Также Далила считает, что педагогика, воспитание, учительство, воспитательство – в общем, тщательный контакт с подрастающим поколением – это её профиль да. В этом она тоже пошла в какой-то степени в отца, хотя тот многопрофилен, всё же.

Домашние дела – не совсем про неё. Всё равно регулярно с ней происходят: прожгла одежду утюгом, еда пригорела, забыла о выпечке в духовке, полы усердно моет, но выходит не как у Камилы, нет. Всё это она искренне любит, но временами ляпает.

– Далила, я положила спаржи, но кажется слишком много. Даже из кастрюльки торчит да?

– Ха-ха! Ну, как сказал один паря: теоретически был задуман суп, практически получилась каша! Я люблю густое.

– И витамины. Полезно для здоровья.

Зато со вкусом в интерьере, гардеробе – гораздо лучше. И охотно этим занимается. Наряжает девочек, наряжает мальчика. Мечтает о вылуплении пятерни, чтобы нарядить их тем, из чего четверня уже выросла.

Искренне любит потомство Кирсановых. И тут Далила даже теряется. Как это можно так хорошо относиться совсем молодой девушке к чужим отпрыскам. Не только, как няня, любит. Просто невооружённым глазом видно, что возится с ними сердечно и задушевно. Не сюсюкается, не балует, не готова съесть в умилении, но ей никогда не надоедает проводить с ними время. Могла бы и прийти в раздражение от усталости, нагрузки, тоски и так далее. Но нет. Почти как мама. Далила хотела бы рассердиться на такую близость и даже отлучить её от ребяток, но почему-то она не может испытывать к ней сильного негатива. Как будто так и надо. Как очень добрая хорошая сестра-оберегатель-заботница при комплекте, когда есть большая разница в возрасте между детьми.

И Виктории не приходит в голову, что она могла бы обидеть хозяйку своим усердием и благодушием в отношении её дитяток. К тому же она никогда не тянет к себе внимание, когда они оба смотрят за малышами, не отбирает, не делает так, типа Кто лучше: я или эта тётя. В общем – идеальная помощница.

Она никогда ничего не просит и не выпрашивает. Только по делу и самую мелочь. Не клянчит какие-то женские пред-

меты, коих много в доме ввиду любви Хрисанфа к подаркам и балованию супруги. Не завидует. Вообще не замечает. Зато нередко следит за внешностью сестёр (коллег), так как те в этом ей заметно уступают. Там волосы уложит, одежду поправит, если кто куда намылится развлекаться, накрасит и проча что есть по женскому этикету. Потихоньку охотится и за Далилой в этом своём маленьком увлечении. Но это очень трудно! Далила – антоним женщине по этой части. Но нет-нет, уговорит: у вас же волосы длинные, давайте что-нибудь придумаем. Или: Александру очень понравится, если вот то платье наденете, с жемчугом которое, я украшения подберу, хорошо смотреться будет. И так мучает её полчаса, уж если поймала – не отпустит.

В общем, как-то получается, что тоже балует хозяйку. Но не с тем, чтобы подмазаться, выбиться в любимчики, чтоб мани вытягивать или какой другой секретный маневр. Нет. Вики думает, что она здесь, как бы старший менеджер, пусть она не очень умна и мало знает всего такого, но остальные двое вообще маленькие, поэтому придётся ей быть штурманом, разбираться, изучать, помогать. И Далила параллельно, независимо от Виктории думает также: она здесь разруливает всё, в чем она не при делах, поэтому надо это ей позволить и вообще слушаться, уважать и не придумывать всяко гуано постольку, поскольку пред ней образец добропорядочности и старания.

Хрисанф, разумеется, не столь её боготворит, как его же-

на. Довольно скептически относится. То же мне, экономка. Пришлось из-за этой экономки менять всю кухню, потому что новая плита не вливается в ансамбль. А старую испортила эта бледная немочь.

Он видит её недостатки наверное, потому что родная кровь.

О недостатках.

Не всегда, но местами – закрытая. Пытающийся экстравертить интроверт. Из-за того как будто скрытная. Но скрывать особо и нечего. Не сто лет человеку. Молодая. Созерцательна. Оттого и всякие эти анекдоты. Не понимает длинные содержательные беседы, как заметила Далила, не из-за того, что совсем тупа, а с того, что к такому не относится. Однажды Кирсанова взяла её с собой на какой-то ужасно светский ужин по их научной сфере. Чтоб просто отвлеклась и самой отвлечься. Многие, конечно, заинтересовались. Особенно, мужчины. Особенно, молодые. И давай строчить всяки перлы в общем присутствии. В результате, вынесли ей приговор, что она – сухарь и доска. В чем Агний с ними согласился от начала и до конца, когда супруга потом рассказала. Вики, конечно, не хотела воротить нос и вообще себя так не ощущала. Ну не могла она по природе своей жеманничать, пускаться в флирт и остальное, чего не умела и не желала. Далиле на минуточку показалось, что не такая эта пустышка, каковой посчитали. Может, просто из тех "бесконечная трескотня – не есть общение" (ВСЧР). Но это было

только секундное озарение, так как сама Кирсанова (и Кирсанов тоже) потрещать были не прочь всегда.

В таком случае, эти "ням-ням, собственно говоря" были для неё лишь шелухой, жужжанием, как будто облепленные грязью сапоги, и ничего они не говорили ей о самом человеке. И кому понравится такая отрешенная возвышенность? Особливо мужчинам. Будь хоть из бриллиантов создана.

Потому Хрисанф и сокрушался, что старую деву в дом принял.

Тем не менее, в своих благодетелях пустозвонство, ням-ням так сказать и прочие низости не видит и не увидит. Субъективно относится, может даже не с благодарностью. Просто, по-семейному.

Глава 14

Хрисанф уведомил домашних, что Арсен обещался приехать после семи вечера. Также он немного радовался из-за того, что близнецы возможно не помешают сегодняшнему ужину, поскольку задержатся в городе. Айнар постоянно ворчал, что ненавидит эту дыру, однако успел завести немало знакомых и знакомств, в основном, разумеется, с присутствием женщин. Айтал же не столь торчал от подобных безответственных авантюр, так как сегодня они были приглашены на трапезу к довольно известной паре, единственной дочери которой пригляделся именно старший брат. Всё это могло сулить потом большим скандалом, ведь кое-кто не

удержится и покажет свои конкретные намерения. Младший не желал портить репутацию отца, в доме которого они итак поселились и пребывали вроде как силком.

Агний спохватился о жене, слегка позабыв о ней прежде, увлекшись стряпней, затеянной Калитой и девушками, а потом чуть ли не с остервенением подметая двор с парадной стороны, затем некстати принявшись за экстренную ванну двух котов, которые особенно любили гостей и всегда тёрлись на виду при приёме. Он и сам не мог обозначить, почему устраивает столько "шума из-за ничего", всего лишь из-за простяги Арсушки, но, честно говоря, ловил себя в приятности текущих хлопот. С тортом, конечно, не успели. Надо было какой-нибудь трёхэтажный, с задумкой. Но спасло то, что Кирсановы итак с утра заказали небольшой пятничный тортик, без никаких этажей, с украшением из обыкновенных цветов и ягод. Хрисанф поместил его на то самое высокое блюдо, посыпанное золотой блёсткой, а Никита аккуратно добавил в композицию фигурные изящные шоколадки разного цвета собственного приготовления и сбоку прикрепил весьма милую табличечку: "To Arsen, with love".

Агний нашёл супругу на симпатичном футоне цвета нежной весенней листвы, который она устроила на специальном возвышении в зале с небольшим искусственным камином, в котором вместо огня теперь плавали рыбки. Далила лежала с книжкой в руках, и он понял, что утомил её своими хаотичными телодвижениями, куриной суматохой, приправленной

даже чуток уловимой позитивной паникой. Ей не нравилась всякая суета, тем более, если она в таком участвовала поневоле, либо не участвовала, либо участвовала, но уставала. Поэтому решила отвлечься на что-то абсолютно другое. К тому же, от неё особой пользы никто и не ждал, поэтому не обязательно было мешаться у всех под ногами.

– Что читаешь?

Далила, не отрываясь от книги, протянула руку к пиале со свежей черешней и немножко замарала открытую страницу соком.

– Карамазов бразерс.

– О, как! Перевод что ли?

Хрисанф сунулся было к ней через подмышку, но застрял в её домашней кофте.

– Не тупи! Оригинал, конечно. С моим сэнкью вери мач, ты вообще понял, что спросил?

– Аа.

Муж озабоченно стал изучать свои ногти на предмет чистоты и порядка и даже тайком от жены грызть заусенку.

– Хороший выбор. Я тоже время от времени перечитываю.

Далила отставила чтение, потому что процесс этот шёл туго, она много отвлеклась и просто, так сказать, тратила время.

– Кто твой любимый персонаж здесь?

– Нуу... Зря я сказал, что знаком с данным произведением да! (смеётся) Я не помню!

– Не ври. У тебя память, как у Шелдона.

– Не так чтобы. Нуу. Например, Смердяков.

– Фи! И почему. Он же гадкий. Никто его не любит. Даже в критике так написано.

Агний, улучив момент, нырнул под плед и устроился рядом с ней.

– Ах! Ну. Может, потому что у него полоски снаружи: у зверья полоски снаружи, у человека внутри (суеу эриэнэ таыгар, кьи эриэнэ иыигэр).

– Хмм... Но тут же типа наоборот, он – лакей, а потом бац.

– Почему (начинает умничать). С самого его появления с трактатом среди Карамазовых выдаётся без особого иносказания, что он – полудракон, что в тихом омуте черти водятся и что входит в число тех, кто вдруг с оружием без особой видимой причины врывается в супермаркет.

– И он тебе симпатичен, тоже мне.

– А что ты хотела, чтобы я выбрал среди этого скопища разврата и бентоса?

– Ну, женщин каких-нибудь.

– Ой, мне тут одной хватает! Одна за сто.

Далила под пледом ощутило толкнула его, так что он чуть не скатился вниз.

– Ты выбрала сие из-за моих распрей с этими доморощенными карамазовыми?

– Нет же. Вообще не думала об этом. Просто эта книга в моём собственном списке литературы, которую я хочу про-

честь. Давно уже.

– Какая умница.

Целует.

– Ничего не так.

– А ещё что, кто в твоём списке?

– А он не составлен на бумаге, так что я точно не знаю.

– Мм...

– Кто твой любимый писатель?

– Ты.

– Ну, Агний, без шуток! Без субъективки.

– Тогда, все.

Далила не очень любит говорить с ним про книги. Потому что Хрисанф – натуральный книжный червь. Он оправдывается тем, что это помогает ему снять стресс, но поскольку такие изъяснения лишь оскорбляют её, то он тоже старается не копать эту тему. Толстые книжки – это не по части Кирсановой. Зато Кирсанов один такой талмуд может съесть за один вечер и хоть бы что. Она даже могла поймать его на том, что тот, как вор, конъюгирует содержимое какого-нибудь заинтересовавшего романа в совсем, допустим, серьёзном месте, чтоб потом позирнуть на досуге. Но в основном, конечно, предпочитает получать удовольствие прямым естественным способом.

– А как тебе Достоевский?

– Ну, так. На тройку сойдёт.

– Почему только на тройку?

– Ты же рассердишься, если я стану восхвалять его на чем свет стоит.

– Нет, не рассержусь.

– Нормальный чувак. Перефразируя, "Умного человека и почитать любопытно".

– Да не скромничай. Признавайся уже, выдохни, разрешаю.

– Далила, опять ты меня подкальываешь! Ну, достался тебе задрот с головы до пят. Что подделаешь, такой уж я уродился.

– Мне вот в почти концовке понравилось про адвоката.

– В какой части?

– Ну, про то, как он выглядел. Я вообще не читала этого автора, но почему-то считала, что юмор – это не про него.

– А оказалось?

– Ха-ха-ха!

Она нашла заветные строчки и прочитала их вслух. Как говорится, сама же читала, сама же смеялась. Хрисанф добродушно улыбнулся, умиленный её поднявшимся настроением.

– Не так, чтоб прям уморительно, просто замечто.

– Ха-ха-ха! Да, я знаю, что, может быть, это просто беглое описание. Или что такая анатомия. И если в действительности, то нет ничего смешного во внешности людей, над чем можно было бы издеваться. Но это! Ха-ха-ха! Без никакого сарказма и ненависти. Просто, как у будто у человека есть чувство юмора. Так мило!

Агний, несколько смущённый её хохотом, хочет присоединиться, но не совсем догоняет, почему в таком жанре она зацепилась именно за этот мелкий фрагмент, особо не относящийся к общему замыслу. Но ему приятно, что ей так весело от сущего пустяка.

– Далила, у тебя МаркТвендоз, успокойся уже!

– А у тебя! У тебя типичный Достоеердоз!

– Ах ты, маленькая Грушка, "инфернальная женщина"!

Я что ли по твоему сверкаю и сотрясаюсь?! Через каждый абзац?!

– Вот именно!

Она так развеселилась, что аж вспотела, покраснела и засалилась.

– О, не могу!

– Госпожа Кирсанова, вы как всегда в своём репертуаре! Дядюшку, как бы выразилась Аэлита, Достоевского это не так чтоб прикололо.

– Зато теперь я в клубе!

– В каком клубе?

– Кто осилил!

– Аа.

Лежат, милуются, обнимаются. Вообще забыли о предстоящем мероприятии.

– Он ведь не умер тогда.

– Кто?

Далила отвлеклась от прежней беседы по видимым при-

чинам, проще говоря, отвлеклась на ласки.

– ФМ.

– Чего?

– "Как по-писаному". Укатил в страну обетованную.

– Зачем?

– Ну хотя бы от злобных кредиторов. Сменил документы, внешность.

– А как же посмертный рисунок?

– Был нарисован заранее по заказу и затем подменен со скетчем.

– Не вижу смысла.

– Там же было, чёрным по белому: падучую можно и изобразить. Всё можно изобразить при желании, а особенно – при возможностях. Так что потом жили они долго и счастливо, как твой любимый Тургенев и проча.

– Ты, это серьёзно, или успокой-чая перепил опять вкуче с твоими гребаными алхимическими витаминами?!

– Да шучу я!

– А-Агний!

– Вот ты же всегда, как этот Иван Фёдорович веришь во всякую пургу, а потом читаешь методом сапёра и ухватываешь, что в такой грандиозной вещи самая соль лежит в спине стороны защиты!

Но она уже ухватила его за волосы на виске и пыталась так возить туда-сюда, но вконец выбилась из сил и распласталась на фудончике.

– Агний, ты правда веришь во всё такое?

– Может, иногда лучше выдумывать что-то хорошее, чем постоянно констатировать что-то грустное. Есть и есть. А сверху можно про себя и сказочку подивнее сочинить. Реализм-реализм. Романизм тоже ничего так бывает. Думать надо головой, а не готовое впихивать.

– Бо-бо-бо! И стал он опять сотрясаться и трястись в негодовании!

– Ну, ладно, пожалуй, действительно, Достоердоз. Иди ко мне! Нужно добавить Кирсановщины!

Глава 15

Арсен наряжается.

Он стоял у зеркала и сам себя ненавидел за то, что, без шуток, потратил не меньше тридцати минут, чтоб отменить в сторону три варианта. Джинса отлетела на кровать.

Блин, это вообще надо выкинуть. Что за ересь. Куртка ещё, по полной. С этим телом никак, нет. Разве Калитке отдать, может, коврик сошьёт.

В принципе было неплохо, он смотрелся, как какой-нибудь современный фантастический ковбой, увлекающийся стероидами.

Далее вернулся в небольшой шкаф традиционный костюм темно-синего, почти чёрного цвета. Почти с таким же галстуком.

Ну, йёи. И как прикажете с этим кушать все их там соусы?

Обляпаешься.

Потом Арс сравнительно долго завис над спортивной, поскольку в последнее время уже относительно привык к такой одежде, что не стесняет движения, а наоборот, способствует оным.

Нет. Кирсанова подумает, что за дичь. А это дичь.

И даже присел в раздумии на кухонный стул.

Как будто для дражайшей супруги босса тут перья чищу. А ведь так оно и есть. Вся моя ближайшая будущность зависит от этой "страшной женщины". Надеюсь, Хрисандель это не подслушивает. Не, он наверняка сейчас озабочен совсем другим. И не научиться ли мне самому ставить блоки. Раз груздь – осмотрюсь в кузове.

Он что-то напрягся на миллисекунду в соображении, но снова возвратился к мыслям о предстоящем визите.

Хохмы в сторону. Хотя она и не конъюгат, но это ахиллесова пята Хрисанфа, причём вполне осознаваемая и при этом обожаемая. Упади волос или перхоть, в ответе буду я, как пришлый в их компании. Плюс сейчас они мне стали как будто особо нужны, когда уехала Аэлитка. Если и дожидаться её, то вместе с ними. Они – доказательство нашей, моей любви. Почему я так думаю.

Арс встал и обратно подошёл к своему отражению: только в носках и трусах.

Стыдно так говорить, но теперь моя жизнь в руках жалкой толстухи. Далила имеет немалое влияние на Кирсанова,

так что если она вдруг однажды проснётся не в настроении и сообщит мужу, что мол Арсушка ей не нравится – то лечу я кубарем в тартарары. Эх, и мог ли я представить при рождении, что буду во власти такой мне по сути неинтересной госпожи. Такие дела.

Факт появления на свет напомнил ему кое-что. Он вытащил из одной коробки длинное украшение, которое было модно пару лет назад и которое подарил ему его чувствительный предок. Это была цепь, похожая на ту, что носили в армии, или некоторые военные, внизу с номерком. Только, поскольку события происходят в современном мире, в неё было встроено распознавание руки, и замок можно было открыть сначала слегка потянув разок, потом второй и всё. Удобно для мужчин, так как они не любят и не умеют возиться с подобными мелкими механизмами. Иванов в армии не был из-за действительного маленького недуга, то ли связанного со зрением, то ли с плоскостопием – в общем, в обычной жизни это не доставляло никаких хлопот, но в перечне недопуска было. В таком случае, он сам себе не мог объяснить, была ли служба ему нужна, или нет. Однако его отец, несмотря на все его тру-ла-ла профессии, служил, может как "старый человек", и почему-то решил, что подобная штучка понравится единственному сыну (потому что это круто!) И он не прогадал, Арсену действительно нравились какие-нибудь занятные мелочи и вещи с детства, некоторые из них он хранил до сих пор.

Если распространяться далее, в принципе, будучи ребёнком он был весьма привязан к своим родителям и до какого-то возраста, можно сказать, чуть ли не был носим на руках. Нет, не то что был избалован. Скорее, рос в атмосфере нежности. Но став подростком, стал ощущать себя неловко в их обществе, тем более что люди они были часто публичные. Почувствовал себя в некотором роде гадким утёнком. А тут ещё постоянные вопросы и возгласы: дайте рецепт каши! Это как вы отложили такого динозавра! Постарались да, что-то другое сотворить!

Поэтому, как-то, практически машинально ему расхотелось светиться рядом с ними, хотя он к ним тепло относился и стал раскрываться с ними, как их отпрыск, только при самых близких.

Но его эстетичный чувственный папа, конечно, не ограничился цепкой и под заказ привинтил туда секретный медальон с изображениями себя и своей жены. Это, разумеется, было перебором, но снаружи нельзя было догадаться, а снять украшение мог только его хозяин (по распознаванию руки). Ну такой прикол, бывший в обиходе несколько лет назад.

Арсен надел цепочку и полюбовался им в зеркале.

Хорошо смотрится. И с ним всё норм, как будто. Хоть деловой, хоть уличный прикид. Обычно, вроде сначала выбирают одежду, а потом аксессуары. Что ж, у меня сегодня будет наоборот. Не хочется опускать рукава в суп. Далила скажет, что я такой же свинья, как её дражайший супруг. А ес-

ли Калитка там будет, обязательно будет что-то изысканное в хавчике.

Он натянул первые попавшиеся с полки нестрогие почти-полуспортивные тёмные штаны, светлую майку и сверху набросил мягкую рубашку с клетчатым рисунком. Если погладить, как будто на ткани был еле ощутимый гладкий уютный ворс, но на глаз было не так. Просто средняя клетка почти домашних расцветок. Рукава закатал.

Так Птеровну хоть не буду раздражать, сольюсь с фоном и она не подумает, ишь вырядился. Надеюсь, босс облачится в какой-нибудь из своих невообразимо копперфилдовских костюмов и отвлечёт павлином её внимание к себе.

Глава 16

Удивительно, как относительно время. До ужина вроде всего ничего было, и как же много может оказаться, хоть и говорят, что плохое тянется вечно, а хорошее – миг. Кирсанов, кажется, совсем забыл о том, о чём хлопотал во вторую половину дня. Он был такой человек: неважно, что испортится еда, на которую столько потрачено средств и сил; неважно, что участвовали и другие; неважно, что это было важно ему и он сам же уверял всех, что важнее ничего и нет в сегодняшних сутках.

– Совершенно безответственно, Александр Птерович. Как у очень молодых придурков.

– Ну и что.

Увлечён абсолютно другим, о чём в этой книге говорится не будет от слова "совершенно". Читатель пусть додумает на свой вкус, возраст, испорченность, а, может быть, и наоборот.

– Может, ты сменишь своё имя.

– Почему?

– Ну, одного персонажа в моей сказке так звали. Он умер и был не очень хорошим. К тому же я никогда не была фанаткой этого имени. Никогда. Оно красивое, но ни о чём мне не говорит, кроме того, что об этом говорится в энциклопедии.

– Ну и что.

– Сделаешь это для меня?

– Я сделаю для тебя всё, что угодно. Даже если это не могу.

Я сменю.

– На какое?

– Какое ты хочешь? На то и сменю.

– Например, Ангел Птерович.

– Ну Далила-йаа!

– Что?

– Это девчачье имя.

– Ничего не девчачье.

– Девчачье.

– Просто ты не хочешь. Не хочешь ничего сделать для меня.

– Далила, не капризничай.

– Я слышала так, когда купалась в озере. Там была девоч-

ка. И её родственники звали её Ангелом. Наверное, Ангелика или Ангелина.

– Говорю же, девчачье. Хочешь, чтобы надо мной все смеялись.

– Нет.

– Хочешь-хочешь. Это твой замысел.

– Ну Агний!

– Ладно, схожу в паспортный. А потом сама красней за идиота.

– Забудь!

– Не сердись.

Делают всякие вещи, которые в народе зовутся сю-сю-сю, муси-пуси, ня-ня-ня.

– Только минуту назад страдал, что не желаешь ми-ми-ми. А сам...

– Я – король ми-ми-ми. Ми-ми-ми – это моё всё.

– Тогда тебе придётся краснеть за собственного бакайаро.

– Уж из-за этого мне плохо не станет.

– Двое – это ужасно глупо. Когда одинок, действительно, сильно смеёшься над таким. А когда самому пристукнет – добровольно облачаешься в наряд влюблённого дурака.

– Это не мы придумали. Так уж испокон веков.

– Если ты думаешь, что меня возбуждает, когда ты ко мне относишься, как верхний – то ты серьёзно ошибаешься! И ты это знаешь!

– Знаю-знаю.

– Агний!

– Далила, мы же не вчера родились и не молодожёны.

Опять – перерыв на пять минут. Не на пятиминутку. Просто мимими на пять минут. И если вы думаете, что Хрисанф – старый скорострел, то это не так. Всё там в порядке. Обыкновенно, в хорошем смысле этого слова.

– Так ты обидишь Арсушку.

– О, Арсен по ужинам не страдает! Подозреваю, если б я перезвонил и сообщил, что у нас другие планы на вечер, то чувак только обрадуется.

– Нет же.

– Да, да. Зачем ему наши из-тела-вон-потуги. Он сам себе кухар и кулинар. То, что ему нужно, мы приготовить на плите не можем.

– Аэлита.

– Да.

– Почему ты его так любишь?

– Я не люблю его!

– Почему так любишь?

– Ну. Не знаю. Далила, не задавай свои странные вопросы. Почему? На такие вопросы не бывает ответов.

– Но почему?

– Арс подходит мне. Наверное.

– А ты ему?

– Далила! Детка, уже прекращай, в самом деле.

– А ты ему тоже подходишь?

– Что ты имеешь в виду?

– То, о чём спрашиваю.

У Хрисанфа, видимо, испортилось настроение. Он даже присел в сторонке и пытался игнорировать её попытки вернуть его к себе.

– Если ты об этом – то нет. Довольна. Этого ты хотела.

Ещё раз помучать меня?

– Успокойся уже. Сегодня нет занятий драмкружка, насколько я осведомлена.

– Права. Нет.

– Ну, Агний.

– Да, я никому не подхожу. Обернись этим, как шелковым покрывалом.

– Я не торчу от шёлка.

– Тогда, как бархатом.

– Это ты по части всего этого сенситива.

– Тогда можешь включить свой самодовольный сардонический смех.

Он встал и, захватив одежду, скатился с возвышения быстро и непринуждённо, как на скейтборде.

– Я пойду. Неприлично будет, всё-таки после стольких приготовлений.

– Стой.

– Хватит. Потом, ночью.

– Я не об этом, дурачила!

Кирсанов направился к двери, но та была довольно далеко

и пустота залы доводила эхом её голос снова и снова.

– Я не могу так проворно спуститься. Не заставляй меня...

Она была и голая, то есть ещё не одета, и путалась в пледе, и не могла решить, забрать с собой книгу, остаться здесь и объявить бойкот, побежать за мужем, как маленькая шелудивая шавка, заорать и закатить скандал, или остаться тут с носом и в калоше. Разумеется, вышло последнее. Она была не столь расторопна и разум её соображал примерно на такой же скорости, что и её тело.

Хрисанф был уже в коридоре, но потом резко повернулся и вернулся обратно. Далила решила продолжить чтение и про себя подумала, что выйдет к гостю по ситуации, то есть по самоощущению.

В конце концов, им там будет замечательно весело и без меня.

Поэтому она удивилась, услышав скрип двери и увидев силуэт супруга, который опустив голову, кинул в сторону рубашку, которую так и не надевал.

– Что случилось?

– Ничего.

– Ты что-то забыл?

Глупый вопрос.

– Тебя.

– Ладно, можешь идти. Я тебя не держу.

Он ничего не сказал, но добирался до неё с бокового, более полого и длинного склона, чтобы потянуть время и, если

что, передумать и сбежать обратно.

Всё-таки, благополучно достиг её насиженного места.

– Что припёрся?

– Мне что, на колени встать.

– Тебе это нетрудно. Вон, какие здоровые ноги.

Хрисанф чуть отошёл к спаду и простерся в форме тупого угла, забросив руки в её сторону, как какой-нибудь древний герой к своей цели.

– Хватит придуриваться. Мне неинтересно. И надень рубашку. Здесь прохладно.

– Если тебе холодно, я тебя согрею.

– Хватит унижаться. Уже несмешно. Шесть часов, дорогой, на циферблате.

Она указала пальцем на висевшие в отдалении большие настенные часы. Поскольку Далила была близорука, Кирсанов повесил в этой зале чуть ли не гигантские. Хотя это была своеобразная часть интерьера, но было удобно и не надо было щуриться или тянуть глаза к вискам.

– Если хочешь, чтоб это скорее кончилось, поцелуй меня и уйду во спокойствии, счастья и гармонии.

Она посчитала, что это справедливое предложение.

Иначе, действительно выйдет всё крайне некультурно.

– Ну, всё?

– Ещё.

Целует.

– А теперь как? Как ощущения?

– Я ещё не простил тебя. Продолжай.

– Ах ты! Это же ты должен был!

Затыкается его ртом и губами. Улыбается. Забывает о большом круге с циферками и стрелками.

– А ты научился.

– Чему?

– Этому.

– А?

– Когда мы впервые были вместе, ты не умел так.

– Та брось! Это ты ничего не умела!

– Ну, точно.

– Что ты имеешь ввиду?

– Но всё равно ты научился.

Гладит его.

– Мадам, вы сегодня вконец решили меня опустить.

– Нет же.

Целует.

– Почему такая.

– Ничего не такая.

– Далила...

– Коська сказал бы, что мои мэри-сю прокачаны до невозможности.

– Почему?

– Потому что в реале так не бывает.

– Почему?

– Женский персонаж слишком нежный и сильный. Так

стандартно да. Что даже и неинтересно.

– Почему?

– Потому что если неинтересно, то никто это и не читает.

– Почему?

– Потому что.

– Аа.

– Почему?

– Потому что.

Слишком много диалогов. Люди говорят, что это и так известно. Это не сюжет. Это тайна двоих. Тишина двоих. Шум двоих. Это нельзя описать. Описывайте сюжет, интригу, пакости, развивайте фантазию и глушите ей реальность.

Но на этом Кирсановы не заткнулись. Не та эта была разумная парочка "со счастьем в тишине". Как раз таки такие, но не в том смысле. В том, да не в этом. В этом, да не в том.

– Мне кажется, ты подходишь мне.

– Это твоё утешение.

– А как надо тебя утешить?

– Никак, забудь. Я сам знаю.

– И ты подходишь Арсену.

– Нет.

– Ладно. Тогда подходишь мне.

– Я никому не подхожу.

– Можешь плакать. Я серьёзно. Конечно, я не смогу, как это ты бы хотел видеть. Это всё, что я могу выжать. Можешь себе допустить, что в этот раз я не так холодна и чванлива,

как можно подумать.

– Далила.

–...

– Я не буду. Ты что.

Хочет убежать. Но от неё до заповеди сейчас, в эту минуту, как до далёкой звезды. Надо пройти все круги ада.

– Отвлеки меня!

– Тебе пора.

– Да!

– Иди.

– Хорошо!

Кричит, чтобы взять себя в руки. Побил бы себя, кабы она не видела.

– Ты хочешь ударить меня.

– Нет!

– Ты хочешь. Все хотят. Когда я так говорю. И что я такого сказала.

– Нет!

– Я ничего такого не говорю. И я не столь противна, чтобы меня бить. Я тоже чей-то ребёнок.

– Далила!

– Ну, хватит. Всё хорошо. Дыши.

– Урсула.

– Что Урсула?

Совершенно отвлекается от самое себя, как будто перевернулась страница.

– Урсик меня беспокоит.

– Что опять такого сделала эта наглая девчонка?!

Стремительно одевается и натягивает озлобленно свои домашние тапки.

– Я ей покажу! Опять что ли поцарапала Хайджи?!

– Нет же. Просто Урсик вырастет очень своенравной девочкой и она не будет, наверное, нас слушаться.

Далила опешивает, на долю секунды задумывается.

– И это ты мне хотел сказать?

– Да. У меня вдруг... Ну. Когда ты говорила... Я подумал вдруг такое. Прости.

Приближается к мужу и видит, что тот в весьма расхлябанном состоянии. Смотрит куда-то в сторону и вниз, как будто рассматривает полёт невидимого назойливого насекомого, то застывающего среди цветов, то вновь заставляющего его следить за собой. Зрачок утонул в радужке, хотя радужка сегодня не тёмная. Совсем прозрачный взгляд. И такой, как будто она исчезла. Как будто её и никогда не существовало на свете.

– Что ты делаешь? Агний, что с тобой?

– А?

Как будто пытается проснуться после затяжного глубокого сна, но который тянет и тянет его на дно.

– Милый.

Далила потянула его за руку, но он словно прирос к месту, где сидел и ни за что не мог отомреть. Тогда она момен-

тально испугалась и собралась заорать от испуга. И в то же мгновение будто отлетела пробка от шампанского: Хрисанф задвигался и обхватил её кисти так крепко, как сцепился бы утопающий. Потом обнял, но уже так, как всегда.

– Всё в порядке. Просто так. Не бойся. Всё в порядке.

Глава 17

Далее они успокоились и она решила уж более не расспрашивать ни о чём. Хрисанф как будто забыл о недавнем разговоре и ушёл в заботы о том, во что бы принарядиться к ужину. Далила решила, что муж сам всё расскажет позже в их спальне, поэтому также отвлеклась на повседневность.

Они пошли в одну из гардеробных Кирсанова. Надо сказать, что их было несколько и это при том, что время от времени Агний выкидывал, что ему более не нужно и производил обновление.

– Надень этот фрак!

– Ни за что!

– Ну, пожалуйста! У нас так редко бывают гости, которые редко бывают!

– Терпеть не могу эти карапаксы! Хоть в собственном доме, увольте!

Дело в том, что он ненавидит строгие костюмы ровно, как и Далила. Он бы с удовольствием предпочёл ходить в чём мать родила, или хотя бы в первобытной набедренной повязке. Или в чем-нибудь ультра неприятельном. Но Хри-

санф, в отличие от жены, следует облику морале по всем канонам, буквицам и требованиям. Ей даже порой смешно, потому что он относится к этому слишком серьёзно, чистомонеточно. Потому у него уйма пиджаков, чуть ли не геометрических брюк, разнообразнейших всё-одно-и-тоже-на-Далилин-взгляд галстуков в крапинку, бабочек, которые по его выражению, душат его, лаковых ботинок, отчего тот жалуется на мозоли и депрессию и вообще всякой другой одежды на все случаи жизни.

– Ну, Агний! Ради меня!

– Вы, женщина, злоупотребляете сегодня всем вашим полом.

Ворчит. Не хочет. Хочет сидеть в светлой драной футболке, заляпанной кетчунезом с шашлыков. Зато нигде не давит и не чешет.

– Посмотри какой хороший цвет! Я ещё никогда не видела этот комплект! Откуда?

Хрисанф мрачно снимает прозрачную новую оболочку, свидетельствующую о том, что прикид действительно с иглолочки.

– Далила катс. Не видишь что ли.

– Аа.

– Это для весеннего мужского показа. Весна, всё такое. Девчачество какое-то.

– Сами и придумали наверное с Калитой!

– Тьфу си! Это для Александриуса. А меня от такого тош-

нит.

– Любимый, это не так! Этот цвет тебе очень к лицу! Если не веришь, вот зеркало!

Она приложила кусочек ткани к его рукаву и подтолкнула к зеркальной стене.

– Ненавижу.

Фрак был что-то между ярким аквамаринным и небесно-лазурным. Он хорошо дополнял свежесть кожи Кирсанова.

– Ах, какая красота! Разуй глаза, ты такой красивый!

– Кроха, я и в самом деле сейчас зарыдаю.

– Да ладно, не куксись! Прими факт! Ах, как чудесно! Это прелестно! Шармант! Эдор!

– Далила! Это прям как на том интервью, когда ты ответила ведущему на вопрос, почему у тебя такой псевдоним, – что это оттого, что льёт и льёт воду, как водолей!

– Но это же неправда, красивый мужчина! Я же не могла правду сказать, поэтому высосала из пальца. Так кто-то говорил мне... Не помню кто.

Она стала чуть ли не силком натягивать на него фрак, но, так как не особо была умела в этом, он отставил её движения и сам моментом море облачился в ненавистное ему. Да, этот человек умеет одеваться.

– Ах! Ах! Моё кокорошко!

– Я похож на нашего попугая, что селекционировал Кузя. Это просто чебурах какой-то.

– Дайте рядом постоять, сеньор! Великолепно, Агний!

– Хорошо, я буду в этом, жестокая моя. Но с условием, что ты будешь в тигровом трико и тех высоких сапогах с вот такими высоченными шпильками! Наконец, одного роста будем.

– Фу!

– Не капризничай. Всё поровну. Как у нормальных супругов. Хорошая жена должна соответствовать мужу. А Арс-то как будет рад! Я, конечно, ревную. Но ладно, потерплю как-нибудь.

– Этот ваш обтекаемый комбинезон вообще не проблема (с вызовом)! Можешь смеяться, но мне кажется, леопардовые вульгарные штанишки и майки куда лучше приёмных вишневых коротких юбок и этих тёмных карапаксиков, которые, по моему мнению, гораздо антифеминистичнее и глупее. И идут только топ-моделям.

– Ой-йее! За это ты наденешь бюстгальтер, самый что ни на есть фантазийный!

– Сам и напяливай! Если тебе не нравится моя грудь, можешь проваливать куда подальше! Никто тебя не заставляет!

– Опять не в ту степь и поле (вздыхает).

– И копытца ваши я не возьму. Хочешь, чтоб я свалилась и поранилась!

– Они же специально под тебя сделанные.

– Ни за что! Потом сам же скажешь, что я расфуфырилась перед другим.

– Ничего не скажу!

– Скажешь!

– Уфф! Ну вот до чего ты меня довела! Опять в душ! А это можешь выкинуть, оно уже мокрое, невозможно носить!

Хрисанф стянул костюм и побежал в ванную. Вообще-то, у них поначалу был маленький согласный план: выбрать те парные кимоно, что сшил Никита для них по приезду. Но Виктория умудрилась испортить далилинский экземпляр, поместив его в стиральную машину, хотя Кирсанова надевала подарок всего один раз и на нём не было ни пятен, ни грязи. Агний успел выключить стирку, случайно оказавшись поблизости, но вещь была капельку повреждена: у воротника порвалась чуточка, на пять миллиметров. Он было рассердился на девушку, но, вспомнив, что это бесполезно, вышил на месте прорехи маленькую золотую стрекозу.

Так что до самого ужина чета разбрелась по разным частям дома.

Глава 18

Арсен слегка заплутал, без Киры-навигатора, но, однако, к семи успешно добрался до усадьбы Кирсановых на углозубе. Он оставил машину чуть поодаль и пешком побрёл к дому.

Гнездо это, можно сказать, находилось почти что в центре города, не так чтобы прямо в глуши. Раньше здесь была большая электростанция, но и до прихода Хрисанфа, мест-

ность была сильно заброшена, несмотря на свои выгодные координаты и габариты. Люди здесь обходили стороной, в общем делали мощнейший крюк, только бы не занести ногу через обвалившийся повсеместно высокий забор и ржавую древнюю колючую проволоку. Считалось, что станцию перенесли повыше, потому что тут равнина весной затоплялась и не один раз било током работников. На деле обстояло так, что совсем неглубоко нашлось месторождение интересной руды, над которой хотели работать, и должны были работать, но финансирование резко обрубилось из-за очередной смены власти. Потом документы эти, касающиеся открытия и последующих проектов, таинственным образом исчезли. Ещё давно до Кирсановых, очень давно. Осталась только присказка про половодье и устарелость оборудования. Поэтому Агний заметил себе участок, поскольку на территории очень, очень, очень редко можно было увидеть особо странных подростков, из тех, кто любит гулять по нерабочим шахтам, кладбищам и в безлунную ночь в лесу, и больше никого. Наличие же той руды создавало большие помехи для определённых видов связи, что ему было на руку, в целом. Площадь была огромная, поэтому в будущем Хрисанф рассчитывал увеличивать жильё по мере того, как будет расти семья. Дом Калиты был на этом же пустыре и до него надо было также прилично ехать. Входов было сколько захочешь. Арсен знал два: к Никите они с Аэлитой ездили постоянно, и к нему дорога сворачивала из самого концен-

традиционного пучка, надо было только резко повернуть в одном месте. После Арс ездил к старику много раз уже самостоятельно.

К боссу нужно было проникать через лес. Он также возник как-то неуловимо, но обстоятельно. Кирсанов один раз сказал Иванову, что может построить домик и для него в их гнездовье, но, разумеется тот отказался. Это было очень странное предложение, к тому же ведь у него уже был свой уголок.

Как же добирались до места работы горничные и другие знакомые? Родные, друзья, приятели, коллеги и так далее: Хрисанф их привозил преимущественно самолично, либо ключи выдавала Далила. В неё был встроен код, по которому она легко могла выбираться в город хоть пешком: это не составляло никакого труда и выходило очень быстро и удобно. И, конечно, ей не приходилось лавировать среди грязи, металлолома, обрушенных зданий, земляных провалов и тому подобное. Её путь наоборот был наполнен цветами, и даже с закрытыми глазами она могла выбраться из любого лабиринта, в который бы попала. Уникальность ключа была в том, что Кирсанова могла реплицировать его, кому желает, опять же по настройке мужа, но гостю показывалось это как всегда одна и та же просторная дорога за город. Город к тому времени действительно сильно вырос, так что что, где находится и что, где может находиться не вызывало излишних вопросов. Впрочем, как и в любом другом мегаполисе.

Так как Хрисанф ужасно не желал ни коим образом контактировать с работницами (по понятным причинам), коды им вшил Калита. И то, по увещеванию друга, не путём привычной конъюгации, а методом одного очень старенького гипноза, так что девушки не знали, что "проходят" в усадьбу неким другим окольным путём.

Когда Арсен подошёл к парадным воротам, те автоматически открылись и встретил его Калитка. Они впервые увиделись после приезда того с Севера, так что оба очень обрадовались и сразу же пустились рассказывать друг другу всякую всячину. В основном, болтал, разумеется, Никита, поскольку был в курсе, что тема с отъездом Аэлиты – больная и лучше её не затрагивать, по словам Хрисанфа. Но Арс наоборот почти сразу же спросил у Калиты.

– Как думаешь, когда она вернётся? Она выходила с тобой на связь?

– Нет-с. Думаю, при её нынешней занятости это и невозможно.

– Хм... Но если что, ты мне сразу скажи, хорошо. Ты же – её дед. Вдруг, ей что понадобится.

– Всенепременно.

Тогда Калита понял, что если он давно принял тот факт, что его внучка – отенкай и не принадлежит никому, даже себе, – то этот молодой человек до сих пор верил, что его жена как будто вышла за хлебом и скоро опять будет его развлекать. Очень сложно объяснить таким, где буква А, где Б.

– Дорогой мой дружок, где бы она ни была, неужель ты будешь ждать её?

– Всегда (без обиняков и пробелов).

– Мм...

Этот парень изменился. Что с ним стало?

– Выбор – всегда был неотъемлемым правом человечества. Это нерушимый закон и более, чем закон. Но стоит ли это всё таких жертв?

– Без неё – всё бессмысленно. Включая эти твои законы.

– Эх, молодёжь-молодёжь! Однако, что мы тут стоим! Там наши голубки заждались уже! Вперёд! Надеюсь, ты не так много ел до этого.

Глава 19

В это время Хрисанф идёт за своей женой на одну из веранд. Она действительно натянула то тигровое трико, сшитое по ней, но сверху набросила такую невообразимую мантию, что без тех высоких сапог была похожа на крафтовый старинный кулёк с конфетами для хэллоуина. Впрочем, это уже давно всеми было известно, принято и проглочено: ни одежда не красила её, ни она – одежду. Всё было предельно грустно, если бы не так смешно. В мире не было никого другого, кто бы так плохо выглядел в том, в чем даже самый захудалый человечешко выглядел б на миллион.

– Давай помиримся.

– А мы ссорились? Что-то не упоминаю.

– Не надо желчи. Я прошу, давай перенесём наши разборки до завтрашнего дня, хорошо? Ночью будем спать, ты встанешь к обеду и можешь как следует отлупить меня.

– Агний, ты видишь меня в плохом свете.

– Хорошо, эту тему мы разоведем с приходом новых суток, а сейчас, пожалуйста, расслабим оба булки, жерло моего сердца. В конце концов, ведь Арсен ни в чём не виноват. Зачем кого-то приглашать, если это будет поганый театр, где забудут об одном единственном зрителе. У него останутся неприятные впечатления о нас.

Хрисанф и в самом деле насильно себя надеть тот фрак, и даже надел, постоял так минуты три, потом скинул прочь и в эмоции потоптал бедную одежду и бросил то в корзину. Затем, как виновный перед невиновным, вытащил костюм обратно, бережно разгладил помятость, аккуратно стряхнул и поместил в чехол.

Всё-таки, скоро показ. Что за ребячество.

После он скоро, без особого обдумывания, набросил на себя светлую рубашку, как будто на размер большую, за пять минут обкарнал свои волосы, которые были теперь до пояса. Оставил очень коротко, но и эти короткие пятнистые волоски смотрелись словно над стрижкой старались полгода.

– Гребаные патлы. Я как птенец страуса! Урод.

Агний прикрыл голову большой широкополой тёмной шляпой. Уж кто-кто, а он без проблем мог трапезничать, хоть в головном уборе размером с "мельничное колесо".

Он не мог объяснить себе это резкое телодвижение. Да, угрожал ей на днях подрезать длину, точно как и знал, что ей нравятся, когда отращивает.

Рядом с тем гребаным упырем действительно смотрюсь, как баба, наверное. Ничего не изменилось.

Кирсанов обречённо вздохнул и глубже надвинул на глаза шляпу, перед тем как объявиться в новом образе перед супругой.

Она, конечно, догадалась, что произошло: шея у мужа довольно отчетливая и шляпа сидит свободно, но не стала копать этот его комплекс, потому что она любила его и так, и эдак, а не как он там себе воображал. Агний не подходил к ней, чтобы, не удержавшись, не прилипнуть к той с поцелуями.

– А где же примирительные обнимашки? Я же – продажная шкура. Не могу без подкупа.

– Далила!

Он осторожно обнял её, стараясь всем телом дать ей понять, что хочет обнять ещё сильнее и дольше.

– О чём думаешь?

– О том, что надежда и сомнение – побочный продукт в производстве человечества. Но после глубоко укоренившийся. Так крепко, что даже Бог этого не ожидал.

– Глупышка. Что за мысли сегодня.

– А ты о чём думаешь?

– Как всегда, о тебе.

– Тебе больно?

– Нет. Мне хорошо.

– Дум спиро – сперо.

– О чём ты?

– Надеюсь, что ты говоришь правду и что тебе действительно хорошо вместе со мной.

– Бог, может и глуп, но не такой дурак.

– Почему? Бог – умный.

– Потому что пути его неисповедимы.

– Пути его – пути любви, все так говорят. Ты – человек Бога? Или дьявола?

– Конечно, первое. Все мы под Богом ходим.

– И тебе от этого грустно?

– Мне от этого спокойно. Хоть одной проблемой меньше.

– А я человек дьявола?

– У него не бывает человекoв.

– Бывает.

– Никогда. Не таков чёрный властелин, чтобы что-то иметь. Это не подходит под любовь. Те, кто бежали от любви, не желают ни с кем связываться. И ты это прекрасно знаешь.

– Значит, я умру.

– Мы все умрём, детка, когда-нибудь, в очень-очень далёком будущем.

– С тобой это не произойдёт.

– Уже произошло. Когда слишком долго живёшь, понимаешь, что красота в миге.

– Я тебя не буду любить! Я буду любить только живого!

– Ну, хорошо, успокойся, вот я. Туда-сюда. Туда-сюда. Ну, как, надоело?

– Агний!

– Ты – слишком капризная. Слишком самоизбалованная.

– Когда я умру, ты будешь думать обо мне?

– Это твой стандартный вопрос. Я слишком тебя знаю.

– Будешь?

– Я буду плакать каждый день и буду жить вечно, и буду плакать каждый день, в мире без тебя, я буду плакать каждый день, без тебя, в мире без тебя.

– Хорошо.

– Успокоилась?

– Да. Дум спиро – сперо.

– Дурочка, ты будешь рада, когда кому-то будет очень плохо?

– Нет. Я просто хочу верить тебе. Просто хочу считать это искренностью.

– Сложно.

– А Бог плачет?

– Каждый день и каждое мгновение. Он довольно проблемный паря, если хочешь знать.

– Как это? (смеётся)

– Поэтому мне и нелегко быть, как ты говоришь "человеком Бога".

– Почему? С Богом всегда легче.

– Потому что я считаю, что единственный способ не заставлять его плакать и хоть как-то не страдать, это сделать вид, что его не существует и самому строить свою жизнь. Вот, ты же недавно давала мне замечание насчёт девочек. Всё то же самое. Лучший способ показать Богу свою любовь – доказать, что ты вырос. И сам стал богом своей судьбы.

– И ты доволен?

– Я никогда не доволен. И не могу утверждать, что прав. Возможно, это просто оттого, что вырос без семьи и стараюсь быть сильным. На пустом месте.

– Ты – сильный.

– Дело не в этом.

– Я думаю, Бог сам зависит от общих законов бытия.

– Каких?

– Ну, свобода воли, например. Например, если кто-нибудь сломал свою жизнь, он смотрит и плачет, но ничего не должен предпринимать. Никаких взяток, никаких правонарушений. Иначе, всё кошмарный беспредел.

– Жизнь и есть этот гребаный беспредел.

– Мне кажется, он всегда молчит. Говорит только дьявол. Потому что такая работа. Заговорить, заболтать. Бесконечный рассказчик.

– А Бог? Слушатель?

– Да. И, конечно, очевидец.

– К чему ты ведёшь?

– К тому же. Дум спиро – сперо. Если нет абсолюта, то

даже в аду есть прореха, через которую Бог может видеть всё. И ты на самом деле, не такой одинокий тогда. Потом, может, и смерть, и возмездие. Но, может, будет утешение, что кто-то там не был равнодушен и на самом деле понимал и прощал тебя. Просто Он не может нарушать законы бытия, как иные мелкие преступники.

– Вот как.

– Такая очень важная мутация. Ты думаешь, это возникло из-за великой глупости, и не имеет никакого смысла?

– Я думаю, это синтезировалось из-за двойственности. Очень даже естественно. Как у Ницше: "чем глубже корни возрастаются во тьму, тем сильнее ветви тянутся ввысь к свету. Это очень естественно. И это драма любого человека.

– Думаешь?

– Я ничего не думаю. Всё это очень похоже на борьбу с ветряными мельницами. Давай уже жить. Бог скажет тебе спасибо, уж поверь мне.

Глава 20

Арсен общался с Калитой, когда к нему вышла чета хозяев. Агний, всё-таки, снял с жены прежнее одеяние, поскольку посчитал, что это будет унизительно для неё в присутствии мужчины, хотя это было бы вполне нормально для встреч с подругами. Она надела то его кимоно с парного ансамбля, так как её экземпляр Хрисанф очистил, погладил и после вышивки поместил в специальный шкаф, где ткань

могла прийти в более качественное состояние. Его кимоно, разумеется, было длиннее и шире в плечах. Времени на ушив не было, поэтому супруг просто утянул её поясом, но материал постепенно скользил и низ стал волочиться по полу. К тому же рукава также оказались длиннее, и Далиле было неудобно поддерживать полы, потому она забила и пошла за мужем, надеясь, что не наступит на собственный подол и не грохнется прямо перед дорогим гостем. Её кимоно было немного блестящего зелёного цвета, как у бронзовки, и в нём она выглядела как весёлый толстый майский жук. Кимоно Хрисанфа было темно-зелёным, без блеска, однако с некоторым рисунком. Из-за этого лицо её несколько отдавало зеленью и возрастной бледностью при общей массе тела.

Агний приветствовал друга рукопожатием, перешедшим в объятия.

– Молодец, что пришёл! Мы так рады!

– Спасибо вам за приглашение. Добрый вечер, сеньорита.

– Здравствуй Арсен.

В это время из боковой комнаты в холл вышли Ванесса с матерью и Стефан. Камила сообщила им, что они приглашены сегодня на юбилей, так что к сожалению не смогут присутствовать в здешнем мероприятии. Стаф любезно должен был их отвезти до пункта назначения.

– Бро, ты всех у нас знаешь. Ещё познакомлю с детьми, с которыми в прошлый раз не успел встретиться. А это как раз новичок у Кирсановых: Стефан, прошу любить и жаловать!

Стинки показал зубы, так что смотреть на это было жутковато и кивнул парню.

– Я рассказывал про него. Он устроился у нас водителем вместо Аполлона, по совместительству помогает мне с моими ботаническими делами. Ну, пока сам всё делаю, но как на шофёра не жалуемся. И всегда мужские руки нужны там-сям, что потаскать тяжёлое туда-сюда. Ну ты меня знаешь: вечно у меня гвоздь (дерево) в мозгу застрянет. Далила подтвердит. Кроме того, мы тут работаем с ним над одной лакуной. Стефан по специальности своей не может пока не заниматься этой своей деятельностью. И я подумал, там есть программа, подходящая для тебя, может попробуешь?

– Реально? (с видимым интересом)

– Да, только с Кузьмой как следует всё ещё перепроверим. Ничего не хочу обещать, но может сможешь уловить канал к Золотаревой.

Арс за это готов был своего странного босса пронести по всем их большим залам на руках, хотя это предприятие и было маловозможным.

– Ладно-ладно, не смотри на меня так пронзительно. Это всё идея Далилы.

Вообще-то, Далила об таком не то, что не думала, но и допереть не могла, но на момент она превратилась в то, о чем Хрисанф ей пенял, обвиняя в двуличности. И поэтому, когда Иванов взглянул на неё благодарным молчаливым взглядом, она только потупилась и тоже смолчала.

– Пойдём, сахарный мой! Дорогая, правда он прекрасен?! Не по дням, а по часам! Просто красавчик! Натурлих!

Калита побежал суетиться в столовую к девушкам, а Кирсановы с Арсеном двинули в детскую.

Агний отошёл к дальней части детской, чтобы выловить там малышей, а это было не так легко, потому что те выскользывают, как рыбки.

Далила с подопечным супруга присели на диван. Теперь, после заявления шефа, Арс тем более не знал, как вести себя с этой госпожой, к визиту к которой он волновался уже кой-каким час. Слава богу, она сама с ним заговорила.

– Арсен, почему тебя назвали Арсеном?

Наверняка она нравится мужчинам младше себя. О жалкой толстухе он и подумать боялся, опасаясь реакции Христанфа.

– Это в честь одного известного человека, сеньорита. Но это ровным счётом ничего не значит.

– Аа. Хорошее имя.

– И главное, очень "редкое".

Далила усмехнулась, пытаясь поправить кимоно, чтобы не слишком выдавались её ноги и живот.

– Родители думали, что глобально обдумали, но через несколько лет оказалось, что попали впросак.

– Да, это частое явление. Это одно из примеров коллективного бессознательного, сопряженного с духом времени.

Почему она всегда умничает при мне? Хотя, может, она

со всеми так.

– Ты, наверное, думаешь, что я строю из себя важную даму? Это не так. У меня просто словесный понос.

– Понимаю.

– Я чаще и сама не понимаю, что несу. Просто болтаю и болтаю.

– Да, ничего. Ничего такого.

Она, пожалуй, и действительно томится тем, что ей приходится строить из себя сурьезную мадаму.

– Я могла бы быть проще и тупее, но это не подходит моему биологическому возрасту.

– Будьте собой сеньорита.

– Ах, я хочу! Но я не знаю: что это такое быть собой. Или я забыла, или никогда не знала.

Арс вспомнил слова Хрисанфа, что его жена всегда будет изображать израненную лань при нём, чтобы разжалобить, но что на самом деле, это просто её проклятые дурные гены.

– Я так рада, что ты пришёл к нам. Он очень любит тебя (указывает на возящегося мужа).

– Ээ. Ну.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Вот эти вопросы. Детские. Или наоборот слишком невозможные. Всё-таки, босс молод душой, поэтому он ловится на это. Обычным, даже помоложе парням, это показалось бы не то, что глупым. Нелепым.

– Я... Честно даже не задумывался об этом.

– Такой типичный ответ.

Исправляется.

– Если бы стать хорошим человеком, уже было бы неплохо.

– Правда?

– Правда.

Далила как будто ослабела и расслабилась от его ответа. Перестала то и дело трогать ремешки кимоно и теревить свои пальцы.

Агний и там со своего угла, наверное, думает, что я ломаю комедию. Что лицемерию моему нет ни дна, ни предела. Но я же говорю что говорю. Я что ли придумывала сценарий и обсчитывала ходы? Неужели я такая мерзкая.

– А вы? Вы кем бы хотели стать, сеньорита?

– Я?

Удивляется. Как будто для неё уже всё кончено.

Нет, старики не выдержат такой нагрузки. Только Птерыч и выдержит.

– Я не знаю. Но, наверное, тоже, как ты. Все так же хотят да?

– Наверное.

– Тогда я тоже.

Хрисанфу наконец удалось схватить в охапку всех троих дочек.

– Жену мою охмуряешь! Вроде бы как ты уяснил, что это моя женщина.

– Кирс, ты же знаешь, что у меня есть своя ненаглядная.

– Да шучу я. Какие-то стремные разговорчики при детях.

С Урсик ты уже знаком! Урсула!

Старшая была по случаю в длинном розовом платье с розовыми лентами и украшениями, на одном пальчике – колечко.

– Драстуйте, Арсэн!

– Ах, какая молодец! Помнит!

Агний усадил малышку к ученику.

– Ну вот и иди к своему любимому дяде. Знаешь, если ты согласен ждать ещё двадцать восемь лет, я в принципе не против, чтоб ты стал нашим зятем. Можешь жениться на любой, если кому будет взаимно, конечно!

Смеются. Далила легонько шлепает супруга по ляжке. Урсик внимательно следит за лицами взрослых, как будто изучает пункты договора.

– Это вряд ли. Ещё дожить надо. Да и кому станется гребаный старпер. Этим красавицам?

– Ну, смотри. Может случиться конъюгатская мутация. Но ты прав: вряд ли. А это Мила! Она младшенькая, но задаст фору любому.

Девочка была почти копией сестры, только чуток меньше. И глаза не голубые, а серые. Волосенки также белобрысые. Может, по возрасту. Только взгляд не такой властно-распорядительный, как у старшей, а влюбляющий и в то же время любящий. Чем-то похожа на Веронику. Очень открытая,

небоязливая, ласковая, улыбаха.

– Дядя – класивый!

– Ах!

– Да уж. С пелён уже маленькая манипуляторша, ты ей не верь, она тут постоянно так орудует, за дураков нас держит.

Хрисанф, ворча, взял девчушку к себе на руки.

– Ну а это – Хайджи! Хайджи, поздоровайся с гостем!

– Пйивет!

– Чукрушка!

– Ну она не столь проворна, как эти двое, и не столь умна. Больше с братом тусуется. Сейчас, Викки принесёт его, переодеваются.

Мила была в светло-голубом платье, а Хайджи – в светло-зелёном. У средней волосы были чуть темнее, но всё равно светлые. Глаза – каре-зелёные.

– Все в Далилу, такие же красивые! Красотки мои!

Целует малышей поочерёдно, устраивая Хайджи на коленях матери. Далила не возражает утверждению, потому что ей это уже надоело слышать.

Арсен думает, что, пожалуй, детки в чем-то и похожи на Кирсанову. Пока круглы и пухлы. Это, конечно, детская черта, но в будущем может быть действительно будут в папку, но чуть помощнее.

– А вот и наш наследник. Айсен Александрович собственной персоной.

Мальчик шёл рядом с Викторией, с видом очень, если

можно так выразиться, разумным и степенным. Одет в белую рубашечку с бабочкой, тёмные брючки, с маленькими узорными подтяжками.

Хрисанф, как заметил Арс, как-то стушевался при прибытии сына и перестал сюсюкаться с доченьками.

– Айсен, познакомься, это хороший друг семьи – Арсен Иванов. У вас похожие имена, чувствуешь?

– Добро пожаловать, господин Арсен.

– О, Господи!

– Напугал да? Такой вот маленький церемониймейстер.

– Он что, вундеркинд?!

– Да нет, просто вежливый.

Вот уж Хрисанфыч, под копирку строгают. Кровь не отдают, оказывается, конъюгаты. Что тут от сеньориты вообще? Кроме малолетней припухлости. Тёмные волосы? У Птера тоже зачастую. Правда, ребёнок не такой холеричный, как босс. Как босс в периоде выдержки. Хотя, может, этот чувачок тоже сейчас старается.

Глаза мальчонки были очень тёмные, но по центру выделялись светлым линии радужки, и внутри больших зрачков как будто тоже плавали маленькие светлые островки.

– У него неважное зрение?

– Наоборот, очень даже приличное. Просто, как у меня, глаза похоже живут собственной жизнью.

– Ха!

– Что смешного!

– Ничего. Очень милые у вас детишки!

– Бро, без шуток, ну скажи ты всем этим домочадцам, Арсен же в маму?!

Просто звук отчаяния. Арс и угорает с босса и жаль ему его.

– Похож да. Особенно волосы.

Хрисанф чисто выдыхает.

– Я же говорил! А вы меня не слушаете! Арсен всё на свете знает, я же говорил!

На этой ноте все, и взрослые и дети, благополучно направляются в столовую.

Глава 21

Стол был заставлен, как пир на весь мир. Арсен, впрочем, предполагал, что босс загнет с стараниями, поэтому про себя заранее решил есть какие-нибудь три блюда, понемножку, иначе в него и не влезет.

– Арсен, вот твоё место, садись. Это же, Агний?

– Да, это. Я тебе сам помогу, стул тяжёлый. Вот так.

Дети были выпущены "пастись" на воле, как им угодно. Взрослые сидели левее, ближе к окнам, а дети носились по большой свободной части столовой. Им ничего особо не запрещалось и Арс был даже рад, что кроме музыки, тихо любушейся откуда-то, зала была наполнена детским шумом, из-за чего ужинающие временами разговаривали друг с другом при помощи крика.

Малыши уже были накормлены, но гость заметил, что Далила, по их просьбе, даёт им разности из взрослой еды. Например, Урсула настойчиво тянулась к её бокалу с газированной водой, и Кирсанова спокойно протянула девочке просимое. Также давала жареную курицу, рыбу, в которой могли быть косточки, торт и так далее. Хрисанф как будто был настроен против подобных излишеств, но сам же смягчался и очищал для отпрысков какой-нибудь яркий цитрус, вручал по утиной ножке с кожицей, мазал кремом щёчки.

– О, не беспокойся, дорогой друг! Они – всеядны, как все мы тут и очень прожорливые. Походу, мне придётся работать в два раза интенсивнее, чтобы прокормить нашу ораву.

Смеётся. Жена сидит рядом с ним, совсем близко. Видимо, так привыкли.

– Да, ты не пугайся, что мы такие безалаберные. Я тоже сначала сторожилась, но, честно говоря, наши дети, похоже, не особо нуждаются в "глаз да глаз". Они, как зверята, скачут, бегают, лазают, шныряют повсюду, как в джунглях и им это норм. К тому же, у них хорошая регенерация, правда, Агний.

– Да, солнышко.

Кирсанова супруга своего в присутствии оного и других звала так, но если его не было в комнате, или если он куда отлучится, называла либо Хрисанф, либо как-нибудь по-другому.

Арсен налег на уху из северной крупной рыбы, которую

привёз с собой Калита с путешествия. Вообще подумал, что неплохо будет попробовать редкости, то, что он редко ел. Также его выбор пал на свежую утятину: утром Никита ездил на охоту. И ещё, убрав дольки лимона и зелени, медленно и с расстановкой впитывал кусочки осетра.

Сервировка была на должном уровне, потому что босс ужасно не хотел ударить в грязь лицом перед подопечным, хотя прекрасно был осведомлён о его простоте. Просто из кожи вон лез, натирая серебро и расставляя стекло и фарфор. Однако, Арс видел жёлтую эмалированную кружку, слегка отбитую, в которой было топлёное сливочное масло для пирожков. Всё же, некоторые помарки выдавали, что шеф тоже из простонародья. К тому же он совершенно не брезговал фастфудом и вредной едой, так как в порыве радости и страсти сейчас наярывал картоху и бекон на гриле, чередуя это с майонезными салатами, пиццей, конвертами из доставки и запивая всё высококалорийной сильногазированной колой. Они с Калиткой даже почуток выпивали, страшась гнева Далилы: по капельке низкоградусного вина разводили в стакане с соком, и радовались как дети малые при этом.

Кирсанова ничего, тоже вкушала с удовольствием и в больших количествах. Чета стеснялась, но было видно, что не удерживалась и что это у них в закоренелой привычке. У них были отдельные приборы и посуда, но порой Агний как-то безусловно, забыв, что за ними могут наблюдать, под-

носил свой кубок к жене, как будто у неё не было своего, и кормил её со своей вилки, или с металлических специальных торжественных палочек, которыми очень ловко орудовал, доставал и резал для неё какие-то деликатесные штучки, промакивал губы салфеткой, и вообще, прячась за шляпой, целовал. Иванов, поскольку поле для обозрения не особенно тщательно скрывалось, и по-видимому, не могло скрываться в их собственном доме, мог лицезреть, что Далила, когда он обращался к ней, смотрела на своего дражайшего так, как будто никого в этом мире больше и не существовало.

Бедняга Пteryч, нелегко, наверное, когда тебя так обожают. Хотя, разве не это его мечта: любить и быть любимым.

Калита с ответственностью и восторженностью заявил, что они с близнецами во время трипа набрали на ареал белух, и что если то надо, то он может поймать для детворы пару особей и устроить здесь годный дельфинарий.

– Нет, Никита, я возражаю. Если хочешь, можешь взять этих спиногрызов с собой, когда малость подрастут.

– Но, Далила, они в неволе проживут даже больше, хотя в принципе я мог бы отловить экземпляры для городского аквариума. Всем бы было в прелесть.

– Кузя, Далилушке не нравится же, не заставляй мою душу беспокоиться. Но, может, мы сами вдвоём слетаем на той неделе!

Подмигивает.

Эти двое знают друг друга лучше, чем легендарная пароч-

ка. То есть легендарный тандем, это, скорее Хрисанф-Калита, чем Хрисанф-Далила. Похоже, им и слов не надо, они как правая и левая руки, побратимы. Как им удаётся сохранять их стойкий тройственный союз? Но Калитка очень "политкорректный" да, но походу и он балует её. Может, это просто из-за экономии людей на их территории, на долю населения. Наверное.

– Сеньорита, вы любите природу?

– Не так чтобы. Порой мне некомфортно. Но это же природа.

Кирсанов, в старомодном стиле, прикрывает её своим корпусом, чтобы поцеловать.

Господи, что тут такого. Пteryч местами слишком консервативен и архаичен.

– Масса наших активов направлена на её природоохранные проекты.

– Агний, не так.

– Но это же всё твои идеи были. И я всегда вложу в них, я всегда во всём хочу поддерживать мою супругу.

– Арсен, я там ничего не делаю. Всё они.

– Если я начну перечислять все направления, в которых мы работаем по части экологии, ужин приобретёт деловую окраску, а Далиле будет неудобно, так что я не буду распространяться по этой теме.

За это в его рот женой помещается ядро грецкого ореха, затем кусочек мелкой красной икры с чесночком, так что

тот затыкается в блаженстве и далее аппетит его пробуждается ещё больше, так что приступает к пирогам, запеканкам, слойкам, изящным салатикам и сладкому.

– Агний любит сладости да?

– И не буду даже возражать. Што такого. Вкушно же!

– А ты любишь сладости, Арсен? Вот очень милые пирожные, это Никита с Вики приготовили.

Виктория здесь же, но то и дело выбегает к детишкам, чтобы поправить уже ставший разбойничим неповадным видом вид, меняет одежду девочек, заляпанную едой, пылью и некоторыми одноразовыми игрушками. В доме довольно чисто, но как ворчит Кирсанов, эти людишки умеют отыскать где посвинячить, что он от этих гигиено-процедур уже забыл, каков истинный цвет собственных рук.

Я постоянно в мыле, бро!

– Я тоже очень люблю сладости, сеньорита. Не всё. Но к примеру почему-то неровно дышу к таким выпечкам. Да и шоколад – это тема! А кто мы были без всех этих наших сладких напитков.

– Арсушка всегда истину глаголит! Вот, Урсула, бери пряник и хватит уже грызть мои ноги! Ей-богу, дети очень больно кусают!

– Хрисанфыч, зато теперь не будет жалоб, что не познал отцовства да?

– Да, теперь я понял, как это: день и ночь! Теория с практикой! А ведь на подходе вылупление пятерни! Они итак

немного передерживаются и вес их немного больше, чем у четверни: вестимо, в маменьке долго росли. Ох-ох! Ну придётся, раз кашу заварили!

– Арсен, ты не думай, твой босс – довольно-таки преуспел в этом, он может участвовать в конкурсе лучших папок!

– Далила-йаа!

– Видишь, он даже покраснел, семья – его всё. Агний любит возиться с малышами.

– Мой авторитет (шепчет). Теперь обо мне будут думать, как о домашнем гномике, куриной мамаше.

– Дорогой, может быть ещё что-нибудь из мяса? Арсен, ты совсем ничего не ел.

– Я ем. Вот Калитка меня угощает куропаткой. А потом как-нибудь найду местечко для тех рёбрышек.

– Далила, не впихивай силой, а то будет не удовольствие, а понос.

– Фу, дорогой, неприлично же.

– Сама же так говоришь.

Хрисанф уже был слегка, как припеченный первым летним солнышком, сдобренный хорошими кушаньями, немного медленно и вальяжно соображавший и не особо себя истязавший.

Ей это всегда пеняли. Те же подруги.

У тебя муж, несмотря на всю свою крутизну, как пять копеек. Что ты жалуешься. Примитивный, в хорошем смысле этого слова, попался тебе человек. Накормить и спать уло-

жить – делов-то! Каждой женщине это должно быть плёво. Это минимум треб. Знаешь, какие бывают мужики????!!! Хуже баб!

Они, конечно, не жили с ним, поэтому не знали. Но частично, это было справедливо. Но ведь Далила не умела ни того, ни другого.

Однажды Хрисанф случайно подслушал аналогичную беседу. Он вернулся с работы и просто уши его не могли не внять, как кто-то довольно бойко и громко учил его жену некоторым семейным рецептам. Ему это, конечно, показалось очень милым и смешным. Но позже решил перетереть с ней этот момент.

– Не слушай их.

– Кого?

– Ну, когда вы смотниц включаете. Враки это. Не нужно мне от тебя никаких куличей, борщей и мяса. И врать мне, когда мы ближе, тебе не стоит. Мне нужна ты, а не всё что лишне.

Кирсанов сказал это с осторожностью, потому что она могла принять это на штыки и обвинить его в том, что он плохо думает о её друзьях. Но она повременила, как будто думая о чём-то своём.

– Твои слова мне открыли, что ведь все мужья так говорят своим жёнам. И обо мне так могли говорить. Не водись с ней, она же бездетная старая дева. Таких издавна избегали.

– Да нет же. Я не о том. Вы можете перемалывать мне ко-

сточки, сколь угодно. Мне только приятно будет, что я так популярен и востребован. Просто я не хочу, чтобы ты думала, что ради меня тебе надо из кожи вон лезть. Это миф. Никто никому ничего не должен. И не обязан. Мне достаточно того, что ты просто есть и всё.

Даже просто эти слова могли быть для неё великим давлением. Хотелось как лучше – получилось как всегда. Но, в какой-то степени, и в ней жил простоватый человек, поэтому, может, она и любила его. Любовь – это, по идее, просто. Хотя думается, что сложно. Это лишне, как говорит Хрисанф. Сложности все эти. По идее, всё проще.

Глава 22

Виктория только заметно кивнула, когда увидела Арсена и он тоже в ответ уважительно кивнул.

Кажись, она действительно не любит работать мозгами, раз даже в зеркале не разглядела, что странным образом очень на кого-то похожа. Но так, наверное, и бывает: прекрасное далёко, а близкое – не суть.

Девушка была в длинном простом серо-синем платье. Просто фартук и чепец свой сняла как будто. Калита предлагал надеть ей что-нибудь из Далила катс, но та решительно отказалась. Однако, как и Кирсанову, на ней всё сидело. Хоть рубище. И даже ладнее, чем на отце. Порой одежда горела на том, особенно если он был в некотором беспокойстве, к тому же всегда мог испортить что-то торчащим от-

куда не возьмись крючком, разорвать в местах швов путём неудачных телодвижений, переместиться в вечернем туалете в непотребные места и превратить там себя в пороса и так далее. Викки, конечно, не была такой. Может быть и была бы, судя по тому, как по великому своему усердию, нередко наоборот приводила вещи в расстройство, но своего скарба у неё было совсем мало, и сказался, наверное факт стесненных обстоятельств, в которых она выросла. И этот её наряд был далеко не новым, но вошла Виктория в столовую в сопровождении Айсена, как... Только короны и скипетра не хватало, короче. И степени самодурства.

Арсен время от времени наблюдал за тем, как она ест, отщипывая кусочки того или другого. В общем-то, весьма быстро. Довольно скоро ела, но при этом не выглядела, как например, легендарная чета, или Аэлита. Серьёзно и тихо смотрелась. Кушала также с удовольствием, но с видом типа: я это должна делать и не смотрите, что я такая худая, у меня так с детства.

Может, если бы росла в семье, хоть у босса скажем, может выросла бы более плотной? Хотя Птерыч же ест как не в себя, и как с гуся вода. Нет. Такое уникальное строение.

Вика чувствовала эти взгляды гостя, и поскольку совсем его не знала, посчитала, что он слегка заносчив и малокультурен. Но ей некогда было думать об этом, так как чуть что вылетела из стола и бегала за маленькими Кирсановыми.

В этом ей помогал и их новый работник, который старал-

ся дружелюбно показывать зубы Иванову и которому, кажется, было не очень в своей тарелке. Ведь его тарелкой долго была пустота. Стефан оказался не на столь изящным, чтобы быть садовником. Зато по части подай-принеси-отнеси-помоги совершенно сносен. Правда, по началу его кости гремели издалека, поэтому Далила боялась его лишний раз тревожить: вдруг рассыплется на части, торопясь к ней по их длинному коридору. Но вот с детками вышел нонсенс. Почему-то ораве очень понравилась внешность стинки. Они, видимо, увидели в нём не устрашающего уroda, а наоборот – приятное и главное то, с чем можно играть. И хотя Хрисанф старался им вразумить, что так делать нельзя, те мигом на того взобрались и хоть один из малышей на момент постоянно использовал беднягу, как транспортное средство. Далила тоже покрикивала, боясь, что её крупные отпрыски переломают Стафу хребет или шею, но ей не могло не стать симпатично, что тот как бы и не против всей этой мелкой возни, от которой обычные взрослые устают и просто никакие становятся. Дети действительно не нуждались в каком-то специальном нежном уходе, но, пожалуй, разнообразить компанию желали.

– Что молодёжь не тусуется?

Агний кивнул Арсену, намекая, чтоб тот сам первым нашёл общий язык с новичком.

– Ээ.

– Нормальный чувак. Просто немного ботан. Как и все

мы. Покурить не хотите?

– Я не курю.

– Стефан тоже. И все мы тут. Кроме меня иногда. И Калиты.

– Бро, я никогда не видел, чтоб ты.

– А я и не этого. Просто. Для коммуникации так. Сказал. Молодёжь не склеилась таким образом. Вероника после приготовлений к ужину хотела смыться к своему парню. А до этого горячо желала его присутствия здесь, но у Богдана было дежурство по его охранной деятельности. Он также начал подрабатывать у Кирсановых, на пару со стинки заменяя шофера, но это была нечасто, поэтому по весеннему времени, Верон планировала перевести его садовником в усадьбу. Далила уговорила девушку, сказав, что итак Ванесса с Камиллой уехали, так что пусть она перетерпит пару часов без единственного и неповторимого.

– Арсен!

– Вероника.

– А чё вы так много кушаете?! Вам не пристало!

– Береника! (Хрисанф пылает)

– Хи! Но правда, СэшКи! Он же толстяк!

Тут уже возмутилась и Далила.

– Вероника! (пытается с намёком шипеть)

– А чё, Арсен, вы против?! Вы обиделись?! Вы же не дама-с!

Агний чуть ли не сорвался с места, чтобы выдворить эту

дрянную негодную девчонку прочь со стола. Главное, он ничего не мог делать против всего беспредела, который она у них вытворяла. Это было ужасно, по его мнению. Кирсанов регулярно обдумывал план, как бы с нею справиться, но выходило так, что в калоше всегда оказывался он сам. Далила ошутимо щипнула мужа за окорок под скатертью: дескать, мы же не одни здесь.

– Напрасно, Вероника, так думаете-с (вмешался Калита). Арсен, признаюсь, имел излишки жира при первой нашей встрече, но сейчас он выглядит куда лучше. И право, миледи, с лица воду не пьют. Мне кажется, нам стоит возобновить наши те самые уроки.

– А я пью-с, пью-с! Старикашка не верит, но так бывает! Я с лица моего Богданчика выпью всё что угодно!

На этом месте Арсен, кажется, понял, почему босс называет девушек незаконорожденными дочерьми своей жены. Вероника с жаром доказывала свою земную любовь и Иванову это чем-то напомнило хлопотливые отношения сидящих напротив него.

– Верон, тут мне как раз твой друг написал, что не может дозвониться до тебя. Ты где-то телефон оставила?

Кирсанова решила опередить мужа, потому что тот уже кипел, как чайник, а язык его заплелся и валялся где-то во рту от дикого возмущения и трепетания.

– Ой! Душенька, прямо-таки!

Она пулей пронеслась мимо уха Арсена, чуть не оторвав

его.

Далила побежала за горничной, и при этом мать семейства чуть не растянулась на плитке пола, забыв о длине кимоно.

– Вероника, я понимаю, что ты живёшь где-то в очень ве-
сёлом лояльном мире, и что мы тут все тоже собрались су-
пер-лояльные люди. Но Арсен, как бы, не такой. А вдруг он
расстроился из-за твоего поведения.

Последние слова не стоило говорить. Стояли они совсем
недалеко от столовой, двери которой были нараспашку. Кир-
санова шептала девушке, а та заголосила.

– Сарданка, нечестно! Несправедливо! Я что ли самая
хрюшка! Вот Калитка от удовольствия причавкивает, и ни-
кто ему ничего не пенял-с! А ты сама под столом лапала Са-
чика, я же видела! Что я такого сказала!

Когда женщины вернулись, Далила предусмотрительно
села чуть подальше от мужа, и хоть тот был весьма доволен
тем, что супруга была несколько смущена словами средней
старшей, но, всё же, изобразил жестами Вере, чтоб на еже-
месячную тринадцатую зарплату отныне не рассчитывала, и
чтоб вообще перестала у него что-либо вымогать.

Вероника поняла, поэтому в ответку показала в воздухе,
что они должны-де потом во спокойствии перетереть эту те-
му без всяких истерических выпадов со стороны хозяина.

Арс, чтобы отвлечь всех от пылающего негодования, ре-
шил обратиться к обидчице с другого угла.

– Ты очень красивая девушка, Вероника.

Виктория, в эту секунду только вернувшаяся к остальным, вспыхнула так, что локоны спереди привстали и всколыхнулись.

Хрисанф засмеялся так, как будто его тотчас вынули розеткой из режима "бурление" в режим "прорвало". Он тыкал ложкой в сторону дочери и хохотал по типу "так тебе и надо курица-помада", не обращая никакого внимания на искры, которые метала Виктория.

– Александр! Доешьте салат!

– Сама доедай, дрыщица!

– Далила, впихните в него картошку в мундире!

Вероника при виде беснующегося работодателя подхватила эстафету и также залилась своим сверхзаразительным громким смехом, который был очень похож на хрисанфийский, но дополнительно с привизгиванием и колокольчатыми переливами. Кирсанова заметила, что девушка свечера скинула свою домашнюю робу, и хотя Никита прививал ей вкус к богическому стилю, напялила штанцы в облипку с сверхзаниженной талией, напоминающих на глаз блестящий латекс чуть темнее тона её кожи, и сверху обтягивающий топ с длинными рукавами. Наверное, для ночной тусы с друзьями. При процессе хохотания она откидывалась на спинку стула, выставя прехорошенький, правда сильно заполненный яствами, животик, и даже хлопала себя по животу от изнеможения.

Арсен сидел по левую руку от неё, и хотя он сам изнемо-

гал без своей Аэлиты, однако не без интереса и вполне, надо сказать, с охотой, предавался созерцанию сотрясения тугой молодой живой плоти.

Кирсановой подобные взоры гостя не так чтоб пришлись по духу.

Эта глупёха. Она же не в курсе, что он вёл довольно кутильную жизнь до знакомства с Золотаревой. Зачем будить эти гены.

– Держите меня, батя! Вика – это трэш! Арсушка (везде подслушивает и копирует), яхонтовый вы мой, я вас люблю очень, но вы, простите-с благородно-с, слишком старые для меня! Ха-ха-ха!

Что тут смешного, Далила не вкумекала, но эти два человеческих придурка стали мокрые хоть выжимай.

Хотя, наверное, это торжество естества. Вероника же девчонка совсем. Тот возраст, когда не можешь удержать себя и начинаешь смеяться над всем при всех. И стыдно тебе и неловко, но так смешно. Мне, конечно, жаль Арсена, но разве на такую можно злиться.

– Пойду-ка я к моему соулмейту, а то с вами надорваться-с можно! А с тобой, КирСаш, мы ещё поговорим!

Бросает буквы ви.

– Калитка, моё почтение! Я такого чудесного маринада ещё не откушала! А эти тарталетки вообще хоть на выставку! Что ты туда добавил, улитку?! Аа, как это не улитку, я была уверена, что там улитки! А можешь мне одолжить опреде-

ленную сумму?! Нее, Сасконой жабит нонче.

– Береникэээ!!!

– Всё, исчезаю!

Чмокает Далилу и Викторию, показывает язык Арсену и Агнию, выхватывает у Никиты малясь побольше, и была такова.

– Далила, позор!

– Успокойся, дорогой.

– Арсен, ты простишь меня!

– Что ты, бро! Молодёжь тусуется!

– Ох, ты самый лояльный человек на свете! Так я и думал, что идеальности нам не добиться. Но, клянусь, она была такая старательная на кухне! Всё для тебя старалась! Вот эти петушки-леденцы сама готовила! А Ванесса – вон ту селёдку под шубой, что в круглом блюде возле тебя, а ты и не притронулся!

– Сейчас притронусь. Всё очень вкусно, Птерыч, не стоит на неё сердиться. Она так мило смеётся!

Тут Калита получил сообщение от Айтала и уведомил Агния, что ему надо скоро домой, ибо Айнар возможно в хламовом состоянии, и будет лучше, если братья заночуют у него.

Хрисанф озаботился этим, решив, что ужин пора сворачивать.

Хрисанф вызвался проводить друга, так как тот оставил углозуба далеко и шёл до их дома пешком несколько километров.

– Сейчас, мигом! Только у жены отпрошусь!

Он уведомил её, что скоро вернётся, что не уедет с ним праздновать дальше, и они с Арсеном неспешно побрели, миновав ворота, через широкий ровный луг. Иванов, в принципе, после такого обжирания, был рад моциону, а Кирсанов так и прямо заявил, что перед сном ему надо быть в форме.

Говорили о многом. О съеденных блюдах, о возможной поездке к морю, чтобы застать сезон белух, о том, почему Арса не занимает охота, о подготовке лакуны, о погоде, о женщинах и так далее.

– Видел, как лыбится Стефан?

– Пришлось.

– Одолжить его в какой-нибудь фильм ужасов что ли.

Смеются. Как будто сами вылитые элитные красавчики. Ну, Хрисанф, может быть, но его подопечный через каждый хотон встречающийся.

– А он ничего такой. Слава Богу, к Далиле не подмазывается, а то я не могу уследить за её ходами.

– Птерыч, у тебя паранойя. Сеньорита даже перемещалась с КПД в своём одеянии, насколько я заметил.

– Ах, она прекрасна да, всё-то ты подмечаешь. Кстати, о чём вы говорили, когда я возился с детьми?

– А ты не слышал? Слух у тебя вроде чёткий был.

– Частично только. Когда в твоё ухо летит пинок от Милы, в нос от Хайджи и в глаз от Урсик – нельзя никоим образом сосредоточиться. К тому же я доверяю моей любимой.

– Так, ага.

– Я видел, что она была взволнована.

Арсен вкратце пересказал боссу содержимое давишной беседы с хозяйкой.

– Мм...

– Что?

– Многим нравится такое построение её слов, но ты не должен забывать, что Далила – психолог и коуч.

– В смысле?

– Разве ты не заметил постановку её вопросов и поведение?

Арсен смутился.

Жалкая толстуха проверяла меня?

– Не то чтобы. Но узнаю её приёмчики. Думаю, она просто хочет понять, что ты за человек.

– Это логично.

– Но, может, она и настраивала тебя.

– Стать коньюгатом?

– Не знаю. Я не знаю, что в голове у этой женщины. И если ты ещё раз так назовёшь её, запульну тебя вот за тот овраг и пасись там вместе с телятами.

– Сорян, вырвалось.

– Да что с тобой поделаешь. У тебя всё в эпитетах.

Агний положил руку на плечо товарища и пошёл так, приобняв. Он был, несмотря на поздний час и холодок, поднимавшийся в округе, в своей лёгкой широкой светлой рубашке. Арсен в куртке и натянул для верности капюшон.

– Ты ещё разodelся так! Интересно.

– Фу ты! Хрисанфыч, не смейся.

– А как ты отделал Веронику, а!

Кирсанов засмеялся, запрокидывая голову вверх и то и дело похлопывая спутника по лопатке.

– Я сказал правду.

– Тебе надо приезжать к нам каждую неделю! Я не могу справиться с этой беспредельщицей, а ты живо поставишь её на место! Видел, как она?!

– По-моему, я её развеселил.

– Живо сбежала же, к своему жениху! И такую мину на себя напустила, чтоб мы не поняли, от чего она стала красной, как майский шарик! Поделом ей! Вечно надо мной прикалывается! Я итак и эдак! В итоге ору, как паравоз! Ну ты меня видел, доводит.

Так они шли, не подозревая о надвигающейся неприятности.

Близнецы решили вернуться чуть раньше, вернее, Айталу пришлось прихватить братца и смыться с вечеринки, потому что, как он и подозревал, тот напился и запустил руки в именинницу у всех на глазах. К сожалению, родители девушки, весьма осведомлённые обо всех людях, не зна-

ли, что парни – сыновья Александра Кирсанова. Иначе бы они не натравили на Айнара охрану и им было бы стыдно, что отпрыск знаменитого учёного получил отменный фингал под правым глазом от одного громилы. Хватило ума и капли трезвости: разборки со всеми вытекающими нелицеприятными обстоятельствами не произошло, и Аичи с позором покинули праздничное сообщество. При желании, любой конъюгат мог за считанные минуты, или даже секунды, очистить себя от токсинов и общего алкогольного воздействия, но это был не тот случай, когда Айнар мог себе отказать в удовольствии подебоширить, поскандалить, повалиться в грязи и так далее. По пути он выбил стекла чей-то дорогой машины, плюнул в платье какой-то драгоценной дамы, обозвал всех, кто ему попался, самыми последними словами, и искупался в фонтане из шампанского у самого выхода.

В общем, Айтал решил, что к Калите с такими рожами лучше не объявляться.

Дядя к нам с самыми лучшими чувствами, а мы обгадим его дом за все его старания. Некрасиво.

Поэтому потащил совсем уже желеобразного брата в усадьбу отца, но не напрямик, через парадный вход (чего доброго, ещё попадёмся тётушке, так она сильно расстроится), а через северо-запад. Они проехали небольшой деревянный мост через узкую речку, и дальше можно было спешиться и пробраться в сумерках к гостевому домику.

Братику на свежем воздухе полегчает.

Айтал оставил того возле изгороди, чтоб проблевался, и сам вернулся запирать ворота. Это была кое-какая процедура, надо было задвинуть три больших жердины в отверстия столбцов и ни в коем случае не оставлять открытый ход. Люди по внешней границе огромной территории видели заброшенный запущенный участок и не могли никак срезать или полюбопытствовать, поскольку им приходило в голову, что их ударит током. Хрисанф не мог вредить простолюдинам, но мысль, что они сами могут навредить себе висела прямо в атмосфере по всему краю неприкасаемой равнины. Однако животных это не касалось. Скот вполне себе мог пролазить внутрь и внутрь не к бывшей электростанции, а к вполне добротным угодьям. Это им и позволялось осенью, но не сейчас, когда Хрисанф с Калитой собирались готовиться к сенокосной поре и выгуливать там собственную домашнюю живность.

Пока Айтал с непривычки бился с местным устройством и далее запутался в мотке проволоки, притащенного Кирсановым, чтобы починить маленький загончик для кроликов, и потом прятал авто за куртинками ив, Айнар исчез из виду.

Старший побрел вперёд, но слегка отклонился с маршрута и вышел к тропе, которая вела к ещё одним дополнительным воротам западнее. Там на него опять напала тошнота и он чуть ли не упал в вольер к кабанам. Когда поднял гудевшую голову, то вдали различил силуэт двоих, неспешно направлявшихся в эту сторону.

Отца Айнар, конечно, признал сразу, даже будучи сильно пьяным. Но второй ему был незнаком.

Не Калита, не проклятый Стинки и почему они идут так близко друг другу. Гребаный Хрисанф, что он здесь тут делает?

В свете луны он увидел, что ненавистный ему родственник улыбается, смеётся, время от времени прикрывает рот от испытываемого смущения и удовольствия, безусловно прикасается к своим губам, волосам, носу. Делает какие-то мелкие незначительные движения рукой и головой, которые обычно совершает только в очень близком, интимном кругу.

Ублюдок. При нас он превращается в безмолвного высокомерного истукана. И что это за салака с ним? Что за?

В эту минуту пешеходы практически подошли к изгороди, за которой неподалёку стояла бывшая машины Далилы. Агний в эмоции обнял друга и ласково потрепал его по башке, спустив капюшон.

Айнар из своего укрытия в лунном отражении, наконец, присмотрелся к лицу незнакомца.

И вдруг на него нашла такая сильная злость, что Кирсанов потом очень сожалел о случившемся, и что был так наивен и открыт в ту ночь.

Глава 24

Арсен попрощался с боссом и повернулся к нему спиной, чтобы пролезть через жердочки изгороди, как, в буквальном

смысле, почувствовал, как что-то захватило его дух.

Эта была какая-то доля секунды, но он тотчас осознал, что сейчас ему крышка, поминай как звали.

Люди добре, покеда. Так вот, оказывается, как это происходит. Калитка и гребаный Хрисандель, получается, были нежнее розы.

От принужденной конъюгации Арсу показалось, что его вот-вот разорвёт на мелкие клочки..

Наверное, что-то подобное ощущают женщины при сложных родах. Бедные мамы. Как будто моя душа больше не помещается во мне и её вытолкнут из моего тела, как выдавят гнойный прыщик. И я даже не могу как следует подумать об Аэлитке.

Всё это описывается здесь в нескольких абзацах, но помните об относительности времени. Арсен желал бы всеми фибрами, чтобы босс спас его, но если это происходит так быстро, он просто не успеет.

У него в руках останется только лужица от меня и всё.

Но тут что-то другое прошло через него, он еле-еле успел судорожно втянуть воздух, но его голова дала ему немедленный приказ: бежать!

Даже не оборачиваясь, Иванов устремился вперёд к углу зубу, но сумел сотворить только один шаг: кто-то сильно дёрнул его назад за ту самую цепь, что выглядывала из-за воротника.

Момент, и Арсу бы наверное перерезало горло в области

адамова яблока. Он уже ничего не думал. Конъюгации не было, просто его хотели убить здесь и прямо сейчас.

Хлопок. И Арсен упал на колени, а затем по инерции лицом в землю. Кашляя, он снял цепь и лихорадочно спрятал в карман. Ощупал шею, вроде всё двигается.

Обернулся и увидел мужчину, ставшего между ним и Хрисанфом. Метрах в пяти пытался встать кто-то третий, но это ему плохо удавалось и тот сильно бранился.

– Так это ты, тот самый тайный наследник Хрисанфа, его внебрачный ублюдок!

Теперь Иванову стало понятно, кто на него напал.

Ясно. Но зачем этот так смотрит на меня?

Арсен, качаясь, встал и оказался в замкнутом, залитом золотым светом, пространстве. Обычно, при контакте с боссом, он не видел того отчётливо во всех тех погружениях, в которые тот его вводил. Может, то была неполная конъюгация. Сейчас напротив стоял Айтал (это Арсен понял сразу, хотя братья в тот вечер были в одинаковых маскарадных костюмах героев по требованию хозяйки городского бала). Волосы его были зачесаны и убраны назад. Не как на фото, где у близнецов были распущенные кудри до плеч, отчего лица казались круглее, светлее и дружелюбнее (хотя бы у одного из них). Ранее Арс соглашался с Кирсановым, что старшие сыновья в Аичи, но в это мгновение он ясно увидел очерченность и строгость скул и практически такой же взгляд как у родителя при абсолютном другом строении глаз: как будто

всё внимание в мире притягивал этот испытующий, как будто осуждающий взор.

– Кто ты?

– Я...

– Я спрашиваю: Кто ты?

– Арсен. Арсен Иванов.

– Что тебя связывает с моим отцом?

– Я работаю у него.

– Ты – конъюгат.

– Не совсем.

– Это правда, что говорит мой брат?

– Нет.

– Говори правду.

– Нет, я не сын ему.

Тут связь оборвалась и он услышал привычный голос.

– Гребаный активатор. Но почему ты ходишь и всех активуешь!

Миллисекунда и Арс оказался наверху прошлогоднего стога сена, который находился к востоку примерно в километре от места событий.

– Прости, так надо. Мне нужно побыть с сыном. Уходи. Потом поговорим.

Глава 25

Айтал освободил от своей "хватки" брата и тот, брызжа слюной, вскочил на ноги. Его глаза выражали тотальное

разочарование в самом близком человеке.

– Как ты посмел?!

– Прости.

Младший выглядел не совсем виноватым, он смотрел на отца так, как будто сделал что-то непоправимое и молчал.

Хрисанф, ничего ранее не подозревавший о ловушке, подстроенной ему судьбой, суматошно кинулся к сыну, осыпая его лицо поцелуями. Тот не убежал, но тело его как будто одеревенело.

Со стороны зеваки, пришедшего именно в эту минуту, эта картина могла показаться немного странной. Трое молодых мужчин, и один из них обнимал и целовал одного из них, как будто это маленький ребёнок, которого он только что спас от своры диких псов, но не мог предотвратить и исправить полученный шок.

Но ведь это действительно был его ребёнок.

– Сынок, всё будет в порядке. Папа здесь. Пожалуйста, посмотри на меня.

Айнар, кажется, понял происходящий в настоящем исход. Его паясничание, алкогольное брожение исчезли, не оставив и капли следа. Угрюмость повисла в его облике.

– Это правда Он?

Агний даже не посмотрел в сторону старшего. Всё его существо было сосредоточено, чтобы восстановить прежнее создание, кем был его мягкий добрый сын.

– Перестань. Всё уже.

Хрисанф повернулся к Айнару и молча подошёл к нему.

– Нет, конечно. Что за глупость ты сморозил. Ты, как всегда, всё испортил (с ненавистью)

Айнар ступил назад, от этого человека. От человека, который всегда останется для него чужаком.

– Я пойду. Уезжаю сегодня. Всё, что мне нужно, я получил. Больше мне ничего не надо. И если хочешь, – я не буду поступать в орден. Я – Аичи! С самого детства я желал сохранить честь и достоинство моего рода, моего деда, Арания Аичи, моей мамы – Аракелы Аичи. Быть сильнее, чтобы мой брат жил свободно. Но сейчас я понял, от кого во мне эта жидкая кровь. Доволен?! Я ухожу! Ухожу, как и трус, стоящий передо мной! Мне на фиг не сдалось всё это! Зачем! Буду, как мой "любимый папка" прятать голову в песок, точнее в юбку какой-нибудь бабы!

Он развёл руками, подтверждая конец речи, и быстрыми шагами направился в усадьбу.

– Сынок.

– Папа.

– Айнар ушёл.

– Я пойду за ним.

– Хорошо.

– Папа.

– Да, Айтал.

– Я тебя люблю. Не бойся, что я изменился. И я люблю Далилу. И всегда буду любить и уважать твою семью, как

собственную. Но ведь я, кроме того, что Хрисанфийский, – Аичи.

– Сын.

– Папа, живи свободно.

Он обнял и поцеловал своего отца трижды: в щеки и лоб.

Так, близнецы поменялись местами.

***

Далила, когда Виктория убирала посуду, долго пыталась прочитать этикетку на горлышке вина, привезенного братьями из родных мест.

Это буква I или i? italia.

Никита вошёл в столовую и начал помогать девушке. Он вернулся из своего дома, когда понял, что парни не будут у него ночевать.

– Там и вторая i читается не как "и". Айтал же наречён не только по-здешнему. Он носит имя своей страны. И не зря, походу.

Глава 26

Агний, после того как Айтал ушёл в усадьбу за братом, разрываясь между желанием побежать за сыном, а ещё больше – пойти к Далиле, отправился искать Арсена.

Тот, очнувшись на стоге прошлогоднего сена, пытался сориентироваться и даже разглядывал во тьму, чтобы узнать, что происходит с боссом и близнецами, но внезапно ощутил такую слабость, что по наивности наскоро решил, что эко его

в сон так потянуло, и упал в самую серединку сухой травы.

На самом деле Иванов потерял сознание, а затем на минуту придя в себя, действительно отплыл глубоко в царство Морфея.

Его разбудил голос Хрисанфа и его рука, несильно трясущая за плечо.

– Как ты?

Арс постарался выдавить приветствие в свете яркой полной луны, появившейся из-за уплывших к западу облаков, и прохрипел.

– Ну так ничего вроде.

Лицо Кирсанова выглядело осунувшимся в лунных бликах и расстроенным. Ни капли того довольства, сытости, вальяжности и беззаботности, что были час назад. Или когда?

– Бедный мой ребёнок.

– Что с ним случилось?

– Случилось предначертанное. Преднаписанное. Предзапрограммированное. Если хочешь, наша гребаная кровь имела место случится.

– Аа. То есть теперь он, как ты?

– Пока не совсем. Но станет почти уже наверняка. Как мне теперь показаться Далиле? Ужасно.

– Да ладно, Птерыч. Калитка говорит, ты проецируешь свою неприязнь к своей природе ко всему. Может, это не так уж и стрёмно, как ты считаешь.

Агний посмотрел на парня взглядом, говорящим: как ты

такое можешь утверждать после того, что они с тобой сделали?

Хрисанф осмотрел след на шее от цепи, и немного прошёлся там пальцами, чтобы в будущем не осталось шрама и заодно устранить лёгкие повреждения. Надо сказать, он хорошо лечил наложением рук, но прибегал к этому нечасто. Думал, что в современном мире это со стороны похоже на шарлатанство и глупо, а он терпеть не хотел, чтобы его считали каким-нибудь экстрасенсом. Но глубже, конечно, не так, чтобы был слишком привязан к людям, поэтому применял эту свою способность только по крайней необходимости.

– Прости меня, сынок. За то что был таким безглазым. За мою неосторожность и эгоизм.

Боль прошла. Арсен присел и посмотрел на время: час ночи.

– Но это же неправда.

– Что?

– То, о чём сказал Айнар.

– Конечно, чушь собачья.

– Хрисанфыч, не ври. Выкладывай как есть.

Босс вперился в Иванова взором, полным снисходительного презрения, вызванного тотальным невежеством человечества. Однако также в его глазах светилось что-то, смутившее вопрошателя. Что-то похожее на прощение любовью.

– Почему вся молодёжь такая. Наверное, чтобы разрывать сердца старикам. Показывать это забвение, что происходит

с нами. То, что мы стали совсем другими. Или ещё хуже: что никогда и не были молодыми.

– О чём ты?

– О том, что как бы не кичился, уже не могу быть таким крутым и максималистично не терпящим возражения ко всему.

– Ой, ты описал себя походу.

– Знаешь, я знаю твою генеалогию лучше тебя. Лучше чем свою, о которой знаю практически ничего. И думаю, вам такие неинтересности и рассказывать не стоит. Мутотень. В конце концов, мы все произошли от Адама и Евы. И все братья и сёстры, как говорит Далила. Или все вышли из морской пены. Что, в принципе, одно и то же.

Арсен в этот момент переворачивал в башке тот факт, что в детстве в какой-то период занимался подозрениями, что он приёмный. Поэтому и единственный ребёнок. И мать такая маленькая, сухопарая. И на двоюродных, троюродных не похож. Ни телом, ни умом, ни поведением.

– Да не спал я с твоей матерью никогда, успокойся. Ещё бы я к ней сунулся при таком альфе, как твой папка – невозможно. И ничего ты не сирота. Истинный сын своих родителей. Я бы и хотел тебе соврать, что моё семя взяли на воспитание. Я бы и хотел в тебе видеть родную кровь. Но ты – это ты. Ивановы вы.

– Уфф.

– Да-да. Ещё б такой ангелок был бы моим отпрыском.

Айнар – вот мои гены. А теперь и Айталик пробудился.

Вздых. Отвернулся.

– Что делать будете?

– Ничего. Это их жизнь. Они будут. Вы будете. Я уже не в том возрасте, чтобы спешить в будущее.

– А без сантиментов.

– Без сантиментов хочу обнять свою жену и рыдать, как маленькая девчонка, три дня подряд.

– Господи.

– Без шуток.

– Ладно, прости.

– Я проверил твоё состояние, пока ты спал. Это очень опасно: быть в контакте с таким, как мой старший. Слава богу, Айтал подоспел вовремя. Если б ты умер, я не знаю, чтобы со мной стало. Даже думать об этом не могу. Вообще. Впредь тебе должно быть известно, на какой странный путь ты попал. Я виноват, да. Мы все виноваты. И ты всегда можешь уйти. Я сотру тебе часть воспоминаний. Теперь я могу делать это весьма непроблематично для мозга, благодаря Далиле.

– Я так и думал, что подох, тогда.

– Айнар слаб. Но у него очень злость. Злой да злой. Не знаю, откуда столько. Одна это злость двигает его конъюгацию.

– Мне показалось, что его брат, как бы, толковее?

– Да, меня это тоже поразило. Я ничего не хотел видеть. Я

хотел видеть только моего славного доброго мальчика. Нежного доброго мальчика, который хочет заботиться о животных и родных. И я так радовался.

Хрисанф слегка склонил голову и нервно коснулся руками своих колен. Арс даже немного струхнул.

А вдруг заплачет.

– Ну ничего, Птер. Они же большие. Справятся.

– Господи, Айтал поедет к Аранию. Неужели старик подозревал?! Неужели он уповал сменить наследника? Ах, как жестоко! Нет-нет. Хватит. Быть такого не может. Какое бремя! Бедный мой мальчик!

– Что плохого в том, чтобы продолжить дела своего рода?

– Представь себе на собственном примере.

Арсен заткнулся, поняв, что он и до пяток своего отца не дотягивает.

– Ссорич.

– Это проблемы нашей семьи. Ты тут ни при чём. Во всяком случае, отныне держи ухо востро с ними, и как-нибудь научись уже контролировать свои гребаные активаторские техники.

– А?

– Разве ты не понимаешь. Это ты активировал Золотареву. Это ты меня к себе притянул и привязал. Хотя считаешь наоборот. Ты влияешь на мою жену и Калиту. И ты, может, также неосознанно, подтолкнул моего сына к той черте, которая до этого была неприкосновенна. Ах, для конъюгата по

рождению хода назад нет. Тем более, с такой насыщенной родословной.

– Про меня всё – выдумки. Кажется, это называется найти козла отпущения. Да и про его родовитость – промашка выходит. Ведь мы ничего не знаем о тебе.

– Кроме того, что я всем коньюгатам коньюгат. Эти честолюбивые Аичи... Ладно. У меня своя семья. Аичи – значит, Аичи. Я не могу так. У меня же Далила и наши с ней дети. Калита. Ты.

– Ну.

– Прости-прости. Это всё наши предписанные узы. Однако, это их выбор. А ты держись подальше от моих старших, ты их заинтересовал.

– Но я ведь...

– Ревность у коньюгатов, как ваш инстинкт стада, вшито, прошнуровано, врождено. Они тебя запомнили.

Глава 27

Хрисанф, побаиваясь реакции Далилы, направился домой. До этого он, для спокойствия души, проводил Арсена до его квартиры, так что когда вернулся к себе, было уже довольно поздно: жена почивала. Света в домике для гостей не было, Калита ушёл, дети тоже давно спали. Одна Виктория задержалась, чтобы отстирать пятна с праздничного платья Милы, да и та уже клевала носом. Она сообщила, что Айтал уехал один, а его брат остался. Это известие вызвало некото-

рое недовольство Кирсанова, однако он наскоро принял душ и присоединился к своей супруге.

Далила изволила проснуться ближе к обеду, уставши после вчерашнего торжества, и долго потягивалась в постели в ожидании обнимашек от мужа. Тот, конечно, не заставил себя ждать (потому что потягушки длились на самом деле пару минут). Она поняла, что что-то случилось: Калита намекнул. Вообще-то, Никита сообщил ей прямым текстом, что младший из близнецов походу принял своё конъюгатство, но Кирсанова подумала, что это не совсем возможно и была больше обеспокоена самочувствием Иванова.

– Ты ночью сильно опоздал.

– Куда? (переиначил в себе её вопрос, переместив к произошедшему).

– Я ждала-ждала и сама разобралась с этим треклятым кимоно. Не Калиту же надо было упрашивать.

Агний усмехнулся (наконец).

– Ах! Я совсем забыл об этом твоём неудобстве! Простишки!

Далила встала, подошла к шкафу, достала оттуда много-страдальный наряд и стала натягивать его, пытаясь приподнять полы и изящно пустить складки.

– Не так.

Хрисанф спрыгнул с кровати (он уже с семи тихонько поджидал её пробуждения (до одиннадцати, получилось), и сном её любовался, и не желал нарушать её спокойствие: его

траблы её не касаются), и весьма технично упаковал жену в зелёный шёлк.

– Вот так должно быть.

– Ты слишком долго жил на востоке да.

– Да.

Целуются.

– А что ты сделала вчера с этим беднягой? Я же нормально собрал?

– Сходила в туалет. Там где-то потянула и распустилось.

– Вя-вяю. Всегда у тебя так. Я решил, что ты нарочно так в гейшу захотела сыграть и перед Арсом покрасоваться.

– До той самой минуты, пока я чуть не упала, когда погналась за Верон?

– Ага. Тогда только достукало, что здесь что-то не так.

– А сам взял да постригся. Я что ли такая дура, что не замечу под шляпой?

– Это для обороны.

– Акаары быылах.

– Уродски да?

– Нет. Модельно даже.

Она провела рукой по коротко стриженному пятнистому леопардовому полю. Его волосы всегда были мягкими и послушными под её пальцами.

– Ничего. Если хочешь, быстро отращу.

Целует.

Тут надо оговориться, что это чисто художественное вос-

приятие текста. В жизни так не бывает, ребята. Особенно, маленькие ребятки (сколько бы вам ни было), к вам обращаюсь. Можно посчитать, что у дражайшей четы какие-то неправильные отношения, попахивающие токсинами, абьюзом (это слово наверняка выйдет из моды уже через год, так что объяснения ниже) и прочее.

Так оно и есть. То есть так и этак. То есть вы, в вашей реальности никогда такое не примеряйте и не принимайте за одну из возможных форм, опираясь только на классификацию и теорию. Разумеется, всё само по себе у вас там сложится. Я хочу сказать, не сотворяйте из этого какой-то существующий пример. Такого просто не может быть. Характер Далилы довольно рафинирован и направлен временами на удовлетворение потребностей её супруга, местами даже на смягчение его текущего состояния и настроения. Такое вы могли наблюдать и в собственной семье, но надо пустить ремарку: Далила – отнюдь не ваша мамка. О нет. Рассмотрите сие из угла так, что это представление о том, как могло бы быть. А не как есть. То есть, опять же как творчество и фантазию. Это натуральная любовная фантазия. В жизни вы нигде не найдёте такого мужчину. Мужчины – говорят, тоже люди.

– Нет, ничего так. Всё равно, красиво.

Только ей, пусть силком себе, он верил. Не считал лебезничанием и откровенной ложью.

Но так и должно быть. Кому, если не ей.

– Хорошо.

– Как Арсен? Ему понравилось у нас?

– Вроде, да. Ты знаешь?

– Что?

– Об его встрече с моими старшими?

– Айтал вчера заходил попрощаться со мной. Так внезапно. Он сказал, что ему ну очень срочно нужно уехать. Что какие-то там дела с дедом.

Справедливости ради, парень был по-прежнему с ней мил и вежлив, но она заметила холодок между братьями. Было такое ощущение, что Айнар хочет перехватить брата на пару слов, но тот как будто игнорировал (чего с ним не бывало никогда по отношению к своей любимой половинке) и почти что отстранённо сбежал на родину. Может быть, из-за такого неестественного поведения младшего Айнар не последовал за ним, а остался в усадьбе отца. Калита отметил, что, вне зависимости от количества выпитого, он где-то потерял большое количество энергии, отчего с обречённостью и покорством поплелся к флигелю.

– Да. Теперь ему о многом надо посоветоваться с Арани-ем. Без отлагательств.

– Айтал подверг себя конъюгации? Неужели с Арсеном?

– Он хотел защитить Арса.

Хрисанф вкратце поведал ей о ночных событиях.

– Дорогой, мне очень жаль.

– Мне тоже. Но значит так теперь всё обстоит. Вот почему

он так быстро отбыл. Слава богу, с Арсушкой относительно всё в порядке.

Конечно, Агний не мог себе позволить рыдать, как маленькой девчонке, как признавался давеча подопечному. Она обозвала бы его тряпкой. И так обзывала. В принципе, он и был с ней в этом согласен (даже если это не соответствовало истине).

Пусть хоть как обзывает.

Просто он боялся всегда одного по этому поводу: не того, что он тряпка и зовут его никак, а того, что бросит, потому что он тряпка и никто.

– Что делать будешь?

– Ничего (горько усмехается). Что я могу сделать с этими дядями? Самостоятельные мужики.

В его голосе слышалась задушенная нотка грусти оттого, что его сын не может повторить его судьбу и жить капризно и свободно, как он. И что он, вольный и великий, не может устроить так, чтобы его отпрыск жил, как ему хочется. Что он не владел (в хорошем смысле этого слова) своими сыновьями ни в их детстве, ни в отрочестве. Что теперь для них не больше учителя и наставника, и просто биологический родитель. И что, если бы не существовало в мире женщины, что стоит перед ним, не столько расстроенная, сколь слегка удрученная мелкими неприятностями, сравнимыми с горошиной под дюжиной матрасов, он бы, возможно, и никогда бы не сблизился с детьми от первого брака, и ему не было

бы сейчас так плохо.

– Он плакал.

– Плакал???

– Да. Как всегда был сентиментален. Весь в сам знаешь в кого.

– От злости плакал???

– Нет. Мы недолго разговаривали. И он ничего такого мне не говорил. Просто, что дед его очень ждёт. Что не хочет расставаться со мной. Что очень любит меня. И всё такое итальянское. Ну, ты знаешь их тамошние манеры.

– Ох, это правда, Далила?!

– Ну да. Не веришь, посмотри в моей голове. И разве это не похоже на Айтала? Он всегда такой. Слишком мягкий, нежный и идеальный.

– Ох, неужели?!

– Не накручивай, любимый. Лично я вижу, что этот мальчик не умеет скрывать своих чувств. Его ось не изменилась. Он вырос в любви и заботе. И принял, впитал это на сто процентов. Как цветок, взлелеянный солнцем и водой. Как волосы, которые гладят гребешком. Бывают такие люди. Солнечные и добрые. Может, ты не веришь. Но в жизни всякие рождаются.

– Ох, Далила! Значит это так? Ты меня так утешила! Прости, что тебе приходится крутиться во всех этих проблемах, что тебя не касательны.

Обнимает, прячет своё лицо и глаза.

– Господи, Арс прав, у вас всё под копирку.

Глава 28

То, что Айнар остался у Кирсановых, а не убрался восво-
яси с проклятиями после своего громкого заявления биоло-
гическому предку, выбило всех немножко из колеи. Видимо,
он сам сам запутался, либо стыдился Айтала за то, что поз-
волил случиться тому, чего всеми силами старался избежать
младший.

Агний, Далила не могла не заметить и даже внутри слег-
ка испустить иронию, при виде сына весь вытягивался в пря-
мую непроницаемую струнку. Он, наверняка, не желал ниче-
го подобного, тем более зная, что она может это наблюдать, и
похоже сам не был в курсе того, как выглядит со стороны. Да-
лила, даже если б захотела, не смогла бы сделать такое: напу-
стить гордое аристократическое высокомерие, которое ино-
гда встречается чаще у некоторых женщин, нежели мужчин.
С возрастом такая способность обычно незаметно пропада-
ет, и вообще бывает присуща индивидам не столь самовлюб-
ленным и самодурственным, сколь таким, но в, скажем так,
другой проекции. Их нельзя в этом винить или осуждать.
Может, это тоже разновидность общения, или даже самовы-
ражения. Хотя работает это скорее против них, чем сближа-
ет с остальными. Но и на таких находятся "едоки" и люби-
тели. Далила не так чтобы по этой части, но когда впервые
увидела такое телодвижение со стороны мужа, это ей пока-

залось забавным, и даже милым.

Чопорно и в то же время так, как будто Айнара не существует на белом свете, Хрисанф прошёл мимо него, столкнувшись с ним в коридоре, ведущем на западную веранду. С Далилой и с домашними Кирсанов не особо церемонился и поскольку всегда пребывал в какой-то своей будничной суете, походка его была немного хаотичная, местами неожиданно энтропийная, мягкая, гибкая, прыгучая, как у зверя в природе. Конечно, в институте, например, он замедлялся и порой в одном из своих невообразимых парадных костюмов шествовал как по подиуму, но в повседневности был довольно энергично простоватым.

Первое впечатление о нём могло быть прохладно-уважительным. Как в случае с Аэлитой. Или даже прохладно-отталкивающим. Потому что можно было не признаваться в себе, не разобрав, что чувак тебе не неприятен, а попросту вызывает инстинктивное опасение. Но в этом был виноват сам Хрисанф, хотя и старался и так и эдак быть приветливым рубахой-парнем, и наоборот испускал свою отстраненность и непробиваемость.

Он частенько ныл об этом жене и, ужас, втихаря, тренировался перед зеркалом улыбаться так, чтобы к тебе полезли, а не отбежали куда подальше.

– Агний, сделай лицо попроще.

– Проще этот засранец не заслуживает.

– Этот засранец из твоих же кишок вылез.

Далила смеётся.

– Ненавидь его вместе со мной, женщина.

– Айка, ты же знаешь, что моя энергия сердитости скоро-стрельна и увядающая во времени, что рожок мороженого.

– Знаю, крошка. Поэтому и люблю.

– Но я его терпеть не могу. Так что учитывай это и не забывай, что я злая мачеха.

Хрисанф вздыхает.

– Ах, для Айтала ты – самая лучшая мачеха в мире.

– Потому что он ангеловатый. Для него все и всё в этом мире – самое лучшее.

– Ничего он не ангел. Сейчас с дедом скооперируются и займут двойное место в ордене. Старик знает все формы объединения.

– Но это же неплохо? Ты сам о таком мечтаешь.

– Неплохо. Но Айтал пойдёт плясать под дудку системы конъюгатов. Это тебе не бегать вместе с бизонами или купаться с дельфинами.

Далила погрузилась в думу, нюхая один из тех цветов, что шикарно зацвели в саду.

– О чём думаешь?

– Ни о чём.

– Но ты так выглядишь, как будто переворачиваешь Гималаи мыслей.

– Я всегда так выгляжу. Все мне это пеняют с детства, но, может, я состарилась, может, это обманка, – ничего такого

суперважного и сильного в моей голове на момент не наблюдается. Ты же сам жалуешься, что тебя не так понимают.

– Созерцание.

– Наверное. Почему бы летом людям просто не посозерцать.

– Иди сюда, солнышко.

Сам же умиляется, сам же подсаживается рядышком на скамью и целует.

– Так тепло.

– Пожарим наши косточки. Отвлекись от сыновей и подумай обо мне.

– Как хочешь. Не было и секунды, чтобы я о тебе не думал. Я сержусь, когда меня отвлекают от думания о тебе, от любви к тебе.

– Скажешь тоже.

Она так ворчит только потому что ворчание свойственно ей. На самом деле хочет поощрять эти его словесные потуги, так как он считает, что может хоть как-то объяснить ей свои чувства только физически. Как животное. В смысле, человек и есть животное. И ничто природное ему не чуждо. Но у него комплекс, что речью он никак не дотягивает до того, чтобы донести то, что у него на сердце. Оттого все эти brutальные шуточки, косноязычие и наоборот понос златоуста.

– Так значит у Арсена какие-то собственные особенности?

– Не думай о нём. Посмотри на меня. Кроме всех этих

детей у тебя ведь есть я.

– Ладно.

– Кстати, я должен был тебе кое-что сказать. Совсем забыл со всей этой кутерьмой.

– Не говори. Потом. Когда-нибудь потом. Дай мне полюбоваться на тебя.

– Ну Далила. Не говори так.

Сидят. Свет пятнышками пробивается через маленькие листочки прекрасно зацветшей ивы, из-за чего кожа Хрисанфа приобретает удивительный золотисто-красный оттенок. Он перебирает в пальцах тонкие кончики её волос и опускает глаза от смущения.

– Хочешь, принесу сок?

– Нет же. Так красиво. Посидим ещё здесь.

Ему неловко от её созерцательного акта, поэтому запускает руки и закрывает двери беседки, чтоб никто случайно не зашёл.

– Не говори так. Но вот так гораздо красивее. Когда мы вместе.

Расслабляется, отпускает свои давишные проблемы.

У Хрисанфа довольно обманчивый рост (албын уцуох). Он хорошо сложен, и сложен так пропорционально и непропорционально, что у Далилы случилась проруха. Она изменила своему вкусу не влюбляться в высоких мужчин. Потому что внешне её муж абсолютно не выглядит долговязым или длинноногим (хотя у него длинные ноги и длинные ру-

ки). Нигде у него не торчит и не выпирает. Всё очень комплексно, слаженно, гармонично. Ну да, бывает так, что вдруг слишком тяжёлый, или наоборот быстро теряет вес (например, после стресса) и другие интересности. Но в целом, допустим, в обществе, какой бы Далила себя не считала и пыталась скрывать их отношения, люди внутренне и наружно вполне нормально принимали их за обыкновенную пару. Как и должно. И не видели в этом ничего сверхъестественного. Как и любая другая парочка, они смотрелись стабильно, привязанно и дополняюще друг друга.

Она обнаруживала его рост, когда он стоял рядом с ней и тянулся за поцелуем, а ей приходилось поднимать голову и смотреть на него снизу вверх. Вот почему то, что он называл её малышкой, деткой и так далее, не было для него таким уж и бессмысленным (также учитывая разницу в возрасте), так как он тоже уступил своим каким-то взглядам и влюбился, по сравнению с ним, в натурального колобка.

Глава 29

С началом летнего сезона у Кирсанова, разумеется, нашлось сто тысяч неотложных дел. Они с Калитой опять (каждый год) перевернули свой план по сельскому хозяйству, купили ещё видимо-невидимо разных пород домашней живности и потом сами же сетовали, что не хватает рабочих рук, из-за чего устроили кастинг на целые сутки, заполненные микропрепаратной щепетильностью не столь в целях без-

опасности семьи, сколь из-за их невыносимого педантизма. Даже привлекли Далилу и заставили вести протокол учёта и событий, но по прошествии третьего часа на жаре (хоть и под навесом) среди мычания, ржания, блеяния, кудахтанья, чириканья и громких споров о заработной плате (которые и яйца выеденного не стоили на самом деле: платили прилично, а сыр-бор устраивали лишь потому, как высказывались, что того требовал регламент), она кинула их, сославшись на то, что они держат её здесь лишь для галочки и что справятся без её присутствия в тысячу раз лучше. И это попахивало правдой, так как Хрисанф в своём старом линиялом хабэ комбинезоне, стянул и выкинул прочь свою белую мокрую от пота футболку, и то и дело наведывался в шатёр к жене, заставляя ту отвлекаться на сверкающие загоревшие плечи, оформившиеся тугие мышцы, туда-сюда мелькавший крепкий торс с пресильно привлекательным пупком и так далее. Агний пришёл в норму после так расстроившего его вечера, округлился (по собственному выражению) и от его громкости сейчас создавалось ощущение, что здесь происходит грандиозная ярмарка всех времен и народов.

– Дорогой, всё, я пошла.

– Но если ты уйдёшь, мне будет не так интересно!

– Ой ли. Вы с Никитой умеете наслаждаться от всякого трудового процесса, так что счастливо оставаться.

– Вот барыня. Вообще-то, ты должна была тут урезать нам всем бюджет и показать кузькину мать, а то мы тут совсем

от рук отобьемся. Я лично желаю вот ту бригаду девчонок отправить на те сенокосные уголья, купленные в прошлом году, плюс обязать доить коров в аласе по соседству, где уже всё обустроил.

– Ля-ля. Скажи прямым текстом, что хочешь потискать их хорошенько вон под теми берёзами.

– То и намекаю! И после этого оставишь меня одного?

– Одного, ага. Одна я уйду, а вы остаётесь. Покеда!

Хрисанф поймал её, притянув к себе, и её большая соломенная шляпа упала на траву.

– Почему такая бесхозная вообще. Бессердечная такая.

– Я могу остаться только плененная твоими великолепными руками и этим манящим телом.

– Прочь, материалистка! Пока не затащил в те кусты.

Он чмокнул супругу, сконфуженный, и что ещё хуже (для него), довольный её словами, но, всё же, решивший не сдаваться.

– Всё-таки, заканчивайте побыстрее. Ты же сказал, что приготовишь холодную лапшу.

– Держи карман шире! Воон там мяса наварим, Калита наловил карасей и надо проверить, поспел ли кымыс.

– Пропагандист какой-то.

Далила шлепнула мужа по попе и изволила удалиться, еле увернувшись от его внезапных обнимашек.

Ввалившись в прохладу дома, она упала животом на мягкий диван, и только тогда краешком бокового зрения ощу-

тила, что в гостиной есть кто-то ещё.

Айнар сидел на софе чуть поодаль, почти спиной к входу и читал книжку из её библиотеки.

Гребаный выродок, рылся в моём кабинете!

Она намерилась как следует повыдергать ему височные волосы (чанчык), но невольно остановилась, обнаружив удивившие её в нём моменты. Солнечный свет падал с больших окон на парня сбоку, но с этой стороны хорошо была видна часть его лица, довольно щедро усыпанная веснушками. Далила точно знала, что у Айтала такого не было.

Ха! Он что, замазывал их!

Аичи повернулся к хозяйке, поспешившей прийти в сидячее положение и поправлявшей светлую рубашку с свежими пятнами от кетчупа (ела шашлык, будучи делопроизводителем).

– Как поживаете, сеньора.

Он был в лёгких светлых летних штанах и темно-зеленой майке, которая открывала миру внушительные бицухи. Похоже, на руках было когда-то много татуировок, часть была выведена, остались следы на светлой коже. Волосы убраны в хвост, обнажая неожиданную простоту линий и черт.

Кто бы мог подумать, что они всё-таки похожи на отца. На первый взгляд, все знающие считают, что близнецы – копия матери, ну или хотя бы в Арания.

Наверное, из-за того, что он был блондином, его веснушки были цвета родинок: тёмные, коричневые. Однако, со-

всем не портили вид парня, и даже шли ему, что ли. По крайней мере, так показалось Далиле.

– Что это вы меня рассматриваете, как экспонат динозавра в музее?

– Э...

– Да, я их замазываю. Я же всегда с братом. Если бы вы только знали, что это такое, когда вас постоянно сравнивают.

– Ты взял мою книжку.

– Разве вас зовут И.А. Гончаров?

Показывает ей обложку.

– В смысле, она принадлежит мне. Из моей библиотечки. Кто разрешил тебе копаться в моих комнатах?

– Та страшила что-то кричала, да. Но я не знал, что это ваша комната. Просто, увидел книги через открытую дверь.

Она смягчилась. И в последствии даже удумала, что когда-то он приспособил её полотенце только по крайней необходимости: он же не знал о её пунктиках. И после уразумела, что старший довольно аккуратен, и может быть, любезно б постирал её вещь тогда, или отдал бы взамен новое.

– Виктория?

– Не знаю. Но есть же в этом доме такой ходячий скелет. Вечно с метлой и с детьми. Натуральная ведьма.

Далила рассмеялась. Больше по той причине, что братья, видимо, инстинктивно чуяли родную кровь. Айтал ещё с девушками кое-как уживался, благодаря своему мягкому характеру. Но с самого начала эта молодёжь приняла друг дру-

га в штывки. Горничные в первые же дни категорически отказались обслуживать их в гостевом домике. Вот почему они часто ели в городе, либо готовил младший для обоих на кухне Кирсановых, либо заказывали доставку. Причём Айнар объявил, что эти уродины совершенно не умеют стряпать, и что зачем вообще держать такую прислугу. Это взбесило Веронику, которая никак себя таковой не считала, и в свою очередь выдвинула ультиматум, чтобы "эти придурки" сами собирали и относили в стирку "свои вонючие носки и трусы". Больше всех досталось Ванессе, потому что её невысокий рост и корявость движений вызывали в старшем насмешливое раздражение, и он обзывал бедняжку то лепреконкой, то домовою, то уродским чертёнком. Далила знала, что Вани не из тех, кто даёт себя в обиду и что любого мужика может осадить в два счёта. Но тут вышла промашка: однажды они до того проорались, и Айнар так сильно задразнил девчонку, что та ещё днём убежала вон из дома, вызвав подозрение у Кирсановой, что её просто довели до слёз.

– Вики что ли?

– Она – служанка или как? Высокомерия и снобизма хватит на всю планету. Я когда-нибудь отщемлю ей задиристый нос. Жирной хамке.

– Жирной???

– Это вы заставили Хрисанфа принять их на работу? Они же – неумехи и грубиянки, сеньора.

– Ой.

Далила даже осеклась.

Понятно.

Сама видела, как он лапает женщин за интересные места, хоть где, хоть на улице, хоть на приёме у важного лица. Хотя многие, как бы, и не возражали: не каждый день к тебе пристаёт такой загадочный иностранный красавчик.

К тому же, Айнар неровно дышал именно по отношению к тем, кто особо не противился, и как и их отец, очень не брезговал девицами лёгкого поведения или соответствующей профессии.

– Что "ой"?

– Э, ну вообще-то это твой папа привёл их сюда.

– Чего???

– То есть, Хрисанф.

– Зачем?!

– Ну... Может, потому что они – красивые. По крайней мере, я так думала раньше.

– Красивые??? У вас кажись глаза набекрень вывернулись.

– А как ты полагаешь, по какой причине тогда муж их выбрал?

Выжидает версию.

– Да этот старик из ума выжил. В чём я всегда мало сомневался.

Далила прыснула.

– Ну да. Есть немного. Но если честно, девочки довольно

милые. Ты не считаешь их милыми?

– Милые??? У Айтала такое спрашивайте. Он рассказывал, что вы любите водить психологию. Но эти чушки ничуть не милые. Это просто маленькие гадкие атомные бомбы! Та свинья (о Веронике) утром добавила в мой чай соду! Нарочно! И лыбилась, что это сахар!

– Ха-ха! Похоже на неё! Просто Верон немного простовата, но она же чудо! Где ещё найдёшь такую славную хохотушку.

– Уу, я её!

Айнар погрозил кулачищем по воздуху, но Далиле стало ясно, как на ладони, что как бы ни скрывал Агний правду о происхождении некоторых своих детей, это его потомство, даже будучи взрощенное в совершенно разных местах и совершенно у разных людей, чувствует сестру/брата наверное по атомам и молекулам, витающим вокруг.

– Не обижай их. Это тебе не слуги. Если хочешь, они мне, как подружки, или даже старшие дочери, так что попрошу уважения. Кстати, как книга?

Аичи мгновенно отвлѣкся от недавнего негодования и с удовольствием погладил серебристый корешок увесистого тома.

– То, что надо. Неужели вы, и такое читаете?

– А ты думал, я старая толстая дура?

– По правде, вы не вызываете определённого впечатления. Классная вещь же?!

– Эх, я читаю её наверное лет тридцать уже. Никак не могу докончить.

– Так я и думал. Что это не ваше.

– Хрисанф сто раз перечитывал. У него даже есть копия фрегата "Паллада".

– Серьёзно?

– Да, сдаёт в аренду в Атлантике.

– Круто.

– У вас вообще крутой отец, если ты не знал.

– Я не об этом маразматике, а о судне.

Далила разглядывала парусник, набитый на его левом плече.

Хм, так плебейски романтично.

– Ты любишь море?

– Моё имя. Я изучал разные толкования.

– И?

– Больше по душе, что сокращённое от Айаннаар – путешествуй. Айтал – сын Айталайа. Я не такой. Я знаю, вы ненавидите меня и я тоже не то, чтобы в восторге от вас.

– Честно.

– Честно то, что, когда я решил отказаться от престола деда, то потерял всё: и брата, и деньги, и карьеру. Но почему-то сейчас мне всё по фигу, но и лучше, чем когда бы то не было. Да я – плохой человек. Айтилик всегда был сильнее меня. Просто он младше. Вы знаете, что такое младший ребёнок?

– Немного.

– У вас вон сколько пупсов. У нас с этим напряжёнка. Араний трясётся над нами, как повернутый.

– Хрисанф говорил, что дед очень вас любит.

– Это бремя. Вы знаете, что такое бремя любви?

– Чутьочку. Просто ты слишком молодой. Мне кажется, ты правильно сделал. Но только не с Арсеном. Подумай, отдохни.

– Мне пока особо некуда идти. Дедушка сильно разочарован во мне. Этот гребаный старпер думает, что мой старик специально подстроил всё таким образом: послал нас сюда, чтобы пробудить Айтала. Но это идиотское заблуждение. Араний относится к брату также, как и я. Это я посадил его в дикую калошу.

– Почему ты так ненавидишь своего отца?

Айнар цокнул языком и отвернулся от Кирсановой. Агний не рассказал ей о том, что прочитал в дневнике сына.

– Не знаю, зачем я вам всё это... Что ж, слушайте. У меня есть дневник Аракелы.

– Вашей мамы?

Далила волнуется. Она всякий раз пытается подавить нелюбовь к этой уже несуществующей женщине. Но из-за неё (пусть она и мертва) всякий раз пробегают маленькие неприятные чёрные кошки между ними: то в виде детей от первого брака, то какие-то недомолвки со стороны мужа, её почётные фотографии, бережно хранящиеся в их доме.

– Да. Записи Аракелы Аичи. Из-за них я такой, каким вы

меня видите и не хотите видеть.

– В смысле? (смутилась от прямолинейности пасынка).

– Там всё. Она, её мысли, её огорчения, из-за этого старорогублюдка в том числе. Наставления нам. Наставление мне, старшему.

– Я не понимаю.

Кирсанова как-то смялась и сгорбилась, как будто её атаковала сама бывшая жена его нынешнего супруга. Айнар перестал сверлить её обвинительным взглядом.

– Вы не так поняли. Этот дневник Айтал не читал. Вы же знаете моего брата. Какой он. Его мама – ангел, и вы для него тоже – ангел. Как можно испортиться от обычного чтения? Это обо мне. Хотя я и был маленький, я сразу понял, что не дам это братику. Нет.

Тогда Далила подняла глаза и узрела совершенно иного человека.

– Если бы ты только мог допереть, как похож на твоего нелюбимого предка.

– Да всё уже там. Поезд ушёл. Мы просто случайное свидетельство их кратковременной связи.

– Ты можешь не верить мне, потому что для тебя я никто, но Хрисанф любит вас.

– Не нас. А Айтала. Его все любят.

– Нет же.

– Он чуть не убил меня. Из-за вас.

– Он никогда бы не сделал такого. Просто он такой же

эмоциональный, как и ты. И всегда строит из себя дурака и плохиша. Пожалуйста, не мешай ему любить и наших сыновей. Из-за вас он считает себя неудачным родителем.

– Вы угрожаете мне?

– Нет. Просто, ты ведь в собственном одиночестве понял, как это трудно защищать любимого человека. Поэтому, прошу тебя, не заставляй его сердце обливаться кровью. Он этого не заслуживает. Он вас всегда любил и никогда не забывал. Потом, потом ты узнаешь, как он любит своих детей.

– Вы – странная женщина, сеньора.

– Отнюдь. Просто давайте постараемся стать хоть мало-мальски семьёй. Никто среди нас не идеален, но так сложилась карта судеб, что столкнула нас всех вместе.

– Айтал говорил, что вы имеете влияние на Хрисанфа.

– Не было такого никогда и не будет. Он хочет жить так, как хочет. Этого же желаешь и ты. Поэтому хватит трепать языком, помоги мне покормить наших младших.

Глава 30

Камила позвала Кирсанову, чтобы сообщить, что ей пришло письмо во время их отсутствия. Далила вскользь посмотрела на бежевый небольшой бумажный пакет, решив, что это предложение от издательств и попросила мать Ванессы выкинуть почту в мусор. Ей так нередко приходили рекламные проспекты и просьбы выйти на связь: в основном от тех организаций, которые что либо слышали о финансо-

вых вложениях в её работы. Там не пахло и квантом заинтересованности книгами, только желанием денег. Поэтому она быстро избавлялась от подобной корреспонденции, так как Хрисанф давно ждал, что труды его дражайшей супруги заметят, что мог не понять, что дело в нём, а не в ней.

Айнар нехотя следовал за женой своего отца в детскую, так что задерживаться возле мелочей означало потерять внимание сложного пасынка. В потной засаленной одежде Далила протянула руки к Виктории, чтобы обнять крошку Трейс.

– Как мои ёршики?

– Поели и теперь хотят поиграть. Наверное, трудно будет уложить.

– Ничего, пускай повеселятся. Стефан помогает Калите, они, скорее всего, задержатся сегодня. Устала?

– Как можно устать от этих чудесных ребяток! К тому же Вероника час назад забегала с работы (она, всё же, устроилась секретарём в институте, поэтому носилась на два фронта).

– А где Ванесса?

– Она возилась со старшими до вашего прихода, сейчас ушла убирать восточное крыло.

– Ох, думаю, стоит нанять ещё горничную. Вы тогда бы исключительно детьми занимались.

– Далила, не стоит беспокоиться. Александр же дал нам соответствующую технику. Вани сказала, что он заказал искусственный интеллект по уходу за домом.

– Хм. Хрисанф довольно старомодный, не слишком рассчитывай на это. Он лучше сам будет ползать по полу с тряпкой, чем доверит это роботу.

– Что ж, посмотрим. Вы отдохайте, ещё не пообедали что ли?

– Шашлыками обожралась на поле. Айнар, поддержи-ка братца.

Далила чуть ли не впихнула Аичи маленького Рафика. Правда, она побаивалась, что он отбросит ребёнка куда подальше. И опять-таки ей пришлось признать, что она действительно совсем ничего не знает о близнецах. Перед ней сидел молодой человек, у которого, по всей видимости, был неплохой опыт ухаживания за малышами. Айнар уверенно вертел её сыночка, разглядывая со всех сторон на свету. И тут Далила увидела сходство, которого не должно было быть, но которое явно было. Хрисанф считал, что Савва с Рафаилом не похожи на него, хотя они выглядели почти как Айсен в младенчестве. Дети Кирсановых по малолетству почему-то все были светленькие, хотя Далила была темноволосой, да и Агний причислял себя к брюнетам, несмотря на свои регулярные видоизменения. Впрочем, это у многих так бывает, думали они. И вот теперь этот цвет кожи и прозрачность глаз мальчика как будто отражали внешность его возрастного единокровного брата, хотя последний и был в мать.

– Хороший малец! Как его зовут?

– Рафаил. Можно Рафаэль.

– Хорошее имя. Кто дал?

– Хрисанф. Но и мне нравилось давно уже.

Айнар осторожно опустил ребёнка в кроватку и поднял высоко, но надёжно Саввачока.

– А это что за перец?! Всё близнецы?

– Пятерня. Разноййцевые. Это старичок Савва.

– Ага, вижу!

Далее он поочерёдно потешил девочек и обращался с ними, не как со старшими дочерьми Агния. Стоявшую неподалеку Викторию, парень игнорировал.

– Да, повезло вам, сеньора. Такое богатство.

– Всё благодаря Хрисанфу. У нас очень долго не было детишек. Я уже не верила. Но у мужа очень сильные гены, так что, в конце концов, получилось.

– Дело не в его генах. Просто вы – разные поэтому. У него было бы много потомков, но он связался с вами.

– Пожалуй. Но сейчас мы наवरстали.

Айнар очень знакомо сжал губы и смолчал.

Всё-таки, он ревнует. Взрослый, но ревнует.

Аичи хотел было удалиться из комнаты, но тут тихонько отворилась дверь и к маме подошёл старший сын Кирсановых – Айсен.

– Утику, Айсенчик, ты откуда? Поздоровайся с... Дядей.

Мальчик обратил свои уже метаморфизировавшие глазенки к гостю.

– Мама, это не дядя. Это Айнар.

Пасынок присел на корточки и всмотрелся в сосредоточенное личико мальчонки.

– Сеньора, вы в курсе, что выращиваете инквизитора?

Далила обняла первенца и спрятала его выразительно объёмную голову на своей груди. Затылочная часть её черепа и верхушка вытягивались в грушу и были гораздо меньше по сравнению с её лицевой частью. Агний и в этой области тела соблюдал точные пропорции. Но черепушка Айсена вызывала ощущение, что он родился при помощи кесарева сечения, или конкретнее, мозга там было больше, чем у его родителей.

– Да, муж тоже предполагает. Но у людей судьба изменчива. Может, у него просто такие собственные особенные глаза.

– Ошибки быть не может. Такие появляются один на миллион.

Теперь настала очередь промолчать Кирсановой. Это проявление у их отпрыска и, так сказать, наследного принца, не так чтобы обрадовало Агния, но она, в принципе, была не против, поскольку была осведомлена, что если отенкаи имеют природную неприкосновенность, то инквизиторам пожизненно обеспечена официальная неприкосновенность и защита, как только они примут своё предназначение. Не жизнь ли важна для любой матери?

Хрисанф подвергался инквизиции, и, возможно, встречался с ней и в том сегменте своего существования, которо-

го не помнил. Что хуже, Далила тоже прошла инквизицию, и так как она была всего лишь человеком, то пережила это гораздо труднее, чем её супруг, который, в общем-то не боялся ничего, кроме как бытия без неё. Но это же её ребёночек. Кто-то должен делать эту работу.

Виктория огласила, что пора вывести на прогулку старших, так что Кирсанова очнулась от своих мыслей и сказала слегка замявшемуся парню.

– Вот поэтому пора бы вам немного ослабить ваше противостояние. Я понимаю, что есть конкуренция между отцом и сыном, но время тикает, пока вы тут портите мне нервы. С этого самого момента я хочу, чтобы ты присматривал за нашими сыновьями. У нас здесь превалирует женское общество, так что, когда они подрастут, можешь их даже брать с собой в родное гнездо. Мне все уши прожужжали об узах конъюгатов. Пора это уже доказать. И ради бога, поспособствуй тому, чтобы твой маленький братик, даже если он станет тем, кем вы его прочите, вырос таким же добрым, как Айтал. Отныне ты обязан о них заботиться, потому что это и твоя семья тоже.

– Инквизитор не в праве занимать чью-либо сторону.

– Никто это не обязан, да будет тебе известно. Но каждый может выбирать, как ему жить.

– Вы думаете? После всего, что видели.

– Слушай сам, если не веришь мне.

Айсен повернулся к Айнару и мерцающие островки света,

лучащиеся из его тёмных глаз, кажется пронзили насквозь изумленного родственника.

– Свободу может понять только любящее сердце.

Далила впервые слышала из его детских уст такое сложное предложение.

Глава 31

В порыве "страсти" Далила хотела ещё чего-нибудь навешать на оторопевшего Айнара и подбавить огня в итак переполненный котёл ответственности парня, как увидела в окне мужа, который стоял поодаль и совершал манящие знаки пальцами.

Рано же. Что он здесь делает?

Она неспешно вышла во двор, и Хрисанф повёл её в глубину яблочного сада.

– Сейчас только пять.

– Теперь ты меня гонишь уже.

– Сам потом будешь страдать, что растянули пустяк на два дня.

– Ты слишком хорошо меня знаешь. Я на минутку заскочил. Возьму чуть алкоголя для ребят.

Далила резко остановилась и сурово подбоченилась.

– Нет. В такую жару?! Дурак что ли!

– Муся, всего ящик возьму. Парни просили.

– Ни за что. Я сейчас же попрошу кого-нибудь, чтобы вообще всё до единой капли вывезли отсюда нахрен!

– Могу помочь.

Агний хотел ухватить супругу за бока, чтоб успокоить её объятиями (что вполне прокатывало), но она выскользнула из его рук, как рыба, и отскочила в сторону.

– Ты не о себе думай. Может, тебе ничего и не будет. Но спаивать людей я не позволю.

Хрисанф вздохнул и повертел головой туда-сюда, как бы, выражая: ты невозможна.

– Дэли, остынь. Опять ты из мухи Евразию строишь. Почти всё уже закончили, поднимем тост и по дамам!

– Пошёл вон тогда!

Кирсанова разозлилась и повернулась к нему на 180 градусов, как бы, иллюстрируя, что с одурелыми и разговаривать бесполезно. Она решила, что сейчас же пойдёт с девочками в погреб и разобьёт там все тары на мелкие осколки.

Это вернее всего. Нет смысла пытаться договориться с ним.

– Далила, давай договоримся!

Это не могло не заставить её развернуться.

– Что, что, ну что?! Вот такусечную капельку?!

Показывает на мизинце, передразнивая его слова.

– Нет. Клянусь, я вернусь обратно к пацанам, как идиот, без ничего, если ты пообещаешь мне впредь не общаться с Айнаром так, как это было сегодня.

– Чегоо???

Глаза Кирсановой сузились, на лице появилось пренебре-

жительное недоумение.

– Что слышала.

Хрисанф на всякий случай отступил на пару шагов назад, справедливо предостерегаясь, что она может дать ему пинка между ног, постараться ухватиться за его ноне короткие волосы, или скрутить ухо.

Далила встала перед ним так, что, несмотря на её мелковатый рост, выглядела вполне дико и устрашающе: стойка шире плеч, побагровела.

– Хватит уже пользоваться своей псевдо-ревностью.

Она не говорила, она шипела и выдувала.

– Я тоже могу рассердиться, солнышко.

– Это не ревность, Агний!

Он щёлкнул языком и она заметила тут же откуда ни возьми просочившуюся складку, перерезавшую часть его лба и взметнувшую до этого спокойные брови.

– Как ты не понимаешь. Почему я сто раз должен втолковывать тебе одно и то же! Это тебе не Коська, прости Господи. Почему я должен это терпеть??? Ты что, нарочно мне это делаешь?!

– Блять, это же твой сын! Причём тут твои заскоки!

– Он, блять, на 50 процентов состоит из меня! Не заставляй меня орать здесь средь бела дня во всеуслышание!

– Виктория, Вероника, Ванесса тоже на 50 процентов состоят из тебя, в целом 150 частей тебя вертятся вокруг меня ежедневно. И что?!

– Не увливай! Ты всё прекрасно знаешь! Это тебе не Айтал. Даже на примере Айтала ведь понятно, что они любят то же, что и я?!

– Коньюгаты то, коньюгаты сё! Мне надоело подстраиваться под ваши "неписанные" законы. Расскажи ты это хоть одному человеку, он будет смеяться не переставая.

– Айнар, может, слабее брата и вообще бездарная сволочь, но он – Аичи! И хитрец. Он прекрасно разбирается в людях, развил в себе этот талантик в качестве компенсации. Нельзя было не развить, когда с детства готовился занять определённую позицию.

– Он не такой, как ты думаешь.

Также внезапно она остыла, как до того взвинтилась, и покрылась мощной испариной. В такие моменты всегда ловила мысль: и с чего это я так завелась? Такая сумасшедшая, или так доводят эти гребаные людишки? Но зато Хрисанф уже был изведен и заведён.

– Ах, ты там ещё успела разобраться! До такой интимности вы дошли!

– Ладно, хватит уже. Действительно смешно.

– Далила, я прошу тебя быть аккуратнее.

– Так мы никогда не станем одной семьёй, как ты того на самом деле хочешь.

Желавший обрушить на неё шквал обвинений и предостережений, он осекся.

– О чём ты?

– Об этом. Ты думаешь мне приятно вся эта ваша краугольная обстановочка, в которую вы меня впихиваете?

– Дорогая...

– Агний, ты такой умный, но и сам же обостряешь ситуацию.

Из Хрисанфа в природу выпустился пшик холостого негодования.

Она, конечно, абсолютно права. Как же странно и гадко обустроена человеческая натура: понимаешь идеально, делаешь с точностью наоборот.

Он примирительно, даже сдавшись, подошёл к своей жене.

– "На практике картошка опять" да.

Обнимает, прижимает свои веки к её лицу и макушке.

– Айнар называет меня сеньорой. Ты же знаешь, о чём я. Он – единственный признаёт, что я замужняя женщина. Неужели это не оправдывает его в твоих глазах. Я – старая пердунья для него, это же естественно.

– Малышка, прости старого дурака.

– Ты стал таким же истеричкой, как и я.

– Наши циклы совсем синхронизировались.

Смеётся.

Домочадцы где-то краем уха слышали, как хозяйева бранятся, даже кое-какой ор достиг и до Айнара, но он был давно чётко осведомлён о непримиримом неприкосновенном отношении отца к его мачехе, так что вооружился наушни-

ками и погрузился в очередную книжку.

Гребаный старый маразматик. Такой шумный!

Остальные и вовсе пребывали в тени привычного равнодушия: поскандалят, потом опять будут рай в шалаше.

Тем временем, горячей парочке было не так уж и легко, как о них считали.

– Можешь взять своё винишко. Но только по чарке! Как можно пить в такую жарынь!

– А те, что остались, они и так пьяные были. Ты что, не видела тех, кого мы наняли на свиноферму?

– Фу!

– Вот им и на посошок.

– И сам с ними вот такуую бусинку!

Она поддразнила супруга, не без злости, подозревая, что теперь он точно не упустит шанса чутка нажраться. И что виновны частично в этом её "резкие телодвижения".

– Ни капли.

– Точно-точно?

– Точно-точно. Помнишь, когда я впервые осмелился подойти к тебе в том заведении?

– Хах, ты вырядился тогда, как какой-нибудь сутенер.

– По моде оделся, нормально так. До сих пор временами ношу ту кожанку.

– Я сказала, что мне никогда не будут нравиться парни, которые пьют.

– И я сказал, что если моя девушка не пьёт алкоголь, то

и я не пью.

– Ты весь вечер строил из себя крутого парня!

– Ну а чё делать: павлинил как мог, добрачные танцы же. До тебя мог месяцами не просыхать. Я тогда правду говорил. Как отрубил. Сразу понял, что если хочу быть с тобой, придётся изменить свои некоторые привычки.

– Бедняжка.

Сидят уже на лавочке под сенью живых деревьев и кустарников, выросших наподобие юрты.

– Просто будь осторожна с Айнаром. Да, ты возможно увидела то, что не вижу я, но также ты упускаешь то, что известно мне. Мужчины будут философствовать с тобой, казаться хорошим другом, а потом потребуют того, что ты совершенно не ожидала. Это в нашей крови, не пытайся это понять. Так уж всё устроено. Я доверяю тебе, но ты не можешь справиться с чем-то аналогичным, если такое случится.

– Агний, я уже не так молода, чтобы допускать такие глупости.

– Ты слишком молода, поэтому ещё не постигла, что люди глупы в любом возрасте.

– Просто я не такой параноик, как ты.

– И это здорово. Ты настолько наивна и доверчива, что можно спутать с непроходимой тупостью. Когда я зол, то так и думаю.

– Может, так оно и есть.

– Хотя благодаря этой твоей черте, может, мы и познако-

мились. Будь ты такой же нелюдимой, как я, ничего бы и не было.

Далила прикоснулась к его лбу, разглаживая то место, которое итак теперь было гладким и чистым.

– Не хмурься так больше.

– А. Они вылезают сами, хоть тонну ботокса туда вколи.

Вырвал бы и кинул прочь.

– Живут сами по себе (смеётся).

– Терпеть не могу это тело.

– А я люблю. Даже эту складку. Но мне больно, когда я её вижу.

– Прости, средоточие моей вселенной. Что мне сделать, чтобы заслужить твоё прощение?

Птички поют где-то сокрытые в ветвях.

– Некоторые итак говорят, что выю из тебя верёвки. Что держу тебя под испанским каблуком (становится угрюмой. Угрюмо – это про неё).

– Что ты, солнышко. Я вот, как будто совсем из себя выхожу и сил нет терпеть, и как будто ты мне что-либо назло делаешь. А потом оказывается, что мне то на пользу. Я сам избрал такую жизнь, где бы мог измениться, благодаря тебе.

– Все говорят, что ты низко стелешься подо мной.

– Можно было бы ещё ниже (смеётся).

– Я не удовлетворяю тебя, как жена и мать твоих детей.

– Кто тебе такое наговорил!

– Это видно во взглядах.

– Значит ты такой же параноик, как и я.

Вкалывает ей в волосы небольшой розовый цветок-дикорос. Чуть отдаляет корпус и сканирует, как картину в галерее.

– Перестань придуриваться!

Шлепает его по колену.

– Ну! Если предъявлять требования... Мне многое в тебе не нравится!

– Агний!

– Разумеется, я б хотел, чтобы жена готовила мне вкусную еду три раза в день, хотя бы.

– Начал с самого больного!

– Но потом смирился. И года не прошло, как впервые увидел тебя, ещё ребёнком. Так что хватит уже коптить эту заморочку. Я решил: сам буду готовить ей и носить на руках: это меньшее, что я могу сделать за то, что она согласилась быть со мной!

– Не так-то уж часто со вторым пунктом.

Хрисанф не дал ей пробурчать и легко отнёс к ручью, что тёк в восточной части усадьбы.

– Будешь так ворчать – будешь меньше получать. Хотя вру. Не могу.

Он усадил её на берегу и стал осыпать поцелуями.

– Кто-то хотел к мужикам.

– Ещё заполните графу: недотрога и капризуля.

– Агний!

– Конечно, я бы желал многого.

– Агний, противный! Уходи, айка!

– И всегда так: извращенец, айка, уйку, не надо меня трогать! Я твой муж, или прохожий дядя с улицы?

– Я же говорила, что ты меня не любишь.

– Ага, и потом все шишки на меня. Потом получается, что это я плохой супруг.

– Я разве так...

– В общем, много чего бы я записал в этом перечне, начиная с твоей катастрофичной лени, заканчивая твоими родинками, которые так меня отвлекают.

Далила стала прихныкивать не столь от огорчения по поводу своей неидеальности, сколь из-за своей избалованности.

– Признаюсь, в чём-то сам постарался.

Ласкает.

– В чём-то, и вдвоём перестарались. Так что не разлежись тут, матушка, детки будут скучать.

Тут он получил хорошенький такой ущип в бедро, но зряшно, потому что это его ещё больше завело.

Далее пропали на какое-то время.

Далила прижалась к нему так, как будто хотела лопнуть и влиться в него и стать его частью.

– Ты слышал о дневнике Аракелы?

– Да, она много рисовала и много писала.

– Она была писательницей?

– Нет, насколько мне известно.

– У Айнара хранятся её эти письма.

Хрисанф отлично знал, как жена пользуется его природными слабостями. Сейчас он физически не мог ничего возразить ей.

– Он получил их по наследству, Араний дал наверное.

– Прикинь, Айтал не читал.

– Хм.

– И не прочтёт. Айнар сказал, что уничтожил бумажную версию, копия только конъюгирована в него и доступ закрыт.

– Ну и прекрасно.

– Ваши распри связаны очень тонкой ниточкой, Агний. Близнецы могли бы быть действительно похожи.

– В такие моменты кажется я понимаю, как тебе неприятно, когда я ревную.

– Я не об Аракеле. Хотя, на самом деле, мне очень неприятно, что она существовала в твоей жизни. И я даже ненавижу её. И ненавижу тебя из-за того, что часть тебя всё ещё любит её. И ненавижу себя за то, что всё это чувствую.

– Я никогда не любил её. Только врал себе, что полюблю. Вот в чём некрасота. Стыдно в этом тебе признаваться. Ведь ты любишь только хороших.

– Это неправда. Ты сам это придумал, чтобы взять вину на себя.

– Ты не можешь этого знать. Всё это было до тебя. Она не была моей любовницей. У тебя нет причин для беспокой-

ства.

– Агний, есть места, которые недоступны для меня. Я принадлежу тебе, а ты мне – нет.

– Господи, какая чушь. Что ты опять нафантазировала? Лучше иди ко мне.

Думает, что ей не хватило.

– Вот это вот некрасиво. Ты бы сказал, что никто никому не принадлежит и что всяк свободен. Разве после такого ты можешь любить меня? После такой некрасоты?

– Ах, глупышка, любовь с меня не спрашивалась. Одно слово могло и может отторгнуть меня от любого. Но не ты. Что бы ты ни говорила, и ни делала, меня тянет к тебе, как в бесконечный водоворот, и я сам с радостью кинусь в этот омут, лишь бы быть с тобой.

Твоя любовь слишком эгоистична. Ты действительно даёшь мне всего себя без остатка, корысти и задних мыслей. Но видишь ли ты мою любовь? Или тебе хватает только собственных чувств. Понимаешь ли ты, что иногда я молчу, потому что не могу донести, что ты хоть и совсем близко, но в то же время, так далеко. И я боюсь, что мы так и остаёмся друг другу совсем чужими.

...

Мне лучше закрыть глаза и спрятаться в твоей коже, в твоей груди, в твоих волосах. Если бы я мог, то стал бы стуком твоего сердца. Заставлял бы биться только ради меня,

любить только меня, смотреть только на меня. Но это всего лишь плоские никому не нужные мечты. Я боюсь даже шелохнуться, когда ты признаёшься мне в любви, боюсь, что мир расколется и родятся новые, где нас не будет. Так бережно. Боюсь, что ты скажешь мне это, как благодарный ответ эха, дашь мне себя из-за милосердия своего, из жалости и доброты. Сам таким был. И разве боги меня не раз проклинали за деланность моей жизни. Как будто не видят, что я влюбился в первый и последний раз. То, что я скрываю от тебя, на самом деле, – не моя свобода. Это та огромная любовь, которая овладела мной, любовь к тебе, любовь моя.

Глава 32

Далила очень полюбила Айнара. Если любовью можно называть симпатию и относительную совместимость. Агний с Калитой в эти дни глубинно заморочились судьбой того моста, по которому иногда бегал Арсен. Кирсанова не хотела лезть в душу супруга с мылом, потому что явственно было то, что он избегал встречи с другом. Арс был не из тех, кто приставал первым, так что их давно не видели вместе. Хрисанф перестал ходить в школу, чтобы случайно не столкнуться там с Ивановым.

Поэтому, возможно, с тройным усилием был вовлечён Никитой в разнообразный круг дел, которые не только никогда не заканчивались, но, по мнению Далилы, размножались где-то в тайне от них почкованием.

Что касается этого моста, он уже полгода находился на эксплуатации, но никак ещё не был продан городской управе. Во-первых, многим не нравилось то, что он временный, работающий только в тёплые сезоны, а хотели более широкое пользование. Разумеется, создатели прекрасно были осведомлены о характере реки и его годичном цикле. Агний и не рассчитывал на большее от самосинтезирующейся конструкции. И он был назначен только для пешеходов и лёгкого транспорта. Во-вторых, ночью мост мог распадаться, из-за чего никаких увеселений в темноте там устроить было нельзя. Калита на это отвечал в докладе, что дескать зачем нужны фейерверки в белые ночи? А в сентябре там будет холодно-вато. В третьих, и самое важное – в цене не сходились. Сначала Кирсанов хотел оформить дарение, но во время пробы в мае с моста свалилось пять человек, и после на него навалилось такое общественное бурление, что он решил заключить договор купли-продажи и поднял стоимость чуть ли не заоблачно для локальной агломерации.

Часть горожан и заречья уже привыкли к новинке, поэтому другие проекты покамест отдыхали. Да и те пять бедолаг успешно были вытащены службой спасения, курировавшей во всё рабочее время: и простудиться не успели. Двое из них были пьяны в стельку, одна – неудавшийся суицидник, один подросток, не справившийся с управлением велосипеда и каким-то чудом перелетевший через высокие перила, и ещё какой-то блогер-экстремал, снимавший виды. Как

раз они ничего не предъявляли Кирсанову, но среди других нашлись выдумщики, раздувшие небылицу до небес. Фокус был ещё в том, что безопасность была многократно увеличена не только нанятыми Александром спасателями с новейшей спасательной техникой, но и в том, что перевозка пассажиров осуществлялась именно на специальных экологических автомобилях, сконструированных в лс-суперкарс по заказу. Каждый проезд был зарегистрирован, так что на том берегу "цыплят" считали. Скорость была трехуровневая, а класс – один, чтобы все были довольны.

Далила полагала, что муж обиделся на жителей за то, что не оценили его научно-практический вклад. Но это, скорее, стало вызовом для знаменитого тандема. Они сочли, что раз простолюдины не понимают халявы, необходимо найти другой подход.

Калита протёр очки и вытащил длинный металлический ящик с бумажками.

Конечно, никто в современном мире не знаком со словом "бесплатно". Мы это не учли, дорогой мой. Пора обновить нашу канцелярию-с!

И пошло-поехало. Придирались к каждой запятой, к каждой опечатке, виду бумаги, цвету чернил, осыпали всех с головы до пят пунктами и подпунктами всевозможных законов, и таким образом, чтобы ответственность несли в будущем именно покупатели, сто раз переносили обсуждения, удлинляли их, вносили и перечеркивали бесчисленное чис-

ло изменений. Кирсанова просто прокляли, проклиная и тот день, когда связались с ним. А кончилось всё тем, что однажды поздно вечером, к десяти, Александр Птерович самолично совершил визит к контрагенту, чтобы внезапно раскусить очередной финт и добавить побольше ос в улье. Однако, с удивлением обнаружил в офисе одну только стажёрку на испытательном сроке, которая заснула прямо за компьютером, ожидая миллионную копию из копировальной машины и редактировавшей грамматические моменты в тексте. Рядом с ней лежала пачка парацетамола и скисшая сосиска в тесте. Остальные умаялись и уехали на корпоративный ысах. Тогда Хрисанф вытащил свой ноут и быстренько распечатал окончательную версию контракта, где обозначил вовсе пустяковую цену.

Надо соблюдать режим дня и сна, а то беспредел какой-то, сказала бы Далила.

Акт приёма-передачи, таким образом, прошёл на ура, со слезами счастья и крепкими объятиями в адрес известного мецената и благотворителя. Хотя потом за спиной поговаривали, что это его стандартные уловки ухода от налогов.

Молодёжь не пренебрегала этой переправой, как слой населения более рисковый и легкомысленный. Даже Арсену нравилось бегать там после дождя и пройти под самой радугой, перекинувшейся через реку: никаких выхлопов, пыли, вони, есть пешеходный сектор, есть семейный транспорт, уборщики, ларьки с продуктами и всем, что угодно. Правда,

мост порой отдыхал и его не было видно, а когда был готов, то самосинтезировался за час с утра пораньше.

– Не думал, что этот старый хрыч увлекается полимерами.

Далила вошла на кухню, привлеченная весьма соблазнительным ароматом жаркого из говядины и молодой картошки. Она, кой раз, обнаружила в пасынке положительное качество. Лучше всех в этом доме готовил Калита, далее по очередности: Агний, Камила, Ванесса, Вероника, Виктория, и где-то в самом конце человеческой нации – Кирсанова. Но, надо добавить справедливости: Хрисанф в этом искусстве очень зависит от настроения. Не одна Вики поджигала кастрюльку до сплошной сажки. О Ванессе – в следующий раз.

К тому же, хозяин всегда старается следовать здоровому питанию для своей супруги, за исключением нередких шикарных срывов. А сейчас доносился запах максималистично пофигистично молодой, не следующим правилам и азам кулинарии. Поджаренное на обильном неочищенном масле, с кипучей смесью приправ, лука, чеснока, сдобренное колдой и спиртом, не пожалевшее сахара и соли, и, конечно, без учёта всяких калорий.

У Далилы слюнки потекли от этой живительной силы свежести, когда пища – не твой враг, и даже элементарный бич-пакет превращается в божественную манну.

– Где ты так научился стряпать?!

Айнар хмыкнул и подкинул на сковороде ингредиенты одной рукой, другой – бросил мачехе пончик с наивкуснейшей

глазурью.

– А кто думаете кормил Айтала, пока этот хлюпик не вырос в бугая? Деда-то мы порой только ночью могли дождаться.

– А ваши домашние работники?

– Слуги на то и слуги. Отслужил и давай до свидания. Вы ведь в курсе, что коньюгатам по сто раз в день надо в холодильник заглянуть.

– Ну да.

– У нас только мужская прислуга, никто ни с кем не нянчился, как у вас. Айтал побаивался их в детстве лишний раз о чем-либо просить. А когда это делал я, мне однажды дали такую затрещину, что брат не выходил из комнаты три дня и соответственно не ел. Пришлось надеть фартук.

– И дедушка не знал об этом?

– Даже если узнал, у Аичи не принято быть стукачом.

Парень разлил по тарелкам обед и пододвинул Далиле кувшин с прохладным виноградным соком.

– Овощи и фрукты из Айталайи прислали сегодня. У вас тут с фруктами просто беда.

– Да, есть такое.

Кирсанова с удовольствием уплела за обе щёки стряпню Айнара. Действительно, она частенько замечала парня с яблоком и другими дарами их родины, будь то за чтением, чертежами, которыми он любил заниматься, или даже за просмотром телевизора. Как и Хрисанф, он совершенно не брез-

говал ширпотребом, и, можно сказать, даже упоительно этому отдавался.

– Что, старикан твой тебя не накормил сегодня?

– Он же на открытии моста.

– Смотрю, этот пердун жоско осовременился тут, слился с местными.

– Не говори так, у Хрисанфа с Калитой – талант к ведению бизнеса, они много работают, плюс твой отец – ведущий ценный специалист в институте.

В эту минуту в кухню заглянула Виктория с Хайджи, чтобы взять домашнего печенья для братьев и сестёр. Далила внутренне прыснула оттого, что и Айнар и Викки задрали носы и стали смотреть куда-то высоко в сторону.

Когда девочки ушли, Кирсанова спросила.

– Почему ты не женишься? По идее, вы ведь старше меня. Айтал поведал, что у него есть невеста.

Пасынок хмыкнул, чуть не поперхнувшись чаем с земляничным (местным) вареньем.

– Брат и столб будет обожествлять, если представить ему это, как женщину.

– Но он говорил, что это любовь всей его жизни. И Хрисанф в курсе.

– Пфф, сеньора. Не будьте так наивны. Он и вам наверняка клал поклоны.

– Но. Просто я его мачеха.

– Вы что ли не замужем за моим гребаным родителем.

Могли бы и догадаться, что Айтал такой елейный в папку своего любимого.

Далила покраснела и отставила стакан с соком.

– Вообще-то, этот ваш папка считает, что именно ты больше похож на него, а не твой братец.

Тут густо свекольным стал Айнар, даже его тёмные веснушки слились в этой огненной краске.

– Ни за что! Я – Аичи! Во мне нет и капли этого старого уродца!

– Да что ты говоришь. Посмотри на себя в зеркало.

Видимо, пасынок понял это буквально (впрочем, как и Хрисанф – он тоже часто так реагирует), и подошёл к подоконнику, где стояло небольшое квадратное зеркало, в которое Вероника любила чморить свои ничтожные прыщи.

– Да это Аичи. Вы что, смеётесь надо мной?!

Далила подавила свой сардонический хохот.

– Полагаю с возрастом, у вас и разрез глаз изменится и волосы потемнеют.

– Сеньора, вы издеваетесь?!

– И эти милые веснушки тоже, наверное, спадут.

– Прекратите! Или не получите на десерт ни кусочка ка-стеллы.

– Молчу-молчу! Но я не хотела тебя обидеть, ведь я считаю мужа самым красивым человеком в мире. И его дети также красивы для меня.

– Замолчите уже, и кушайте!

– Ох, эту даму не заткнуть. Если бы ты женился, ты бы мог получить часть наследства раньше и построить собственный дом.

– Мне ничего не надо от этого убудка!

– У вас троих сомнительное происхождение, но мне интересно, почему ты так холоден к нашим горничным? Прости, но мне пришлось быть свидетелем того, как ты относишься к прочим субъектам противоположного пола.

– Только не говорите, что это в Хрисанфа!

– А в кого же? В Арания?

Айнар впился зубами в бисквит, чтобы не отвечать докучливой мачехе. Прошло минут пятнадцать прежде, чем он открыл рот.

– Вы спрашиваете. А зачем? Зачем жениться? Зачем заводить детей?

– Как зачем? Это... Так положено. Мироустройством. Как же ты собирался продолжить род Аичи без самого главного?

– Сеньора, любовь всё портит. Ты отдаёшь ей всё, а взамен получаешь нож в спину. Я никогда не женюсь. И никогда никого не полюблю. Мне это не нужно.

И тогда Далиле, кажется, стало частично понятно, почему он западал именно на "определённых" женщин. Он не хотел влюбляться и вёл себя так, чтобы быть противным для слабого пола. Чтобы и они не влюблялись в него. Может, Айнар пришёл к такому выводу из-за того, что его отец бросил его мать, или оттого, что считал Айтала носителем лучших ге-

нов, нежели он, а, может быть, где-то внутри, желал любви также сильно, как Хрисанф, отчего боялся даже признаться себе в этой сокровенности.

По причине тотальной экономии в долгом волосе в их семье, он также скупно относился к единокровным сёстрам. ведь у них с братом ничего подобного не было от слова вообще. Айнар и ненавидел их, и сердился, и не мог спокойно реагировать, когда в коридоре доносился весёлый глупый беспричинный смех. Как говорил дядюшка Тургенев, самый лучший в мире.

Ох, мой милый мальчик, маленькая, хоть и большая, гордая копия отца, его искаженное отражение. Что же будет, когда ты познакомишься с Аэлитой? Ты и так подолгу рассматриваешь её фотокарточку, что она мне подарила, и которую я вставила в няшную розово-белую рамочку. Ты находишь здоровый работающий повод, чтобы полазить в моей библиотеке, но по пути всегда замираешь над столом у этой яркой улыбки и сияющих глаз. Наверное, тебе башку снесёт, когда она приедет на каникулы и ворвётся в наш дом с-ничем-не-спутать возгласами. Может, ты напал на Арсена также: придумав себе вполне реалистичное оправдание. А ты, Аэл, и в жизни бы не поверила да, что в тебя влюбится не только твой обожаемый толстяк.

Глава 33

Хрисанф счёл лучшим забить на контакт жены со стар-

шим сыном.

Она права. Если мы с ним не можем найти общий язык, а она может с обеими – то в этом нет её вины. Наоборот, дураком выхожу я с этими возрастными прицепами.

Но, разумеется, чтобы не было протечи, в доме всегда оставался надёжный наушник в виде Стефана: в случае форс-мажора он должен был непременно и немедленно оповестить Кирсанова.

А их секреты. Ладно, наверное, это и значит быть семьёй: иметь возможность вступать в самую близкую конъюгацию, но не делать это против воли. В конце концов, Далила достаточно умна, чтобы не рассказывать ему лишнее, а Айнар, надеюсь, понял, что в этом доме распускать похотливые руки запрещено.

Его сомнения также были вызваны тем, что Аичи прежде неблагоприятно отзывался о его супруге не потому, что откровенно так считал, а из нелюбви именно к нему. По жизни в женщинах он был чисто по внешности абсолютно не разборчив (или всеяден), и ни возраст, ни нация, ни разнообразные мелкие недостатки не были ему помехой, чтобы удовлетворить свои биологические потребности.

Я эту шкурку знаю. На том же заводе сделана. Хотя, скорее всего, он не во вкусе Далилы. Этой привереде только деликатес подавай.

Агний вспомнил о ненавистном Корсуне и поехал домой. Она встретила его лениво в комнате, обустроенной в

японском стиле: там было почти пусто, не считая красивых тёмных деревянных полов, стен с раздвижной перегородкой со вставками бумаги, сделанной Калитой, и небольшими полками, где хранились сувениры из восточной страны.

– Почему ты не сопровождаешь меня?

– У меня на этот счёт есть здоровская идея. Потом скажу.

– Я чувствую себя придурком, когда перерезаю красные ленточки, или раздаю куски торта детям и зевакам.

– Почему?

Садится рядом с ним на пол и прислоняется к нему, прикасаясь головой его плеча.

– За каждым мужчиной стоит женщина поэтому.

– Там сказано: за каждым великим. А я не такая, так что незачем мне излишне светиться.

– Как прошёл день?

– Хорошо.

– Как дети?

– Урсула заявила, что будет играть весь вечер во дворе и не зайдёт, пока мы не закажем для неё кучу тех светящихся шаров и не купим арбуз, который ей нужен, чтобы треснуть палкой. Прикинь, она всё ещё там. Бедняга Стаф уже замалялся носить ей напитки и накидки, чтоб не получила солнечный удар.

– Вот упрямица. Точь-в-точь как ты. Не отступит, пока не получит желаемое!

– Как зовут твою жену? В жизни не видела такого чело-

века.

Агний слегка, не увлекаясь, поцеловал её и стал набирать необходимые номера. Он говорит, что держит дочек в строгости, но сам бежит по первому же их капризному зову.

– Порядок. Через полчаса заманим эту дикарку обратно. Она подаёт плохой пример Миле. За Хайджи я не беспокоюсь, она такая же примерная и послушная, как ты. Но Милка в рот смотрит этой бандитке.

– Ещё раз спрашиваю, как зовут вашу супругу?

Хрисанф откладывает телефон и наклоняется к любимой.

– Далила. Далила Птеровна Кирсанова. Далилушка. Кто ещё мог снести этих динозавров!

– Агний! Сам динозавр!

На самом деле, Хрисанф очень любит, когда она его балует: так бы и лежал, как котик, которого гладят по спинке и животу и называют разными ласковыми именами. Но потом держит себя в руках, чтоб окончательно не расплавиться.

Скажет ещё, что, как девчонка. Но ещё чуток!

– Дэли, жаль, что ты не была со мной во всех тех дивных местах, где я бывал.

Далила надулась, что твой индюк.

– Я даже не была в Айталайа.

– Что Айталайа. Ты даже не была в Японии.

– Ты меня с собой не берёшь!

– Да, как-то засели мы тут. Но неплохо же?

– Неплохо (соглашается).

– И ты точно кулик своего болота. Мечтаешь-мечтаешь, а как попадёшь куда-нибудь, как и твои земляки, начнёшь вещать, что лучше здешнего края ничего нет.

– Нээ?

– Да, конечно. Знаешь, что было самое лучшее в тех краях?

– Море?

– Нет.

– Мм, горы?

– Нет.

– Еда?

– Я везде найду, где вкусно покушать.

– Женщины?

– Близко.

– Девушки-аборигены.

– Очень даже близко.

– Девушки в национальных одеждах, которые подносили тебе кокос с трубочкой под пальмой у прохладного бассейна?

– Это уже твоя мечта. Нет же.

– У меня были бы загорелые парни.

– Окей, придётся завтра в институт пешком в коротких беговых шортах идти, раз тебе хочется, чтоб я обгорел. Кокос-то достану.

– Ну, Агний, тридцать, нет, двадцать минут! Теперь мы уж не молодожёны, каждая минута дорога!

– Расслабься, титях.

– Титях, может, это закаты или восходы? Ты любишь солнце.

– Вот-вот, можешь, когда хочешь, мозги работают что надо! Я приготовлю тебе подарок, если угадаешь!

– Ыы! Солнце? Солнечное затмение? Полёт в космос? Луна и ты в одиночестве на берегу?

– Так горячо, солнышко! Это подсказка!

– Так луна, солнце, песок... Секс на пляже что ли? Неужели, это всё, что ты запомнил?!

Хрисанф улегся подле её ног и, смеясь, протягивает к ней руки, чтобы присоединилась к нему.

– Не так уж это и глупо!

– Агний, пятнадцать минут!

– Ну, хорошо, сдаюсь. Хотя это ты должна была сдать. Самое лучшее в тех странствиях было только одно – ты.

– Но мы же не были тогда знакомы, дурачишка.

– Но я жил ожиданием тебя. Сам себе не верил и верил. Это и было движущей силой моего существования. И только одна эта вера окрашивала океан в невообразимые цвета, и девушки, продающие коралловые бусы, казались милыми, и солнце не жарило, а согревало душу.

– Мм.

– И это всё?

– За десять минут я уже ничего толкового не придумаю. И вряд ли перебью твой рекорд.

– Ты проиграла! Поэтому получишь свой подарок.

– За что?

– За то, что ты единственный бесценный подарок в моей жизни.

– Ладно, валяй. Я хочу посмотреть, что это. Только быстрее. Мы идём ловить Урсик.

Хрисанф немного приподнялся, чтобы приблизить своё лицо к её лицу.

– Ну же, быстрее!

– Привет!

– Чего?

– Я дарю тебе себя в этот прекрасный летний вечер. Чтобы ты не говорила о себе, как продажной шкуре. И чтобы не ругала меня, что задабриваю тебя пустяками.

– Я не говорила, что это пустяки.

Тут она забыла, что осталось всего три минуты и сама поцеловала мужа.

– Ах, Агний, мне кажется я думала о том же до встречи с тобой. Теперь мне так кажется.

– Любимая, ты делаешь меня счастливым.

Глава 34

Тутти сидел под махоньким соломенным грибком, который ему построили в дань уважения местные жители, и разбирался с ежедневным отчётом, время от времени потихоньку наблюдая за Аэлитой. Иногда она появлялась в поле его

обзора, иногда – нет: слишком много возни было внутри временных построек, где девушка помогала самыми обычными делами: варила еду, стирала, смотрела за детьми, обрабатывала раны, давала лекарства, экономила провизию и между этим работала в развалах, собирая пробы почвы, воды и воздуха.

На ней был только закрытый спецкостюм, пригодный к тропическим условиям, и она не пользовалась защитными средствами, когда ходила в точки, где то было рекомендовано.

Золотареву с самого начала предполагали использовать на совсем другом уровне миротворчества, но до сих пор, по прошествии нескольких месяцев, слышали, что ей нормально в аналогичном секторе.

Жара и духота сменялись ночью необыкновенной темнотой и свежестью, поэтому молодые люди поздно ложились: ели, болтали, любовались звёздами. Аэл, по её словам, расслабляла мышцы рук и ног, которые вздулись, как у качка, от несения тяжестей, а Тутти, который ничем таким не занимался, развлекал её настольными играми, обучал стрельбе из разного оружия и доставал немного той молодёжной еды, которая нравилась обоим.

– Куколка, так ты всю красоту растеряешь на чёрной работе.

– С чего ты взял, что я красивая?! (смеётся)

– Мои глаза мне об этом сообщили в тот день, когда я

впервые тебя увидел.

Они оба принадлежали, по крайней мере в настоящем, к тем людям, которые носят одно и то же. Тутти был всё в тех же удобных джинсах и полосатой футболке, с неизменной короткой стрижкой и в лёгких кроссовках. Аэлита, когда освобождалась от своих повседневных забот, накидывала своё то самое невесомое платьишко и даже спала в нём, потому что у них, может это странно, не было с собой почти никакого багажа. Мелочи, вроде зубной щётки, пасты, расчёски, мыла парень материализировал откуда-то из своего невидимого склада, как и продукты, которые ребята кушали, когда оставались наедине. Он хотел достать для неё другие наряды, но она категорически не просила у него ничего лишнего.

– Тутти, ты так смешно говоришь!

И вот, по обыкновению, раздражается своим громким прекрасным смехом. Эта девчонка слишком много смеётся. И без видимой причины. У неё благотворное влияние на здоровье: ничего особенного не делает, а больные выздоравливают, раны затягиваются, улучшается эмоциональный фон. Мы со Стэнли не можем понять, это произошло после её инициации, или и до этого была такой, или это просто совпадение? Третье тоже не стоит исключать. Она ведёт себя абсолютно обыкновенски. Правда, количество энергии поражает. Крепкие солдаты, и те бывает корчатся от усталости, и необходимо строго выверять график смен, чтоб никто не

окочурился прямо тут, под солнцем. Но Аэл хоть бы хны. Её маленькое светлое лицо в любое время дня было озарено такой добродушной неунывающей улыбкой, которая не только подавляла злобу у озлобленных, а как будто придавала сил и вытаскивала за шкуру из захватившего было отчаяния.

Сейчас разберёмся! Сейчас всё порядок будет! Дай-ка сюда эту тряпку! А этот малой почему сопли до моих ботинок пустил?! Конечно, ведь надо поиграть! А ты, бабушка, давай следи, чтоб я кашу не пересолила! Солд, замена! Воды попей, покушай, поспи! Ничего, я вообще-то натуральный тяжеловес, зверюга! (Солдом она называла любых служащих низшего звания).

– Ты совсем не загорела.

У самого Тутти кожа и до этого была обветренной: он много путешествовал.

– О, это чудодейственный эффект моего крема! Ха-ха-ха! (никакой косметики и в помине не было, она оставила даже свои бальзамы для губ и старенький карандаш для век и бровей).

Правда, временами она смотрелась в треснутое зеркало у общего рукомоЙника, и сама же отворачивалась от собственного взгляда. Её глаза теперь всегда отдавали зеленью. Мужики уважали эту миниатюрную, но стальную девушку из специального миротворческого корпуса. Таких работников по зонам было очень мало, но если их выделяли, то все втихоря радовались. Они не имели никакого снабжения и обо-

рудования на первый взгляд, но превосходно осуществляли организацию по улучшению обстановки на местности. Сразу налаживалась связь, материальное обеспечение, поставка медикаментов и всего другого по необходимости. Никто по существу не мог точно сказать, кто их направляет и финансирует, да и некогда было подозревать тех с виду обычных людей, которые так помогали в трудную минуту. Тем не менее, нет нет и всматривались в Аэл, например, когда она передевалась и высвобождала из-под армейского головного убора свои длинные волосы и весело озиралась, потирая ладони и предвкушая какую-нибудь вкусняшку. Всяк готов был поделиться с ней с сушкой, пряником, лапшой быстрого приготовления и даже виски. Она, ничего, брала какой-нибудь донат в пакете, или засохшие мармеладки, но никто, всё-таки, не осмеливался подкатить к ней по-конкретному: это же была машина, которая таскала бетон и мешки на своих статных, но стройных плечах. Спасатель первого класса. Такой только на губной гармошке можно сыграть и леденцами собственного приготовления (плавил из сахара) угостить.

Сможет ли Арсен сделать их когда-нибудь карими. Или с цветом глаз изменилась вся моя судьба.

– Если ты будешь встречаться со мной, то тебе в будущем можно будет не заниматься всем этим.

– Ха! Что будем делать в таком случае?!

Аэлита шаловливо взглянула на инструктора, отчего тот весь напрягся и даже отругал себя про себя, что теряет пра-

вильный набор слов в её присутствии. Тутти кашлянул и нервно посмотрел в сторону, напуская на себя важность, присущую снаружи простовыглядящим, но многосложным и богатым изнутри.

– Что-нибудь поинтереснее. Мы можем вместе ездить повсюду, я научу тебя тому, что может потом пригодиться. Рытье выгребных ям, сомнительное питье и уход за нуждающимися – это не твой предел. Ты достойна большего.

– Чего например?! Сидеть дома и жарить тебе плов, в придачу смотреть за оравой отпрысков Сантаны и менять им подгузники?!

Зелёный принц был возмущён до глубины души.

О чём только думает эта малявка?! Жениться?! В таком молодом возрасте? Дети? Что за бред! Может, дело в том чувачке, её гражданском муже? За всё это время она не подпустила его ближе своих ног. Где было разрешено укладываться спать. Аэл дразнила его, как будто не была против его чувств, но порой так впивалась глазищами, что вызывала ощущение того сосания под ложечкой, какое может породить самая твоя строгая учительница, делающая тебе выговор, или мать, поймавшая за безобразием. Такой барьер. Как по маслу, а потом резко: Стоп!

– Я – наследник Лавшики, недооценивай меня, куколка.

– Вау, какая птица! Поделишься зарплатой?!

И снова безудержный смех. Снова Тутти готов грызть себе локти, чтобы объяснить себе, почему он, спокойный невоз-

мутимый, весь закипает из-за этой маленькой зеленоглазой бестии.

Аэлита же перед тем, как провалиться в сон, думала об Арсене. На это ей выделялось всего несколько коротеньких минут, потому что утром, днём, вечером – было некогда и нельзя – другим надо уделить внимание, а ночью она и раньше засыпала со скоростью света, а сейчас и вовсе отрубалась так, что страдающие бессонницей не поверили б, что такие создания существуют.

Арсен, я действительно выросла на несколько сантиметров. И мы сравним наши бицепсы, когда я приеду к тебе. Мои руки, конечно, остались прежними метелками, но устроим армрестлинг и посмотрим кто кого! Пацаны называют меня терминатором, громилой Эй, зверюгой или могучим Илией. Всё одно и то же. Только Тутти и знает моё имя. Тутти – нормальный. И, Арсен, теперь у меня есть женственность. Раньше мужчины не смотрели в мою сторону, либо считали за своего. Сейчас что-то изменилось. И я сама стала какой-то неправильной, распутной что ли. Мне нравится, когда украдкой провожают взглядами, как будто желая притронуться к моему телу или лицу. И я в ответ смотрю на них с благодарностью и как будто потом мы всё это обустроим как надо. И это твоя Аэлитка. Я вру, не переставая. И свою ложь считаю самой чистой правдой. Скажу Тутти, что он милый и по-правдашнему так думаю. Мне нравится, когда он, считая, что я уже сплю, осторожно гладит мои ступни и колени. Ох,

Арсен, зачем тебе я такая сдалась отныне?! Ты разведешься со мной, когда увидишь такую. Но даже и это всё не конечный пункт. Самое глупое в том, что эта женственность, эти, не знаю как определить, способности пришли тогда, когда они мне вовсе не нужны. Потому что в моих глазах, куда бы я не пошла, что бы я не делала – стоишь ты. И только ты мне нужен. Только тебя люблю. Остальное – просто жалкая игра, роль отенкая, которую я играю, даже если являюсь им. Что с того? Мир прекрасен и я сделаю всё, чтобы он продолжал быть прекрасным и безопасным. Но для твоей Аэл тоже нужен маленький кусочек счастья, свой маленький и такой необходимый мир – это жизнь с тобой. Пусть моя любовь хранит и бережёт тебя во веки веков, во все тысячелетия, во всех бесконечностях. Если ты меня не забыл, знай, я буду стараться ещё сильнее, ещё лучше. И я даже верю, что ты помнишь меня, так как всё у меня получается, ладится, как будто где-то там, очень далеко, ты желаешь мне того же, что и я. Мой.

Глава 35

Айнар словно принял слова Далилы со всей обстоятельностью: он в самом деле не без удовольствия выкраивал время для младших сыновей Кирсановых. Девочек он, по понятной причине, обходил и относился как-то ласково-равнодушно, можно сказать практически игнорировал (ну хоть по крайней мере без тени того негатива, что доставалось взрослым

дочерям Хрисанфа).

В голове Далилы промелькнула мысль: комплекс старшего ребёнка? Я что, могу вертеть им, если просто-напросто навешаю разной придуманной ответственности? Агний не знает о моей этой просьбе пасынку, но, думаю, ему бы не понравилось, что я пытаюсь строить интриги, даже если они гроша ломаного не стоят. Он слишком идеалист. Ладно, я никого не заставляла, просто так сказанула. И что плохого в том, что дети хоть как-то контактируют.

Она нашла мальчиков в детской, где Айнар разговаривал с малышами, озвучивая отдельно каждую зверюшку из симпатичного мобиля, подаренного Калитой.

– А ты им нравишься.

– Ещё бы. Я вообще – ребячья радость.

– Я сто раз переменяла о тебе мнение. Но ведь у тебя, наверное, не столь много опыта.

– В замок деда часто сбегается детвора летом. Родители не разрешают им гулять возле мест, где столько оружия. Но, может, именно это их и привлекает. Вы не поверите, но я всегда играю с ними в войнушки.

– Аа. А Айтал?

– Айтал выносит сладости, мастерит им воздушных змей, скворечники, ловит бабочек и потом отпускает. Понятно же.

Кирсанова с удовольствием отметила, что у парня чистые руки и ногти. Он собрал волосы в хвост и надел хлопковую мягкую синюю футболку, которая отлично оттеняла его гла-

за.

– Знаешь, по-моему ты неплохой аналитик. Мне кажется, Араний от тебя не откажется.

– Меня с детства привлекают Игры и Теория.

– Игры и теория? Тогда тебе точно нужно в орден. Я слышала, это очень относительная вещь. Немногие её понимают.

– Сеньора, у меня серьёзная нехватка: слишком шероховатая конъюгация. Это не приветствуется среди наших. Всё равно что какашка слона среди плодовых мушек.

– Унн... А почему так? Плохо учился? Хрисанф сказал, что Айтал, не проходя официальное обучение, кое было у тебя, гораздо продвинутое тебя.

– Всё просто. Биология. Природа. Мы это оба отлично знали, да и дедушка знал. Загвоздка была лишь в том, что брат, почему-то совершенно не хотел быть конъюгатом. Не только, чтобы уступить мне дорогу и так далее. От старого хрыча, наверное.

– Муж говорит, у тебя свои способы управления конъюгатскими техниками.

– Может быть. Он наверняка думает, что это месть и жажда наживы.

– Это правда?

– Прикол в том, что мои траблы в овладении нашими приписанными данными, растут из того же места, что фобии Айтала.

– От Хрисанфа?

– От него, твоего драгоценного. В Айталайе некоторые сведомые недолюбливают меня, считая грязноватым вырождением, в котором намешаны человеческие гены.

– Но разве Аичи – не один из древних стабильных родов?

– У конъюгатов, впрочем, как и у всех, нет чистых линий.

– Да, они появляются повсюду, повсеместно, попеременно.

– В точку. Только чашка весов в спутанности, оттого плохой работе моих генов, давит с той стороны, где вклад гребаного папаши.

– Хрисанф???

– Ну, Аичи-то свою родословную знают более или менее.

А у этого ублюдка – провал. Поэтому и я – как сломанные часы.

– Да ты что. Муж всем конъюгатам конъюгат.

– Он – прокачанный. Не могу не признать. И самопрокачанный. А в прошлом, может, и помог кто.

Далила вспомнила про неприязнь Агния к Искандеру Корсуну.

– Хм. Ну, если твой отец смог, то и ты – не рыжий.

– На это дедуля и рассчитывал. Он души не чает в твоём сахарном поросёнке. Типа, отец, сын и дух любви нам в помощь. Но так только в сказках бывает.

– Однако от старика ты принял все теоретические знания.

– Конечно. Мы оба переняли. Вы, сеньора, просто не знаете, насколько в ордене передуты эти знаниями. Просто моз-

ги вытекают при ходьбе.

– Хах! И ты хочешь к ним присоединиться?

– Не то чтобы горю нестерпимым желанием. Но вы вот книжки пишете, иногда не пишете. Есть долг, есть предназначение. И есть просто охота.

Кирсанова взяла на руки Савву, так как он довольно громко стал гугукать и стучать кулачками по стенкам кровати.

– А ты что ли читал мои книги?

– Немного. Не мой жанр.

– И как оно?

– Вы не обижайтесь, но мне больше нравится, когда насыщен сюжет, движуха всякая, приключения, баталки. А у вас, так сказать, одно и то же в синонимах на протяжении четырёхсот страниц.

– И что же?

Айнар закатил глаза и чуть высунул язык (почти, как Хрисанф).

– Он любит её – она любит его – тот любит третью. И так по замкнутому кругу до бесконечности.

– Вот подсядешь, когда влюбишься! Сам будешь серенады под окнами петь!

– Не будет этого никогда!

Мачеха с пасынком чутка посмеялись, но тут же прекратили, так как парень сильно покраснел, что допустил подобное к прежде ненавистной стороне.

– Мне кажется, если у тебя не задастся эта твоя крутая ка-

рьера, ты можешь подрабатывать оракулом. В Айталайе это ведь довольно ходовая профессия.

– Я слишком молод для этого. Тут нужен опыт и история.

– Ты сразу разглядел версию Айсенчика.

– Это кто угодно бы разглядел.

– Нет. Даже супруг сомневается в своих догадках.

– Из-за этих доморощенных сомнений он и сбежал к вам.

– Не говори так. Мы любим друг друга. Ты уже взрослый мужчина и должен понимать, что такие вещи существуют.

Айнар вспыхнул на мгновение и ей показалось, что сейчас он выкинет грубость в её адрес, которая за секунду уничтожит весь их примирительный процесс. Но Аичи, видимо, сдержался и осторожно вручил Рафаилу небольшую звонкую погремушку в виде оленя.

– Эти жучки навозные, всё-таки, весьма добротные. Пожалуй, возьму их собой куда-нибудь, как штаны нормальные наденут.

Далила улыбнулась.

– На кого похожи? Хрисанф с пеной у рта спорит, что все наши отпрыски в меня. А я стою на том, что все они – копии папы. Что мальчишки, что девчонки.

– На Айса похожи, стало быть в старпера.

– Что я говорила!

– Но эти ещё с вкраплениями. Но как будто и вовсе не в вас. Хотя я вашу родню не знаю.

– Как это?

– Ну, Айсен – точно вами обоими слеплен. Пусть и со своими особенностями. Наследник натурально. А эти...

– Что?

– Непонятно. Вроде Хрисанфийские... Но и что-то другое, совсем стороннее. И это не от вас. Ваше есть, фифти-фифти. И что-то среди этой вашей каши намешано. Хотя, может, это мне кажется.

Далиле взгрустнулось.

– Муж немного официален с нашими сыновьями. Всё из-за вас. Да, прими это и проглоти. Он скрывает от меня, но я же вижу, хотя бы по глазам. Он боится, что наши мальчишки вырастут в подобие тебя и Айтала. Из-за этого держит дистанцию, считает себя виноватым в том, что вы его, мягко говоря, не любите, и что даже обычный вдох в сторону наших малят превратит их в вас.

– Что за бред.

– Такой уж он. Поэтому ключ к его счастливому отцовству для меня блестит именно в его сыновьях от первого брака.

Айнар смутился и перенёс заснувшего Савву из объятий матери в постельку к братику.

– Вы, пожалуйста, не пытайтесь мной манипулировать. Мне известно от Айтала о ваших уловках.

– А мне стало известно, что ты провоцировал нападение Хрисанфа на тебя. Теперь мне это понятно. Ты хотел посмотреть, насколько он далеко готов зайти из-за меня, или из-за других причин, и каков его конъюгатский уровень. На са-

мом деле такой, как слухами полнится, или миф, или время возымело эффект.

Краска залила лицо пасынка. Сначала он буквально впился глазами в Кирсанову, как будто желая пробуравить насквозь, или даже поступить, как с беднягой Арсеном. Потом у него задрожали руки и он быстро отвернулся к окну.

– Игры и теория не предусматривает такой неумный вброс.

– А это практика, сынок. Там, где у тебя пока по нулям. Можешь радоваться, я тоже недалеко ушла. Потому что верю, что ты не такой гнилой, каким себя выдавал. У тебя шелуха за шелухой. Но мне плевать на твои там цели и амбиции. У меня в доме ты должен постараться отвлечься от этого вашего джунглевого выживенчества. Хрисанф – не тупой, но на него, как и на большинство конъюгатов, давит сила уз. Это делает его уязвимым и ты это прекрасно знаешь. Будучи родной кровиночкой. Если ты ещё что-то там надумываешь в своей башке, знай, что, как злая мачеха, я вынуждена буду осведомить его о твоих "рассуждениях".

Она не знает, что этот ублюдок читал мой дневник.

– Сеньора, у меня кое-какие дела, я должен идти.

Далила внезапно обмякла после собственного грозного всплеска.

– Айнар, ты вообще стараешься услышать меня? Или просто затыкаешься наушниками и отмахиваешься, как от назойливой скучной мухи.

В этой слабости наружу вытек весь её возраст. Что она старше мужа, несмотря на то, что младше. Что у неё куча маленьких детишек и что она к такому была не готова. Что она любит этого своего идиотского супруга и целиком зависит от этой своей местами неправильной любви.

– Сеньора, при всём моём уважении, вы тут ни при чём.

– Хрисанф говорит тоже самое.

– Хоть в чём-то он прав.

– Вы меня обманываете.

– Нет. Вы сами себя обманываете. Заступаясь за него и угрожая мне.

– Айнар.

– Далила, это не вашего ума дело.

– Тут одним умом не обойдётесь. Хватит добавлять неприятностей отцу.

– Я что-то никак не могу раскусить вас. То атакуете с бухты-барахты, то умываете руки.

– Ты это, по твоим же словам, никогда не поймёшь, если не собираешься влюбляться.

– Что?

– В общем, мне нужна подмога Аэлиты.

– Я перестал вас понимать совсем.

– И не надо. Кое-кто другой вдолбит в тебя, чего не смогли вдолбить другие.

– Аэлита? Кто это? Вы – странная женщина. Я никогда в жизни не встречал никого страннее.

– Ты вообще мало их встречал. Пора тебе уже с ними познакомиться.

Глава 36

Тутти заглянул в пристрой штаба, чтобы передать кое-какие сведения, полученные от их собственной "конторы". Он уже неделю задумывался о том, чтобы перебросить Аэлилу в другую точку, потому что здесь ему изрядно надоело, но сам Лавшики вышел с ним на связь, попросив, чтобы они задержались на месте хотя бы пару дней. Преемник мог устанавливать защитный барьер от воздушной атаки (будь то звуковая волна, радиация и прочее, а также расстраивать функционал почти всех видов оружия). Надо было беречь гражданских и Стэнли вынудил парня любоваться тропиками лишний раз.

– Хэй, сэр! Подойдите на минутку. Вы же из особого корпуса?

– Чем могу быть полезен?

Служащий в халате оторвался от результатов, осветивших экран.

– Я не могу найти тромбоциты. Это от тех пациентов, которых привели в реанимацию позавчера.

– Что?

Тутти проверил данные и нахмурился.

– Не знаете, в чём проблема?

– Нужно вызвать мастера. Аппарат, скорее всего, придётся списать. Он выдаёт ложные показатели.

Лаборант снял очки и посмотрел на него, как на больного.

– Полегче! Я год выпрашивал этот анализатор. Он стоит кучу денег.

Тутти равнодушно сфотал ошибки, заверяя, что непременно добавит в доклад и что в ближайшие же дни доставят новую технику.

– Верю на слово. Но задержки быть не должно.

– Всё будет в порядке.

– К сожалению, остатки крови подверглись гемолизу: холодильник у меня тоже барахлит. Но посмотрите сюда. Я сомневался и сделал вручную с тем, что успел. Ноль.

Он пододвинул микроскоп зелёному принцу. Тот бегло, но не без интереса, изучил препарат.

– Сержант, в таких температурных условиях инструкцию по хранению материала надо соблюдать безукоризненно. Но не беспокойтесь, я сейчас же пойду в стационар и сделаю повторный забор.

По пути Тутти встретил Аэлилу, которая, ввиду обеденного перерыва, увязалась за ним.

– Аэл, ты дежурила в приёмном покое в ночь, когда поступили те четверо с соседнего района?

– Да, сначала там, потом в реанимации.

– Хм.

– Что случилось?

– Они были практически в безнадежном состоянии (скорее, себе, чем ей).

– Пускай это тебя не расстраивает, сегодня чуваки чувствуют себя гораздо лучше!

Раздумывая о чём-то своём, инструктор посмотрел сквозь неё и вошёл в палату.

Возьму через канюлю, из вены и пальца. Чёрт, дёргается.

Мужчина был без сознания, но тело его вполне активно содрогалось, как будто находилось в фазе быстрого сна.

Аэлита чуть ли не побежала за парнем, который быстрыми шагами последовал в свою (по собственному выражению) конуру, где порой проводил анализы различных проб окружающей среды.

Та порция крови в лаборатории была утренняя, а теперь было почти два часа.

Что такое. Цифры просто ужасающие. Почти всё вне нормы, но почему происходит улучшение состояния? Это не понравится здешнему командованию. Раненых перевели сюда лишь по регламенту. Это нежелательные свидетели. Раньше от таких избавлялись не отходя от "кассы".

– Что, что там?! Мои красавчики превращаются в мутантов?!

– Типун тебе!

– Ну что там, дай взглянуть!

– Куколка, не отвлекай, я работаю.

Тутти поместил пробы в походный маленький, но мощный анализатор, чтобы подтвердить дедовский метод.

Срака. Стэн упорется. Он же собирался в отпуск. Может

сокрыть? Мне не предоставят этих счастливичков, их заберут сразу же, как те откроют глаза. Да, лучше всего промолчать. Дополнительное расследование засосет нас в эту глубинку ещё на месяц.

– Может мне принести тебе выпить? Ты какой-то бледный. Говорила я тебе, не ходи без панамки!

– Аэлита, ты не заметила ничего странного во время дежурства?

Девушка, пытаясь вспомнить конкретное среди своих бесчисленных дел, приставила пальцы губам и осмотрела конусный небольшой потолок.

– Ну, я мыла полы. Мм. Меняла банки с мочой. Ещё что. Аа! Обновила капельницу тому, с усиками такими симпатичными!

– И всё?

– Я не спала! Если ты подозреваешь меня в этом. Всё честь по чести!

– Окей.

– Ах, да! Вспомнила!

– Не так громко.

– Один из них чихнул в беспамятстве, другой пукнул, а третий смачно выговорил имя Роза! Так что я и не сомневалась, что они обязательно выберутся из этой неприятности!

– Ты шутишь, или серьёзно?

– Честно говоря, не знаю. Ты же в курсе, что если я не сплю целые сутки, то как ёжик в тумане!

Тутти полюбовался её длинными зелёными глазами, старающимися понять, что она всё-таки делала тогда.

Она? Нет. Влияние отенкая совершенно иное. Оно не будет так сильно шатать химический состав организма. К тому же, Золотарева? Она же новенькая, и ничего не знает даже о себе.

Он произнёс вслух, не обращая внимания на её присутствие (что эта девчонка может понимать).

– Похоже на воздействие коньюгата. Но как это может быть возможно? С их тотальным нейтралитетом. Тем более, здесь, в глухомани. Зачем? Не вижу смысла. Это бессмысленно. Ради кучки полугражданских? Абсурд.

Аэлита, чтобы не заметили волнения в её взгляде, отошла к крошечному окошку, прикрытому куском гигантского листа вместо стекла.

– Коньюгаты?

– Да. Ты слышала об этом что-нибудь?

– Так, самую малость.

– Я давно интересуюсь ими. Но мы никак не можем их привлечь к сотрудничеству.

– Не вербуются?

– Да (отвлечён, погружён в собственные мысли).

– Аа.

– Мы не вмешиваемся в привычный естественный ход. То есть, можем. Но, известно, чем больше власть, тем выше уровень зависимости от законов.

– Вы бы позволили им умереть?

– Конечно. Это не касается наших прямых задач на локации.

– А коньюгаты?

– Им вообще до фени должно было бы быть. Откуда здесь этот эффект? Новое оружие? Но ведь это их спасло. К тому же такие характеристики свойственны не всем. Это более продвинутый класс. Чёрт. Что-то вмешивается без нашего ведома.

– Дыши ровнее и расслабь булки! Ты весь перенапрягся. Может, действительно перегрелся.

Аэл подошла к нему сзади и коснулась его слегка сутулых плеч.

Она так никогда не делала. Он чуть ли не подпрыгнул на стуле от неожиданности.

– Куколка...

– Мне не нравится, когда ты такой дёрганый. Массаж тебе не помешает.

Тутти чуть не задохнулся, когда девушка, довольно сильно сминая мышцы его спины, приблизила лицо к его маленькому уху.

– Я в норме. Только не останавливайся!

– Шу!

Аэл шумно дунула в его висок и весьма прозаично потрепала его шевелюру.

– Ты!

– Всё, жить будешь! Форма полная!

Тутти, переполненный до отказа возмущением, вылетел пулей из лачуги. Надо сказать, кроме первого, также был слишком возбужден, чтобы продолжить разговор на серьезных тонах в то время, как она изволила хохотать.

Успокоившись, Аэлита вернулась на работу.

Такое мог устроить только дядюшка Хрисанфий. Лучше никому не говорить о том, кто мой дедушка. Это может испортить мой "проходной лист". Но что тут потерял босс Арсена? Он лучше спрячется под юбку Лил, чем выставит себя на общее обозрение. Наверное, другие. Значит, среди них есть и другого склада. Склонные к вмешательству. Как и мои господа.

***

Где-то в Сибири Иванов уже укладывался спать. Он настроил будильник и без особой радости отметил, что Кирсанов, видимо, не собирается ослаблять дистанцию.

– Гадость. Всё шло так хорошо. Гребаный Хрисандель хотел же допустить меня к использованию лакуны с тем ходячим скелетом. Ожидание – реальность.

Арс потёр шею, которая давно не болела, однако наводила страх воспоминаниями о близнецах.

– Теперь понятно, что круто я попал в попадью. Что и следовало ожидать от меня. Но Аэлитка. Я же мог выйти с ней на связь.

Он ещё раз посмотрел на часы и вздохнул.

– Хоть бы этой ночью спокойно поспать. А то намереди было такое ощущение, как будто не сплю, а шью крестиком по громадному трактору. Что за хрень. Как дятел, застрявший в конвейере. Надо как-нибудь пнуть себя за зад и самому явиться к боссу. Только он, наверное, и знает, что это было.

Арсен покрутил в пальцах своё обручальное кольцо и положил его под подушку.

– На старом месте – приснилась жена мужу.

Глава 37

Был выходной. Арсен вышел из душа, надел свежую домашнюю футболку и шорты, выпил два стакана холодной воды и через пятнадцать минут почувствовал, что вся жидкость вышла через поры: одежда стала влажной, волосы от духоты сначала слегка завились, но потом, как будто капитулировав перед жарой, повисли засаленно и угнетённо, заставляя течь ручьи с шеи и плеч. Иванов собрал их в пучок большим скрабиком Аэлиты и тыкнул пальцами телефон, лежавший на столе. Тот закружился вокруг своей оси, однако молча, как одинокая барышня на балу: назначено было петь, а веселиться, а она не исполняла свою прямую функцию.

– Ну же. Позвони ему. Сделай первый шаг.

Арс усмехнулся собственным словам.

Впрям парочка, тьфу ты.

Он подозревал, что мог выйти с ним на связь, как то делал сам босс, но не желал этого не столь из-за "технических мо-

ментов", сколь из-за той же натянутости между ними в настоящем.

Лучше зайти косвенно. А вдруг как в тот раз Хрисандель может проследивать за мной? Нет, что-то пустовато. Нелегко ему пришлось с сыновьями. Наверное, до сих пор не пришёл в себя. Что поделаешь: новые поколения всегда лучше старых. Оседлали его "ошибки молодости".

Арсен не хотел признаваться себе, что отдаление Агния наполовину могло быть связано с ним. Что Кирсанов надумал "порвать" с подопечным, чтобы больше не подвергать его какой-либо опасности. Кусочек этих предположений заставлял нехило так скрести его внутренних кошек.

Без Хрисанфыча, думаю, мне стоит начинать забывать о моей чиполлинке. Червь я. Жди письма с Антарктиды, как жена декабриста, через сто лет, или ищи утеху, которая никогда не заменит оригинал любви.

Так прошло ещё полчаса. Второй раз лезть в ванну, чтобы охладить тело и хаотичность недоконченных мыслей, бродивших в летнем мозгу, не хотелось.

Арс сменил мокрую майку и вышел на улицу. Разумеется, наружу было гораздо свежее и, видимо, подействовал кислород, растворенный в воздухе, как рыба в океане. Парень побрёл на ближайшую площадь и купил себе большую порцию фисташкового мороженого.

– Здорова! Как там купалка? Можно уже?

– Ох, бро.

– Буду краток. Надо уже опробовать то, что ты мне предлагал.

– Ох, ох, ох!

– Харэ кряхтеть уже. Еду. Встретимся на втором пляже.

Хрисанф, конечно, ждал уже там. На всех парусах ринулся. Еле успел проглотить огромный кусок холодной говядины, на ходу выпил почти маленькое ведро холодного кофе и от волнения надел чистую рубашку наизнанку.

Далила только успела проворчать.

– На свиданочку опаздываешь?

– Дай мне своё благословение!

– Удачи.

– Люблю-люблю-люблю!

– Иди уже.

Кирсанова с утра решила, что если Иванов не даст о себе знать в течение последующих двух дней, то она сама предложит мужу почистить его память, или поползёт к другу супруга с мольбами, чтобы тот вернулся к её любимому (Скорее, второе).

Теперь же она выдохнула с облегчением и решила связать крючком пинетки для новорождённого одной своей подруги. Это было "целое политическое дело", в котором женщина увязла до позднего вечера.

Хрисанф, издалека завидев углозуба, встал на стойку шире плеч, широко раскинул руки, рот его невольно раскрылся в захватывающую чуть ли не всё лицо улыбку. Арсен слегка

приобнял босса, но тот захватил его и даже чуть приподнял.

– Позор! Далила говорила мне не вести себя так в общественных местах.

– Тебе бы прислушаться к её словам.

– А то! Итак некоторые её знакомые считают, что я сменил ориентацию исключительно ради неё.

– Чевоо?

– Я категорически скучал, сынок! Позволь мне немного тупить, прости старика!

Вода всё ещё была не такой уж и тёплой, впрочем, как и всегда, на большой реке. От удовольствия Хрисанф то нырял и выныривал, хоть назад, хоть вперёд, заставив перевозбудиться всех ныряльшиколюбов в округе, то кролем аккуратно резал волны, то брызгал в стиле баттерфляй, то лежал на спине, хоть выдувая фонтаны, хоть звёздочкой, то катал детей на лодке с веслами, то с подростками кидал бутылку, наполненную землёй, в глубину и мог отыскать её хоть в середине акватории – в общем, про него подумали, что чувак и в самом деле вышел из пены морской в процессе эволюции.

Арсен чуток намочил плавки (как бы сказала Далила) и, поёжившись, вернулся загорать на белый крупный песок.

– Как это так? Так не бывает!

Агний схватил Иванова, который было начал уже дремать, когда кто-то рядом с ним установил большой пляжный зонт, и кинул барахтаться и отплеываться в первую зону, где в основном пузырилась детвора, бродили беременные с уже почти

готовыми животами, старики, щупавшие пальцами ног мальков, и часть купальщиков вроде Кирсановой: которые находили удобную естественную "ванну" и колыхались там уютно от воздействия проносящихся вдали моторок и ласкового течения.

– Птерыч, если ты – лягух, то не все такие отменные!

– Сам же звал попробовать водичку!

Арс привык к разнице температур и не успел заметить, как они с шефом отплыли на вовсе приличное расстояние от шума отдыхающих.

– Бро, что-то под нами как будто целый город.

– А так оно и есть. Не бойся. Если что, я рядом.

Замолчали. В тот раз Кирсанов тоже был с ним, но родители Арсена сейчас могли бы ещё не выплакать всех слёз по родному сыну, погибшему так внезапно.

– Хрисанф.

– Да.

– Ладно, я несильно, но понимаю, что всяко бывает.

– Это одно из самых сложных. И никто этого до конца не примет никогда. Но я очень рад, что ты позвонил.

– Если честно, частично, – ты мне нужен.

– Аэлита.

– Да.

– Пускай хоть так. У меня тоже есть жена.

– И там тоже какие-то непонятки.

– Какие?

Ученик попытался объяснить Агнию, что он испытывал на днях.

– Что это было?

– Состыкуемся на тот заброшенный корабль. Охохонюшки, бро, успел без меня наделать калачей. Что и следовало ожидать от этого стряпуна.

Глава 38

Хрисанф открыл какую-то герметичную дверь и достал оттуда, на удивление Арсена, два туристических складных кресла, мини-холодильник с газировкой, коробку консервов, приправы и маленькую газовую плитку. Босс быстренько надёргал несколько окуней, большого ерша и среднюю щуку. Всё это сложил в кастрюльку, не прошло и полчаса, как они прихлебывали ароматную уху и ковыряли столовой ложкой прямо из металлических банок другую рыбу в виде шпротов, килек и сайры.

– Далила не разрешает есть так. Обязательно надо в пиалу переместить. Так что ни-ни.

– Когда ты открыл сезон?

– После ледохода обычно. А может и раньше. У меня так везде бункерочки с припасами. Кушать-то надо.

– А эта штука не потонет?

– Нет. Эта ржавое корыто нас переживёт и потом прекрасно будет стоять. Хлеба бы. Так спешил, что ничего не взял с собой.

Лучи вечернего солнца раскрасили старое судёнышко в яркую медь, а по воде прошла золотая полоска, куда уселось множество чаек, прям как резиновых уточек в ванне: они мирно качались на волнах, чуть-чуть издавая негромкие звуки, как будто переговариваясь за ужином о сегодняшних будничных новостях и входя в дрёму от речного "телевизора".

– Не могу утверждать, но у тебя установилась какая-то связь с Аэл. И пока она не совсем осознанная. Я немного пошуровал, пока готовил еду.

– Где Аэлита?

– Оказывается, я знаю это место. Но у неё, скорее всего, будут нестабильные координаты.

– Но почему ты раньше не мог последить за ней?

– Я сделал это только ради тебя. Её служба носит засекреченный характер. Светиться нет особого желания.

Арсен понимал, что Агний предпочитает идти лесом и не особо переживает за крёстную своих детей.

– Уж поверь, я переживаю. Но совать нос, куда не стоит – неблагодарно и неблагородно.

– Птерыч!

– Ладно-ладно. Мне всё равно теперь придётся вмешаться, почистить следы от твоих лап.

– А?

– Там что-то произошло. То есть понятно, что Золотарева работает там, где активно с этими происшествиями. У неё, видимо, проскочила какая-то очень сильная амбиция. Очень

может быть, случайно.

– На неё похоже.

– Да. Внезапное телодвижение. Были люди на грани смерти. И тут включаешься ты. Говоришь ночью?

– Во сне?

– И ничего конкретного?

– Ничего, просто беспокожно спал, ворочался и как будто повторял что-то одно и то же. Однообразное.

Глаза Хрисанфа осветились и за считанные секунду стали ясного, спокойного голубого цвета, в глубине плавали яркие синие прожилки. Арс никогда не видел его таким. Исчезла та его неуловимая внутренняя напряженная вибрация, взгляд стал чрезвычайно пронизательным и в то же время добродушным. Он и смотрел на друга с интересом и любовью, но также его взор был как будто направлен куда-то далеко в космос.

Такое вполне хорошо было знакомо Далиле, поэтому она даже потворствовала тому, чтобы муж занимался наукой, различными изысканиями и вообще любой деятельностью, потому что Кирсанов, в отличие от неё, чем больше делал, тем более отдыхал и набирался сил и общей гармонии.

– Может, впереди их ждут куча других трудностей, но на этот раз они выжили. Благодаря тебе.

– А?

Агний улыбался.

– Я не учил тебя этому. Да и без Золотаревой ничего бы

не вышло.

– Она что, вылечила их?

– Она захотела. А операцию провёл ты.

– Чего? Почему это я во сне, не подозревая, что-то делал для других? Зачем? Ты меня запрограммировал?

Хрисанф любовался своим подопечным, как будто впервые увидел, как будто у парня были крылья, хвост или что-то, что заставляло радоваться сердце.

– Вообще нет. Я впервые имею честь быть свидетелем такого симбиоза.

– Что произошло, объясни ты мне, ради Бога?

– Ну, попроще. Допустим, есть вязаный свитер. Ручной вязки.

– А?

– Если его порвать (вязание самое простое, спицами), прореха начинает расширяться и может остаться только клубок ниток. Есть разные способы поставить заплатку. Многие работают. Включая медицину. Исключение – тяжёлые случаи. Как с теми ребятами. Они были подключены к системе, но уже теряли жизненную энергию. Всё стремительно уходит через прореху. Как вода сквозь пальцы. Путём конъюгации ты можешь стать ткачом и залатать эту летальную дыру.

– Поэтому это ощущение дятла?

– Да. Мы же сотканы из ткани. Как на ткацком станке. Ты берёшь челнок, крючок, иголку, неважно и начинаешь сшивать то, что подверглось до этого серьёзному повреждению.

Это монотонное занятие. Впрочем, эта монотонность лежит в базе у любого коньюгата.

– Но как? Откуда я мог? Я же ничего не знаю об этом. Даже слова мне эти мимо.

– С самого начала ты сохранял в себе то, что тебе нравилось, и даже отдельно синтезировал на собственной фабрике. Может, кое-что ты списал с меня. Ведь мы подходим друг другу. Такое бывает очень редко.

– Ничего я не списывал.

– Также громадный стимул от твоей ненаглядной. А это ты не понаслышке в курсе. Аэл на то и отенкай, что может сдвинуть гору к Магомету. Хотя всё когда-нибудь происходит впервые. Подобные способности не присущи всем коньюгатам. Среди нас немало и тех, кого мало что интересует кроме еды.

– Ну и я, как бы, не так чтобы думал спасать людей.

– Ты думал о Аэлите.

– Очень.

– Это перекрест мыслей.

– Аэлка – не коньюгат.

– Я и бы тебя пока не причислял. Но тут ошибки не может быть: ты вступил в коньюгацию с теми бедолагами и починил их организм. Заверяю.

– С чего бы.

– Я могу такое проделывать на расстоянии. Из-за этого и свой брат на меня косо поглядывает, так как коньюгат-

ские техники в основе требуют близкого контакта. Соединение. Но ты – нет. Ты – новичок и немного другого состава. Энергетические затраты, связанные с пространством-временем взяла на себя твоя маленькая жена. Это фишка отенкаев: огромный энергетический потенциал и сила доброй воли. Вот почему ими интересуются те, кто считают, что добро обязано быть с кулаками. Непросто это всё. Время очень относительно, это доказывает состыковка, несмотря на разницу часовых поясов. Вы оба были сонными и не кумекали ничего.

– Но как можно отремонтировать безнадёжное тело? Там же куча всего? За такой короткий срок!

Агний, как говорится, пребывал в ударе и в особом философском озарении.

– Сынок, сейчас разложу по полочкам. Например, целители. Они такое проведут, используя свою врождённую интуицию – практика, основанная на внутренних знаниях. Медики и учёные до непосредственного применения своих методов, изучают очень много теории, разрабатывают эту теорию. Тоже молодцы. Но им не хватает тех внутренних глаз, что есть, допустим, у доморощенного лекаря. Даже если есть, – школа другая, понимаешь? А у экстрасенсорного дедка наоборот слабовато с учебниками. Конъюгатам, в этом отношении, сподручнее. Они стоят на стыке. Между. Сама наша биология такова, что мы – естественные реагенты. Ты вполне прав, когда думаешь, что такой процесс мог бы за-

нять не несколько часов или сутки. Но тут существует очень простая вещь. Запуск. Важно точно определить точку старта. Там, где ты начинаешь контактировать с генами соконъюгата. Потом, при желании, можно накопить сколько угодно схем, формул и карт эксплуатации аналогичного внедрения. Грамотные точки старт-стоп гарантируют успех предприятия. Старт активизирует мощную движуху генетического аппарата. Это также стимулируется сторонностью: организм, даже в самом захудалом статусе, продолжает реагировать на воздействие окружающей среды. Влияние конъюгата оказывает стрессовый эффект и возникает временный союз типа ключ-замок.

– А это не опасно? Ведь человек довольно хрупок (вспоминает атаку Айнара).

– Цели и задачи, бро. Цели и задачи формируют общую тему контакта. Убить очень легко. Пустячно, я бы сказал. Строить гораздо труднее. И тем, может быть, приятнее.

– Зачем тебе это?

С заискрившихся глаз босса Иванов начинает вдуплять, что тот имеет много видов тайной "наркомании".

– Держать себя в форме. Не без этого. Быть в курсе происходящих событий.

– Хрисанфыч, не ходи вокруг да около.

– Совать палки в колёса по своему усмотрению.

– Так.

– Когда живёшь под юбкой жены, невозможно не вести

альтернативу.

– Так. Старик в деле.

– Баланс.

– А?

– Ну, разве не это одно из функций конъюгата? Баланс в природе. Там, где оторвалось, надо подправить. Сломать – любой дурак сумеет. Где-то и супы надо варить и детей выращивать.

– Ох, ты гребаный мечтатель.

– Мечтатель-практик.

– Что теперь делать будем?

– Полагаю, наследник Лавшики засёк наши пороссячи вылазки.

– Ой-йё. Этот какашкоед-хипстер.

– Он самый. Но мальчик достаточно хитёр, чтобы не беспокоить своего покровителя.

– Думаешь?

– Считаю. Стэнли руки потирает в предвкушении пенсии.

И зелёный принц не будет портить этот вкус ожидания.

– Тогда?

– Во-первых, уже послал кое-кого, чтоб переместил тех четверых счастливичков куда подальше от трибунала. Во-вторых, фальсифицируем результаты анализов. Обычно я поверх кладу обманку, чтоб челюсть не отваливалась у лаборантов и прочих заинтересованных лиц. Маска показывает ложную норму. Отныне всегда вшивай их в заключитель-

ной части. То есть, на локации шумихи не будет, решат, что ошиблись.

– А как с хахалем моей дражайшей?

– Мочить не будем, даже не мечтай. Внюхивается в конь-югатов – пожалуйста. Любое исследование – добре.

– Птер, ты просто невозможный чувак.

– Просто природный. Ничего особенного.

– Получается, не так уж ты и отрицаешь свою гребаную натуру?

– Я слишком долго живу с этой натурой. Так что просто сидеть и охать стало ненатурально. Лучше изучить вдоль и поперёк. Айнар недавно сказал Далиле, что является носителем человеческих генов по моей линии. Обвинил, так сказать.

– Это правда?

– Конечно.

– Ты же говорил, что мало чего знаешь о своём прошлом и о себе в целом?

– Что-то знаю. Но не могу утверждать и бить в грудь этим утверждением. Вот ты знаешь, как зовут твоего отца. Если постараться, и деда фамилию можешь разузнать.

– Я итак знаю.

– Молодцом. А я, как будто знаю себя лучше всех, но так не могу. Не могу сказать, как я по отчеству. И даже ностальгии во мне как таковой нет. Как я могу что-то стучать по столу с заявлением, словно эта истина в последней инстанции

об моём существовании?

– Извиняй.

– Да ничего. Именно, благодаря своей человеческой составляющей, у меня получается восстановить здоровье тому, кому того требуется.

– Как это?

– То, о чём мы упоминали выше, можно делать при помощи вирусов и иных технологий. Если расчёты будут добротными, эффекта, в принципе, можно добиться. И я также изучаю многие такие вопросы, и не раз создавал определённые методики, которые были после применены.

– И как?

– Наука. Она также неидеальна, как и всё в этом мире. Мы с Калитой постоянно трудимся над синтезом новых лекарств. Что-то – на ура, что-то – итак сойдёт.

– Ну вы филантропы.

– Никита умнее меня, и, возможно, опытнее. Если у меня опускаются руки, он знает, как воспрячь духом. Есть у него такая уникальная тяга к жизни вкупе с безграничным оптимизмом. Он – новатор и изобретатель, он же – перпетуум мобиле. Мне повезло, как мало кому другому – встретиться с ним. У нас особые отношения. Мы можем даже не разговаривать, всё понятно без слов. Речь – это просто как вид удовольствия. И Кузьма никогда не гнал на Далилу. Пусть она не такая, как мы. Он проявил великое уважение моим чувствам и моей семье.

– Да, Калитка, отличный паря. Я в свои годы старше его в сто раз.

– Дело не в возрасте. А в опыте. Он старше меня, потому что понятливее.

– А ты?

– Я предпочитаю использовать себя вместо другого материала. То, что я где-то человек, способствует сглаженной, аккуратной конъюгации, именно в области лечения.

– Что-то не почувствовал этой деликатности у твоего смешанного потомка, сорян.

– Цели и задачи, забыл? У Айнара одно в голове, оттого он свинтус в тыщу раз похуже тебя.

– А почему это вмешательство, вызывающее столь яркую реакцию, не отправляет в шок?

– Это и есть шок.

– С позитивным исходом.

– Тут очень тонкий момент: настройка.

Агний вновь всмотрелся в Арсена внимательным прозрачным взглядом.

– Я изумлён. Каким образом ты попал на нужную волну, находясь в не самом лучшем настроении в разлуке с любимой и после того подлого случая с моим сыном?

– Ну. Я, как бы, дрых. И вообще томат.

– Когда я собираюсь вступить в такое ответственное мероприятие, я становлюсь не я. Это не тот твой гребаный Хрисандель, дьявольское отродье. Ни коим. Надо очиститься.

Помнишь, когда учил тебя проходить по каналам? Надо быть чистым. И с очень большим процентом уверенности. Пятьдесят плюс один. Больше – лучше. Да, ты я вижу, смеёшься, что второй такой ходячий комплекс не отыскать во всём белом свете. Не отрицаю. Что правда, то правда. Но это ведь касается не одного меня. Надо стать желанием жажды жизни и при этом быть просто по-идиотски уверенным в благополучном исходе. Аэл вдохновила тебя, но ты чисто молоток!

– Ещё бы я осознавал это. Так, сказка, как будто.

Хрисанф начертил на коричневой от ржавчины стене корабля две линии рядом друг с другом.

– Вот сплошная. Это воображаемый потолок, граница. Та, о которой говорят, выше головы не прыгнешь. Норма – находиться под ней. Иногда я заглядываю за эту рамку, частично из-за этих своих способностей. Туда же высунулся и ты: чуток, носопырками. Эта черта имеет власть над человеком. И принято думать, что за ней ничего нет. Кроме смерти, например. Выход за этот горизонт наоборот помогает мне победить, пусть совсем чуточку, судьбу. Не буду агитировать. Это просто моя точка зрения. Это очень щепетильно. Поймёшь потом. Не секрет мироздания, а, как бы, ключ к самому себе.

Арс чесал макушку пятерней. Скорее, созерцал акт вдохновения своего босса.

– Унн.

– Этот пунктир – крыша Далилы. Она может летать ту-

да-сюда на творчестве. У неё нет конкретной герметизации. Вот, видишь, клапаны повсюду. И также она не видит разницы, то есть той чёткой границы, которую визуализируют другие, между мирами. Это и плохо, и хорошо, и никак. Просто нам приходится прикладывать больше усилия, чтобы понимать друг друга: мы слишком разные.

Кирсанов нарисовал выше этих линий что-то вроде геометричных еловых птичек.

– А это что за хрень?

– Это Аэлита. Все стены и преграды раздвигаются перед ней или сами, или под мощнейшим натиском. И мы где-то там, внизу, как букашки-таракашки.

– Да ладно. Моя чипололло очень даже домовитая и нежная.

– Конечно. Как и моя красавица – дурёха, а не гений. Золотарева б тоже до ста лет продавала кофе и бублики. Но вы, многоуважаемый, внушили ей, что она способна на большее. От этого сейчас все её проблемы.

Глава 39

Перед Агнием на столике расположилась пара пинеток не совсем одинакового размера. Причём одна обувка сколь угодно растягивалась, а другая была так туго связана, хоть гвозди вбивай.

Белошвеечка моя, искусница фриволите.

Хрисанф взял ботиночки и поднёс к окну, словно разгля-

дывая нюансы микросхемы.

– Пожалуй, один сапожок может носить брат новорождённой. Думаю, двулетнему налезет. А что, экономично.

Далила с экспрессией воткнула крючок в остатки пряжи.

– Я не буду переделывать!

– И не надо.

– Айка! Может, ты свяжешь, а? У тебя это не займёт больше тридцати минут. А я приготовлю тебе кофе из пакетика.

– Ни за что! Прекрасная работа! Своими руками и с любовью!

– Не издевайся. Вместо любви у меня за этот вечер сочился поток раздражения и слёзы злости.

Кирсанов, будучи растроганным, подошёл к жене и, уместившись на краешке стула, обнял.

– Прямо как в пятом классе. Ничего не изменилось. Ты всё также возбуждаешься от рукодельных инструментов и рыдаешь, когда у тебя ничего не получается.

– У меня никогда не получается! Слушай, дай денег. Может, я засуну туда хорошеньких купюр, чтобы восстановить равновесие? (скорее себе, чем мужу).

– Бери от своего банка. У тебя же есть.

Далила надулась (она, наверное, и в сто лет будет дуться, неважно, идёт это ей или нет).

– Но я коплю на собственные нужды.

– На какие такие?

– Например, на издательские. На творческие различные

потуги.

Врёт, обыкновенно жабит, но Агний воспринимает за чистую монету, и сразу же копается в одном из бюро, где хранит наличку на такие случаи. Такие заначки повсюду в доме, о многих Хрисанф начисто забывает.

– Вот. Но не клади их, ради бога, туда! В конверт специальный! Каждый раз одно и то же (бурчит). Не так, этой стороной. Дай я напишу, а ты просто подпиши. Ужасный почерк!

Она отставляет в сторону некоторые деньги.

– Это ты ничего не понимаешь. Нельзя так много. Это же всего лишь мойка попки младенца.

– Ну дай тогда сюда сдачу. Обратное положим.

– Нет, это мне.

– У тебя итак предостаточно.

Далила не так чтобы расточительна. У неё с деньгами полная несовместимость. Но она любит тратить мужнины доходы: на халяву же.

– Тебе что жалко?! На меня? Мать твоих детей? Сегодня даже не смей носа казать в спальню.

– На-на, бери! Всё можешь забирать! Ничего не жаль. Просто ты слишком халатно относишься к этому.

– Тя-тя-тя! Сам же чуть ли не на машину отложил в этот гребаный носок.

– Так пополнение же. Детишкам. Дети – это пожизненный вклад.

Выглядит немного оторопелым. Приехал таким важным, а сейчас опять – домашняя рутина. Далила отругала себя в мыслях.

Человек хоть как-то отвлётся. Неэффективная ты женщина. Просто бабка старика с золотой рыбкой.

– Агний.

– Да, солнышко.

– Это тебе на подарок.

Такой простой. Впрочем, как и я. Сияет, что твой медный тазик.

– Правда?!

– Ну да. Скоро ведь один из твоих дней рождения. Потом ещё один. Мои именины отмечаем с размахом. А твой др – не так чтобы.

– Мне ничего и не надо.

– А как насчёт того костюма в национальном стиле? Ты возле него минут пять простоял.

– Далила!

– Он завышенно дорогой, но думаю, тут достаточно. Хватит.

Не то чтобы он такой уж и франт. Просто давно себе приглядывал что-то подобное, но всё не отваживался: скажет, что за старческие заскоки, что за старомодность. Потому воздерживался.

– Я надену его на летний праздник и вдобавок пояс смастерю!

– Ну что ж. Это неприлично, но придётся мне там быть женой самого красивого мужчины тогда.

– Только пойдём вместе за покупкой. Не вздумай устраивать сюрприз! Ты себе подобрать не можешь. Не хочу ушивать такое добро, а то и вовсе разодрать в клочья, если возьмёшь на размер меньше. А я там мерочки сниму и доплачу, если не хватит.

– Ладно-ладно.

– Дорогая, ты такая щедрая! И внимательная!

В порыве удовольствия целует.

– Да, я такая умная. Сама же выпросила, сама же раскрыла, и ты сам себе приобретаешь.

– Умница моя! Рукодельница! Ублажительница сердца моего!

Прикол этого мгновения в том, что он и в самом деле так считает. По крайней мере, в настоящую минуту.

***

В другом крыле.

– Ты, жирная свинья, подь сюда!

Айнар кличет Веронику, беспечно скачущую по коридору.

– Сгинь, вонючка!

Девушка хочет пробежать мимо брата, но тот ставит ей подножку. Верон предусмотрительно перескакивает его тапок и показывает язык.

– Ты видела отца?

– Саша с Дашей удалились строгать детей.

– Чевооо?

– КирСаш с душенькой.

– Заткнись уже, кабаниха.

– Сам такой! (возмущается) (приходит в боксерскую стойку).

Тут надо отметить, что средняя старшая из тех, кто влезет в драку с кем угодно.

– Хватит уже придуриваться! У меня есть к тебе дело.

– Какое?

Из-за внезапности выпущенного Вера отпускает кулаки и открывает рот.

– Только это между нами. Проболтаешься толстухе – скручу в бараний рог!

Незаконная дочь вся розовеет: всякое интриганство, пусть в зачатке, по её части.

– Договоримся в цене! Гони в размере моей трехмесячной и я добуду тебе любую информацию.

– Ах ты, жирная продажная шкура! Ладно, завтра с утра обменяю. Сейчас нету.

– Замётано! Но если обманешь – выдам тебя с потрохами Сасконаю.

– Чевоо?! Почему ты его так называешь?

– Тебе этого не понять. Так чего тебе?

– Кто такая Аэлита?

Вероника скривила свои пухлые губы.

– А, это что ли. Зазнайка одна.

Глава 40

Далила приехала поздно ночью. Агний подумал: "Ничего себе родины, по-моему, продолжение банкета". Он немного, так невзначай, понюхал жену, предусмотрительно камуфлируя это под действия типа "я соскучился". Кирсанов не был против того, что подружки что-нибудь сообразят дальше, и, конечно, абсурдом было бы подозревать наличие небезынтересных мужчин (кроме мужей), но, всё равно, на всякий случай включал эти свои пропускные радары.

– Как всё прошло?

– Нормально. Но скучно.

– Это же мойка попки нового спиногрыза. А чё так долго тогда?

– Потом посидели. Были некоторые девочки, с которыми давно не виделись.

– Аа.

Чистенький и аккуратный укладывается в постель. От неё он уже давно перестал рассчитывать на ответную семейную гигиену: она только стянула с себя одежду и рухнула в кровать.

– Я не пила, если твоя многозначительная минута связана с этим.

– Нет, просто я тосковал без тебя.

– У тебя была куча дел. Наоборот, без меня от души на-

воротил всякого, наверное.

– Без отвлекающего маневра, конечно!

Тянется к супруге и обнимает полностью.

– И не было там никаких мужиков. Своего София спровела сразу после официальной части.

– Ох, вечно вы с нами так: жестокие мегеры.

– А он с удовольствием ускользнул, по-моему. Хорошее дело браком не назовут.

Хрисанф отвлекся от поцелуев, которыми покрывал супругу и посмотрел на неё обиженно и строго.

– Там что, были феминистки и старые девы? Опять набралась всякой дури.

– Только Нюра и была. Ты же знаешь, что бессемеиным к семейным вход воспрещён. Но Нюра – близкая подруга Софи, так что она была.

– Я её! Пожалуй, подсуну этой вашей отступнице кого-нибудь. Вечно промывает вам мозги.

Далила взяла с тумбы кусачку и подровняла сломанный ноготь, который итак был короткий и без маникюра.

– Жаль, что ты не пошёл вместе со мной.

– Я хотел. Но если там были одни бабы, то не уместно было бы.

– Айка, никто не считает тебя подкаблучником, если ты опять об этом заморочился. Ты ведь знаешь, что они меня впустили в свой круг только, когда я вышла замуж и стала матерью. До этого была нон грата.

– Мне пришлось бы быть обслуживающим персоналом. Потому Володька и сбежал. А потом слушать все эти ужасные сплетни. Брр! Даже в самом страшном кошмаре не приснится то, что вылетает из уст этих прекрасных созданий.

Кирсанова бросила на супруга взгляд, полный скептицизма.

– Ой ли. Тебе нравятся все эти мелочи, которые многие терпеть не могут. Ты же любишь прислуживать дамам.

– Ну, хорошо. Это да. Но с берушами в ушах.

Хрисанф попробовал было поприставать к ней, но Вероника ошибалась. Они не каждый раз "строгали детей". Даже несмотря на то, что Агний – добротный любовник. Из-за этого он также комплексовал, но, всё же, приходилось признавать, что его половинка далеко не горячая штучка.

– Любимый, не хочу. Я буду спать.

Она тотчас повернулась к нему спиной и задышала мерно, притворяясь, что уже дрыхнет.

– Далила.

– Ну чего тебе. Что тебе от меня нужно?

– Как что... Ты.

– Извини, не сегодня.

– Ну, Далила.

– Я сплю.

Он теперь приставал к ней не по их супружеским физическим обязанностям, а оттого, что она была не в духе.

– Далила-йаа.

– Ты думаешь сменить меня на другую?

– Нет же.

– Можешь сменить.

Хрисанф по-настоящему рассердился. Почему-то, это его раздражало даже больше, чем если б она флиртовала с кем-нибудь другим. Даже Григорьева он мог допустить в качестве её воздыхателя. Но не то, когда она посылает его к другим женщинам.

Она об этом знала, но всякий раз забывала. Ей это было непонятно.

– Далила, что случилось?! Повернись ко мне, надо поговорить.

Услышав возмущение в его голосе, она с удивлением обернулась. В её голове медленно крутились догадки: что его так расстроило?

– Агний?

– Хватит уже.

– Что хватит?

Хрисанф немного отвернулся, совсем чуток, на 35 градусов.

– Ладно. Ты устала. Спи.

Кто-то на её месте, наверное бы, утешила его, смягчила бы ласками, но Кирсановой такого такта не хватало.

– Спокойной ночи, дорогой.

Она укуталась по уши в одеяло, хотя стояло лето, и вскорости действительно захрапела.

Утром ей вдубасило об этом упущенном факте, потому что, проснувшись к десяти, она обнаружила его рядом. Надо сказать, это не совсем и не всегда было нормой для Кирсанова, так как он – ранняя пташка.

Далила толкнула мужа и что-то спросонья проворчала, но тот не отреагировал. Тогда она испугалась: не умер ли? Ведь только внешне такой моложавый.

– Агний.

– Не подох я, к твоему неудовольствию.

– Это что за разговорчики! И почему ты тут развалился? Ещё чего! Брысь!

Хрисанф медленно к ней развернулся и она увидела, что он не спал и глаза его были грустные. Сон и Кирсанов живут отдельной жизнью. Он не спит больше семи часов, но об этом когда-нибудь потом.

– Далила.

– Ах ты червь полосатый! Убирайся в комнату для сержения и спи там, если тебе тут тесно!

– Далила, ты что, совсем меня не любишь?!

– Это из-за того что я тебе не дала? Ты же был в курсе, что тебе досталась старая жирная фригидная тётка!

– Далила!

Он резко встал и направился к выходу. Но у самой двери остановился, подошёл обратно.

– В чём дело? На твоё настроение у меня, как говорится, аллергия. Чего ты от меня хочешь?

Хрисанф готов был лезть на стенку, что твой таракан.

– Тебя! Мою жену!

– Агний...

– Я не об этом, если ты об этом! Какая глупость!

– Что произошло?

– Это ты мне скажи! Я живу себе нормально, счастливо, а ты заявляешься с детского праздника и посылаешь меня к чужим женщинам!

Тут только она вспомнила, что он почти болеет, когда ему подсовывают кого-то ещё кроме неё. Это было так глупо и идиотски. Как это вообще можно понять? Быть несчастным оттого, когда тебе скажут: ты достоин лучшего. Это же хороший позыв. Но он и слушать об этом не хотел.

– Ладно, там был один пустяк.

Глава 41

Далила села, прислонившись к изголовью кровати. Она хотела поспать ещё, но поняла, что, видимо, придётся это отложить, потому что дражайший муж требует к себе внимания.

– Ну, иди ко мне. Хочешь?

Агний без особой охоты лёг на краешек огромной постели.

– Между прочим, не ты тут одна набиваешь цену. Я, между прочим, тоже не первой свежести мужичок. Не хочу и не буду.

Он три минуты изучал потолок, но потом не выдержал и устроился рядом с ней.

– Поспи вот так.

– Дэли, я не могу.

– Что, сон не идёт?

– Нет. Не об этом. Ладно, сегодня лягу после девяти. Стараюсь хоть как-то соответствовать тебе, но не получается.

– Я думала также. О себе.

Хрисанф посмотрел на неё с удивлением. Она не заметила его взгляда, так как сидела с опущенной головой и изучала свои кисти.

– Почему?

– Ах, ты маленький почемучка.

Кирсанова запустила руки к нему в подмышки, попутно залезая под его простую серую ночную футболку, но он мягко отстранил её движения.

– Я – не маленький. Давай договоримся, что ты не будешь делать из меня старшего ребёнка.

Он сказал ей это, поскольку она могла посчитать, что так и заведено в обычных семьях. Она и вправду так считала, особенно сейчас, когда до того была прохладна с ним.

– Хорошо. Тогда давай поступать, как взрослые. И кукситься не всю ночь, а пару минут.

– Но, крошка, я не могу так!

– Не кукситься?

– При чём здесь это. Невыносимо слышать от тебя такие

слова.

– Аа. Но я всегда напрочь забываю, что это тебе не нравится.

– А я всегда забываю, что ты забываешь и вообще глупая.

– Не спорю. Помнишь, как я в первый раз вlepила тебе пощёчину, когда ты завёл эту волынку?

– У меня левая щека до сих пор горит.

– Прости.

– Просто простишками от меня не отделаешься. Что случилось? Что с тобой сделали?

Далила бессильно припала к его груди. Молчание.

– Ничего. Просто я чувствую себя ничтожеством.

– Ох, детка. Начинается.

– Поэтому я и не хотела ничего говорить. Ты не понимаешь. И никогда не поймёшь.

– Я не пойму? Это ты ходячему ничтожеству?

– Да брось. Ты – замечательный. В тебе есть все хорошие черты. Просто ты сам их не видишь.

– Тоже самое скажи и себе.

Она улеглась на его коленях, пока он расчесывал пальцами её запутавшиеся волосы и массировал плечи и холку.

– Знаешь, это странно да, что люди вырастают. Некоторые девочки бывают такими пацанками, но лет через двадцать от них веет гиперженственностью.

– Далила, это происходит со всеми. Все девочки когда-то становятся женщинами.

– Но не все по-одинаковому. Вот есть, например, твоя Туяра.

– Она – не моя Туяра. Леонида Туяра. Не моя.

Речь идёт об одной из работников, которая вела множество бюрократических моментов, которых Кирсанов с Калитой, разумеется, вдвоём никак не могли осилить.

На самом деле, Далила даже ревнивее мужа. Отличие в том, что он никогда ей не изменял физически. Да и в других смыслах придраться было не к чему. Но Агний входил в число тех мужчин, которые обходительны с каждой представительницей прекрасного пола. Она сама хотела такого любимого, но в реальности нехило так раздражало, когда он чуть ли не ласково относился к какой-нибудь чувырле. Ладно, к красотке.

В этом не было прямой вины Хрисанфа, так как делал он это ненарочно, а по природе своей. Ему, по этой его натуре, казалось что долгому волосу надо дарить свое терпение, не требовать слишком многого и потакать, потому что это же слабый пол: их надо защищать. Потому и не видел, что супругу бесит, когда он идёт за какой-нибудь коллегой, как собачка, и несёт коробку с её вещами, вежливо обсуждая погоду, детишек или какие-нибудь более возвышенные штучки, о коих его базарная баба не кумекает вовсе.

– Вот эта твоя Туяра, несмотря что пашет, как бульдозер, просто образчик элегантности, утонченности и нежности.

– Да, ей бы не помешало набрать один-два килограмма

(задумчиво). Но она много работает. В таком темпе особо не потолстеешь. Ты же в курсе, что мы с Никитой лентяев не жалуем: нам нужен сплочённый динамично-энергичный коллектив.

Далила испустила хнык отчаяния (иногда он такой бестактный!).

– Вот и дуй к ней!

Агний мгновенно приостановил свою излюбленную рабочую тему.

– Опять!

– У неё всегда такой ухоженный вид. Начала с мк да в подростковом возрасте. Потом перешла на дорогую косметику. Затем остановилась на доступных корейских брендах, потому что: а) надо кормить деток, б) прекрасно отбеливает, в) у неё хоть и большущие глаза, но надо признать, что азиатка и что ей это больше подходит.

– Что за желчь, Далила.

– Вот и получай. Твоя Туяра всегда на каблуках, притом обувь её никогда не стоптана. Юбка, даже если сидит, не отрывая своей подушечной фитнес задницы восемь часов подряд, без складок.

– Это же ткань, которую мы уже пять лет производим!

– И лицо у неё умиротворенное, полное женского одухотворения, дескать, сейчас я без тени негатива выслушаю эту тётю, потом со счастьем приготовлю картошку своему обожаемому мужу и ребятишкам, постираю, доведу всё до иде-

ала и...

– Туя, между прочим, как и ты, многодетная мать. У них три сына.

– Прямо как в сказке! Эта богиня ещё и размножаться умеет! А я думала она из картинки выпала, чтобы доводить до исступления таких, как я!

Должен был рассердиться и страдать Кирсанов, а вышло, что сильно была расстроена она. Так что он закопал где-то далеко свою боль от того, что она подсовывает его кому попало, хоть бы его работнице.

– Сардана.

Пытается обратиться к ней, не как законный супруг, а как стороннее заинтересованное лицо.

– Я знаю, что тебе не нравятся плохие люди! Так что можешь катиться колбасой!

– Далила.

– Я просто посмешище. Я не могу даже стоять рядом с ними. Не заслуживаю.

– Титях, не надо себя сравнивать. Мы же все разные.

– Ты говоришь, что все людишки на один манер.

Он обнял её, чтобы предупредить её слёзы. И обнял не так, не с жалостью, чтобы потонуть в соляном потоке. А так – как обнимают любимую и желанную.

– Единственная.

– Ты ненавидишь меня. Поэтому можешь развестись со мной и жить себе спокойно (не сдаётся).

– Кажется, кто-то перепил этих гребаных женских гормонов. Кажется, где-то тут прячется пацанка, или та девчонка с рыжими бантиками.

Отыскивает её глаза и губы, потерявшиеся в ведьминых патлах.

– Ну что ж старик. Буку в этом браке тебе не изобразить, бесполезно. Я твержу ей, что просто умираю, когда она хватает любую и тычет меня к той, как будто я ненужная мягкая игрушка. И вообще не считается с моими чувствами. Намедни подслушал трескотню Туи и прочих в обеденное время. Они обсуждали, как их отделала Нюргуяна с финансового отдела. Типа, Нюргу – сорокалетняя одиночка, и что она не понимает, что такое семейные проблемы и думает только о себе. Что она стала начальницей, чтобы помыкать другими: больше-то некем. Потом признались: Нюргу же как сорокалетняя девочка-подросток. Она и в сто лет останется такой. Допили свой чай и простили.

– Мораль сей басни.

– Нюргу – это зверь, палец не то что в рот, ближе чем на два метра не подпускай. Туя – просто красивая женщина. Кто-то же должен нести красоту в этом гребаном мире, где даже красота уродится. Не знаю, наверное, это модно.

– А я?

– Ты – это ты. Может, тебе было плохо оттого, что ты почему-то хотела стать ровно, как они.

– Но я их постоянно вижу. Я постоянно вижу тебя. Гребан-

ных идеалов.

– Я далеко не такой. Если б я был идеальный, я бы смог успокоить тебя, сделать тебе хорошо и счастливо.

– Нельзя дружить со всеми. Если бы я дружила, то я бы не чувствовала себя дном.

– Вот это ближе к правде, как будто. У меня также.

– А у других?

– Я не знаю. Может, они, как идеальная программа, сейчас едят сушки с колдой, лыбятся друг дружке без остановки, рожают каждый год и дети их любят. И сами они отутюженные и отглаженные.

– Самим собой или жизнью?

– Сначала второе, потом первое. Хотя, может, ошибаюсь. Может, это просто мировой уклад. Они тоже когда-то бились в мелкой луже, душно им было, неизвестно от чего, потом вошли в удобное им русло и всё потекло как надо. А, может, просто глупцы, подумавшие, что стандарт – это высшее предназначение. Я, честно, не знаю. У всех по-разному, наверное.

– Тогда прими, что я никогда не успокоюсь. И всегда буду такой, что тебе захочется сбежать к другим.

– Ну. Может, я не хочу бегать, как ты. Не такой уж я подвижный. Не такой бурлящий. Зачем мне что-то многое и ненужное мне, когда у меня уже есть. Я ведь тебя люблю.

Он поцеловал её и наконец она завершила своё недовольство.

– Теперь, сейчас я хочу быть хорошей женой.

– Нет. Теперь я держу осаду. Ничего не получишь целую неделю. Ты меня довела. Просто буду лежать, как простынка.

– Ты врёшь. Что это?

Пытается убрать одеяло, которым он упорно прикрывается.

– Нет. Там ничего нет. Не буду к тебе вообще прикасаться.

Буду целый день работать.

– Ну Агний! Солнышко!

– Вероника болтает всем, что мы тут милуемся, а я даже не соответствую этим рассказням.

– А откуда тогда куча людей в нашем доме?

– Но всё равно, Далила. Если ты не хочешь, то и я не хочу.

Она несильно нажала пальцами в одном месте (не на том самом, просто на теле), отчего он вскрикнул и крепость его рухнула в ту же секунду, обнажив всё его желание.

Но далее всё было более менее в классическом стиле, так как она не позволяла ему уж слишком вдохновляться, потому что он был похож на человека, который умрёт во время соития. Так что вполне скромно всё там было.

После.

– Хорошо что ты хорош в этом.

– В чём?

– Ну, опять ты тупишь. В этом.

– Аа. Я так не думаю.

– Мне кажется, порой наше тело в целом лучше, чем наш

МОЗГ В КАКОЕ-ТО МГНОВЕНИЕ.

– То есть рассудок?

– Ну да. Он такой умный, но ничего толком не может решить. А тело куда-то ведёт. Как птицы находят места для зимовки и летника.

– Не слишком-то развивай эту тему.

– Почему? (перестала быть суперважной особой, центром вселенной, средоточием проблематик).

Хрисанф смеётся.

– Сомневаюсь в своих способностях.

Далила толкает его, но только сама же мячиком возвращается к нему.

– Вообще – да. Если бы тогда я сама не пристала к тебе, мы бы никогда не были вместе.

– Ох, я бы и через тысячу лет не осмелился. Ходил бы вокруг да около, как дурак.

– Я не могу ждать тысячу лет.

– Хорошо, что ты не стерпела.

Обнимает.

– Тебе не нравятся подстилки и несерьёзные.

– Откуда ты это взяла вообще. Где напридумала. Я вообще не могу так считать, хоть о ком.

– Почему?

– Вот почемучка. Потому.

Целует.

– Но почему?

– Я забыл, о чём мы говорили.

– Агний!

– Но я отвлёкся! Я не могу думать о чём-то левом, когда ты рядом. И не хочу.

– Ладно-ладно. Ещё раз и иди на боковую.

– Тогда придётся тебе ждать до девяти.

– Чего?!

– Ну, хорошо, ещё раз и на боковую.

– Не переиначивай!

– Ну, хорошо, я пойду спать к себе в кабинет.

– Окей.

– Но только если ты пойдёшь вместе со мной.

– Я пойду. Поем, посмотрю за детьми и подойду.

– Разбуди меня поцелуями и я буду весь в твоём распоряжении.

– Хорошо, если к тому времени ты отоспишь свою порцию, то и я буду вся в твоём распоряжении.

Глава 42

– Туяра Афанасьевна?

– Птерович?

Хрисанф, задобренный Далилой, назавтра с утра пораньше поехал в тот офис, где занимались, как говорила Кирсанова, всякой бумажковой волокитой, связанной с бизнесом тандема. Вероника давно пронюхала про эту маленькую особенность работодателя, так что время от времени, как

бы невзначай интересовалась у хозяйки, в каком настроении пребывает Сачик: в хорошем или суперхорошем? Если ответ был утвердительный, то девушка на всех парах бежала к Агнию, чтобы поканючить денюжки.

– Сасконай, я, как бы, не жалуясь. Меня моя зарплата устраивает. Но знаешь, будет день рождения у одной моей школьной подружки, а ничего приличного из тряпок нету.

– Это же не твой ДР.

– Но Сурук! Все будут в бальном стиле (врёт), а чем длиннее платье, тем оно дороже-с!

– Ладно, спроси у Далилы, у неё там много заначек.

Вообще-то, это Хрисанфа банки, коробки и склянки, предусмотрительно припрятанные для жены, но она выдаёт наглой горничной сколько та просит, потому что в таком состоянии мужу будет абсолютно равнодушно, если Верон отсыпят хоть миллион, хоть миллиард.

Далила однажды в шутку сказала: "Сейчас же дай мне для благотворительности в пользу бездомных животных энную сумму".

Потом благополучно забыла об этом, отвлекшись на приятную беседу с супругом, а на обед к ней пришли с визитом на работу, что как-то не могут принять столь крупное пожертвование. Пришлось Кирсанову самому разруливать с документацией, чтоб перевод прошёл. После этого та ассоциация расширилась от маленького любительского объединения до крупной фирмы, обеспечивающей сеть зоотоваров

и клиник по всей стране.

– Ты что, дурак? Или вообще перестал понимать юмор.

– Ещё один такой поцелуйчик и завтра они получают в тройном размере (какой-то опьяненный и одурманенный, напевающий песенки).

– Ээ чэ, иди отсюда уже, потом поговорим.

Если по-откровенному, ничего такого сверхвыдающегося он и не просил никогда. Ему предостаточно и верх меры было и того, если попросит чмокнуть в щеку или погладить шею, и она исполнит, а то и вовсе "улетит" куда подальше, если Далила сама проявит какую-то инициативу и сообразит что-нибудь простое, примитивное: сама набросится к нему с поцелуями, случайно найдёт ту самую точку на спине (на боку, руке и так далее), проронит что-то ласковое – всё, готов.

Даже Виктория иногда пользовалась этим его добрейшим расположением.

– Александр, тут бы шторы обновить.

– Зачем?

– Как это зачем? Уж не думаете ли вы, как Далила, что их можно менять раз в десять лет? Хотя бы каждый сезон. Сейчас лето. Что-нибудь такое, светлое, а?

– Ох, это всё хозяйка дома ведаёт! Как она захочет – пускай так и будет.

Разумеется, дизайнерские заморочки не так, чтобы были интересны сеньорите, но Вики уверенно направлялась к Кирсановой с выбранной тканью и заявлением, что Хрисанф

попросил её сделать что-нибудь приятное для неё, так что она вот решила чуток поменять оттенки в их комнатах.

Агний смотрел на работницу, как будто впервые увидел.

– Ах!

– Что с Вами, Саша?

Туяра была ровесницей Далилы, так что ей допускалось обращаться так к своему начальнику, тем более, что она присоединилась к их компании уже пять лет назад.

– Какой позор!

– Позор?

Женщина обеспокоенно зарделась.

Что случилось? Неужели я ошиблась в отчёте?

– Туя, вы же считаете оплату моделей-временщиков в Далила Катс?

– Да, и это тоже. Где-то недостача? Могу объяснить.

Она тут же надела очки и приблизилась к монитору в ожидании указаний.

– В этом смысле никаких нареканий. Хватит непостоянкам и по мелочёвке.

– Я всё дважды проверяю.

– Молодец. Но во что же вы одеты?!

Туяра залилась розовой краской, даже её милovidные уши, длинные красивые пальцы, локти – всё вспыхнуло зарёй. Для среднего возраста она выглядела превосходно.

– Александр, я...

– Ничего не говорите и простите меня, ради Бога, за эту

бестактность! Заразился от своей любимой. Идёмте за мной.

– Но в девять придёт клиент.

– К чёрту его! Если я схвачу вас за руку и потащу, мне придётся потом объясняться перед женой за плохое поведение, так что, пожалуйста, следуйте за мной, соблюдая дистанцию.

Глава 43

Далила полусидела-полулежала на кресле-качалке, проверяя активность своего официального фансайта, отчего вес устремился в одну сторону, заднюю, а передняя часть сверкающих узорных дуг висела в воздухе. Однако конструкция не падала: было рассчитано на массу тела Кирсановой. Агний вошёл в эту комнату отдыха и, увидев, что жена занята "мегаважными" делами, чтобы не отвлекать, тихонько водрузил очки на нос, взял свежие утренние газеты (да, в будущем они ещё выпускаются) и удобно устроился на кресле-качалке напротив.

– Что ты опять их нацепил? Раздражает. У тебя же хорошее зрение.

– Ну, каким бы оно ни было, с возрастом всё равно развивается дальновзоркость.

– Ничего подобного. Ты прекрасно видишь на таком близком расстоянии.

– Далила, не спорь. Вот доживи до моих лет и узнаешь, что поначалу мы близоруки, потом дальнезорки.

– Не играй словами.

Хрисанф отложил чтение и поднёс к правому глазу монокль с резной ручкой.

– Что там понаписали?

– Э, пару строчек. Сдаётся мне, это Костя от другого имени. Кто же ещё. Особой движухи больше и ожидать не от кого.

– Что же начеркал твой красавчик?

– Сам ты красавчик. Вот.

Она протянула ему гаджет и Кирсанов минут десять изучал небольшое сообщение, где были указаны ляпы и ошибки в некоторых новых главах, причём, надо признаться, небезосновательные.

– Хм. А Григорьев довольно внимательный. Я вот не особо акцентируюсь на временных несостыковках. Но, может быть, просто разница в мышлении человека и конъюгата. Я наоборот всегда думал, что это некая твоя фишка: нелогичность и разбросанность повествования.

– Сам ты нелогичный. Дай сюда.

– Симфония моей души!

– Да пошёл ты.

Он отбросил свой плед и полез к ней на её сиденье. Кресло вообще приобрело вид какой-то странной диковинной мебели.

– Я стал таким дальнорезким, что, кажется, перестал видеть то, что вблизи.

Нежно обнимает, осторожно кладёт её "рабочие" инструменты на светлый лакированный пол из тоненьких половиц (как в одной из её школ, только чистый и комфортный) и укрывает обоих большой подушкой.

– О чём ты?

– О Туге, например.

– Если ты ещё раз при мне произнесёшь это имя, я рассержусь и уйду.

– Ну, хватит поддерживать меня своей вымученной ревностью. Я не об ней, как о женщине, а просто о том, как ты её ощущала, а я – нет.

– Я тебе ощу. И ничего я не выдавливаю. Хочешь к красоткам – проваливай. Я признаюсь, что и кончика их драгоценного ногтя не стою.

– Вот экзистенциалистка. Совершенно своенравная перевернутая ёлочка.

– Ладно, валяй, что выкинула эта милфа.

– Я, наконец-то, узрел её! Вот ты говоришь, такая, сякая, ух! А вообще не замечал. Мне нужны были только её деловые качества.

– А теперь?

– Сегодня, после того, как ты меня вчера обработала, я прям побежал смотреть, что это за чудо. И бывает ли такое на белом свете.

– Ничего я тебя не обрабатывала, я жаловалась, не удержавшись.

– И. Занавес. Аплодисменты.

– Чевоо?

– Ты так мило копируешь "городских". Не отвлекай меня, а то я пытаюсь рассказать, как вдохновился чем-то другим, но, как оказываюсь рядом с тобой, всё это меркнет в сравнении.

– Айка. Ниэрбэ (нерва).

– Туя, оказывается, ходячий претендент на лицо Далила Катс в средней возрастной категории!

– Агний, если ты эту тёлку сделаешь моделью ДК, я!...

– Что?

– Я...

Не находит слов и барабанит его грудь кулаками.

– Ты что, серьёзно что ли? Да ничего я к ней не чувствую. В этом смысле. Чисто профессионально. Сдались они тебе. Их же тыщи.

– Уэээ!

Целует.

– Я и сказал Афанасьевне, что единственное лицо Далила Катс – моя жена. Это же её дом. Но что она чуть не убила меня, когда я приготовил первую рекламную вывеску с ней. Знаешь, Туяра тоже, оказалось, тебя очень любит.

– Ненавижу.

– Она так и выдала: Саша, ваша супруга просто замечательная и вы с ней такая прекрасная пара.

– Ты ничего не слышал о бабьей хитрости.

– Ту сказала, что однажды ей не с кем было оставить младшего сына, который простудился и она взяла его с собой на работу. И что ты присмотрела за ним часик абсолютно великолепно.

– Да она подбросила его мне, прикрикнув, что у вас аврал. Пришлось мне сидеть возле этого сопляка и считать минуты.

На самом деле, всё так и было на самом деле. Туяра действительно очень уважительно и положительно-нейтрально относилась к супруге своего босса, но истекла в любезностях о ней скорее не из-за подхалимства, а из-за своей уже извечной профилактики на мужиков. Первичные восклицания Хрисанфа удивили её, ведь он никогда так не поступал. Она была очень довольна, когда устроилась у тандема: платили добротно и стабильно, а к нагрузкам была привыкшая. Но с вниманием со стороны противоположного пола было гораздо туже. Она, честно говоря, даже была рада, что наступает зрелость, потому что в более молодые годы охотников до неё было столько, что это составляло большую проблему для самой Туяры и её семьи. С женщинами она ещё как-то справлялась: завистницы, вроде Далилы, шли в игнор и забвение, конкурентки похуже падали под натиском, обнаружив кроме внешних данных, трудолюбие, упорство и ум, а третьи бывали поражены её добротой, что свергала почище обычных интриг, заговоров, сплетен и так далее. Так что подружками Туяра обзавелась давно, и везде, где ни появлялась, заводила свой маленький тёплый девичий круг. Но мужчи-

ны, в её понимании, делились на два лагеря: кто понимает, что она – всего лишь человек и замужем; и кто ничего не понимает и лезет напролом. С первыми она дружила, держала во френд- или фан-зоне. Вторых предпочитала избегать, поскольку не могла использовать их же замашки, не способна была к дракам, склокам, флирту и вилянию (ну не было в ней этого оружия, чем владеют многие представительницы слабого пола, хоть бы инстинктивно). Из-за всего вышеуказанного бедняжке пришлось работать в очень многих и разных местах. И уход (увольнение, побег) прямым образом были связаны с какими-либо требованиями в её адрес со стороны тех, кого она уже не очень так и любила. Она была однолюбом и хранила верность, как и Хрисанф, как и Калита, как и половина населения Земли, может быть. Поэтому, надо сказать, глубоко вздохнула, когда случайно, по объявлению, попала тоже не к начальникам-женщинам, но к старику, всем существом поглощенному и увлечённому всевозможными занятиями и к Кирсанову, почти его дублю, но более молодому, привлекательному и категорически женатому. Жизнь потекла спокойно и размеренно, не считая насыщенных трудовых будней. И тут как снег на голову: шеф с приподнятыми бровями, завидевший сикстинскую мадонну, и потоком комплиментов. Всё, что она могла сделать, это напомнить ему о его семейном статусе, совести и чести. Туя же не могла предположить, что все эти охи и возгласы, поход в Далила Катс за пополнением её гардероба связан не с её при-

родной способностью прилеплять к себе мужчин, как навозных мух, а с реакцией его жены. Она всячески отказывалась принимать подарки в виде одежды, аксессуаров и украшений, но Кирсанов вполне справедливо указал, что если она сейчас не возьмёт, то Калита войдёт в их подъезд и прямо у их двери начнёт строчить на машинке. Это очень похоже было на правду, поэтому Туяра в ближайшие дни распрощалась с костюмами и рубашками, которые носила по три-пять лет, так как босс сказал, что не может выносить, когда женщина так бережёт свои вещи. Особенно, такая красивая, которой сам Бог велел одеваться с шиком и блеском. Сам-то он, может, конечно, и сейчас напяливает кожаную куртку, в которой был на первом свидании со своей чудесной крошкой, да и Далила (чудесная крошка) не по этой части (как мы с Никитой не бились), но долгий волос обязан себя холить, лелеять и баловать. И что они всегда дают штату приодеться-приобуться за счёт компании, и почему она такая гордая отказывалась от того, что заведено. Однако, стать лицом ДК Ту вежливо, но отказалась.

– Почему?

– Почему-пчему. Откуда я знаю, что творится в женских головах. Пошутила, что она, как моя жена – не по этой части.

– Как так?

– Ну она же не манекенщица, дорогая. Она циферки любит подсчитывать, финансовый директор. Финдиректор в стареньких шмотках. Что я за магнат и филантроп?! И толь-

ко ты смогла мне открыть глаза.

– О дьэ. Акаары быбылах (дурак). Ты сам себе лепишь какие-то теории из моего повседневного нытья. Я её чморила и перемывала косточки, а ты возвёл так, что я теперь где-то в аду под подмётками.

– Ноль где-то здесь (указывает в воздухе между их сердцами).

– Золотая середина?

– Да, неуловимая и недостижимая.

– Скажи, что любишь меня и что не пялился на её щедроты.

– Щедроты у ней, что надо. Но я тебя люблю.

– Ах ты, гадкий потаскун! Ты пялился, всё-таки!

– Но сама же сказала, что у меня отличное зрение. Вот эти пучешары и глазели.

– Агний!

Он – конъюгат. Выбрав его, я приняла, что он – активист и деятель. Он – создатель впечатлений, каждая секунда его жизни должна быть преисполнена событиями и движением вперёд.

Она – созерцатель. Моё наслаждение, растянутое в бесконечности, единственный смысл моего существования. Космос, в котором я живу. Любовь, которая наполняет счастьем каждый мой вдох, каждый шаг, каждое мгновение.

Туяра доливала себе горячей воды в чашку, чтобы размешать крепкий кофе этим ранним утром. Она стояла одна в коридоре, когда скрипнул боковой служебный вход и показался длинный кусок атласа и часть большого цветного веера: Далила встала спозаранку, раньше мужа, чтобы смотаться в этот дальний для неё офис. Он стоял почти в самом центре города и камуфлировался (хотя камуфлировался ли) под вывеску, ненавязчиво приглашающую стать дистрибьютором или клиентом замечательной косметической фирмы, где в самой начальной витрине представлена небольшая коллекция банок с кремами и маслами и вроде всё на этом и заканчивается. Кирсанов с Калитой производили и влаживали в аналогичную продукцию в гораздо внушительных масштабах, но здесь подобная обстановка лишь играла роль для отвода глаз, так как внутри просто-напросто находилась контора. Надо также сказать, что Хрисанф практически не сотрудничал с официальными сетями аптек и фармацевтики. Он считал, что закупщики слишком завышают цены на всё, что они выпускали для широкого потребления. Свою корпорацию в этом смысле было держать накладно, так как было связано с оборотом специфических веществ, что усилило контакт с государством и определённый контроль. Поэтому тандем действовал, как и многие другие, через подрядчиков, третьи лица, чтобы поставка необходимого шла без закорючек и, можно сказать, по пустячной стоимости. Чтобы то не выглядело странно в любых глазах, "шарашек" у них было

понаставлено на конвейер так идеально, что на ум приходила только здоровая конкуренция среди предпринимателей. Всеми этими мелочами, в суть которых Далила и кончиком носа влезать не желала, занимались, например, в этой высоте с милой надписью у входа "Миндаль ДК".

– Кхм!

– О! Здравствуйте, Далила! Не ожидала увидеть вас здесь в такую рань.

Кирсанова подумала, что разоденется в пух и прах, но еле влезла запотевшим липким телом в одно из тех прекрасных платьев, сшитых для неё, что чувствовала себя колбасой, сдавленной пеньковыми верёвками.

Блин, кажется, смеётся надо мной. Ведь она выглядит празднично даже в старье из дешевого рынка. Стопроцентна даже на картошке, даже за грибами.

– Короче. Не будем тянуть резину.

– В чём дело? Чем я могу помочь?

Беспечное невозмутимое лицо женщины ещё больше заставило Далилу затянуться шёлком в жирный отрез бекона.

Блин, я делаю из этой дорогой ткани просто сортир.

– Давай не притворяйся, что тебе ничего непонятно.

Туя отлично поняла, что жена босса в курсе, что он приходил сюда и что кто-то очень недоволен этим обстоятельством.

– О чём вы, Птеровна? Можете побыстрее, у меня ещё куча дел.

– Подождёт твоя куча. Восьми ещё нет, а у неё куча. По-придержи-ка лошадок (помедлила, но потом решила: всё-таки, я его жена или как), сучка.

– Я не ослышалась? Как вы меня назвали?

Ту не без угрозы сделала шаг навстречу нахамившей. Что-то, а бочки со стороны сверстниц она не потерпит.

– Ты, блять, сучка, знай своё место. Так понятно? Кто тебе разрешил разевать роток на чужой пирожок?

Ах, что же я делаю? Я похожа на падичную тварь. Но я же и есть Сарданка из района. Но когда тебе не двадцать, это выглядит стрёмно.

Туя развернулась на каблуках и с вызовом подошла к кулеру: дабы проверить его рабочее состояние.

– Простите, но я не понимаю.

– Если ты ещё что-нибудь сообразишь там у себя, я тебя предупреждаю!

– О чём? Предупреждаете?

– Он – мой!!!

Туяра, будучи значительно выше Далилы, обошла её со своей горячей кружкой, как бы, нечаянно размахивая ею над плечами этой незваной гостьи, и готовая облить ту коричневой жидкостью.

– Во-первых, вы странно себя ведёте и я совершенно не нахожу ваши речи хоть сколь-нибудь адекватными. Во-вторых, вы обзываете меня словами, унижающими мою личность, и хотя вы состоите в известных отношениях с моим

непосредственным начальством, это не является допущением, чтобы проявлять такое грубиянство. В-третьих, то, в чём вы меня возможно подозреваете, также вызвано уровнем вашей культуры и воспитания. И в-четвёртых, как вы знаете, Александр не любит распиздяйства, коим вы, надо так полагать, имеете честь заниматься, а мне недосуг.

С этим Ту с высокомерным негодующим шуршанием новенького костюмчика скрылась в своём кабинете.

Далила бы рухнула под землю, но пришлось ей опять проглотить свою несуразность и, помешкав, она решила вернуться домой.

Но её приход не остался незамеченным для ещё одной ранней пташки, и тот, как только Кирсанова скрылась с виду, вошёл к коллеге.

– Охоносьевна, как поживаете-с!

– Привет, Никита! Ничего, не жалуюсь.

Туяра с раздражением допивала свой напиток и резко листала бумаги с сегодняшним рабочим планом.

Что за неформальная особа! Как так можно вообще с оборота к малознакомому человеку.

Она бы объяснила Кирсановой, что между ней и её дражайшим ничего не было и не будет. И что у ней у самой есть дражайший уже, почитай, с семнадцати лет.

Что за курва и бестолочь!

Ту не могла проигрывать женщинам.

Ни за что. Итак мне, спасибо природе, всю жизнь надо

мириться с тем, что, дескать, хорошенько наградили, не по заслугам.

Красавице надо было работать локтями, чтобы больше не плакать в грязном деревянном туалете, когда её избивали девчонки из старших классов за то, что якобы строила глазки их тупым пацанам.

Вечно они цепляются за это! Глаза и глаза! Всё! Вечно нужно доказывать, что я ничего не имела ввиду, что я чиста! Господи, дожить до такого возраста, чтоб наполучить от какой-то толстой богатой селёдки! Ненавижу!

Не такая эта была тётя, чтобы сказать: простите, я больше не буду так делать. Так сказала бы Далила. Но не Туяра.

Далила в этот момент думала, что гребаная сучка всё поняла и пустила ей незавуалированный намёк, что будет поступать в будущем, как хочет (это же Ту) и плевала с высокой колокольни на её просьбы.

– Туйчик, я с вами уже долго работаю, так сказать, не чужие-с уже.

– Всем чего-то надо от меня с утра.

– Помилуйте-с! Нет-с! О, нет-с! Мне, кроме недельного отчёта-с, от вас ничего не надобно!

Она протянула ему готовую папку и обратилась к монитору с выражением "тогда, вы свободны".

Калита прикоснулся к дужке очков.

Вот гордячка. Но хватит нам и одной королевы-матки.

– Эмм.

– Что-то ещё?

– По секрету хотел сказать вам одну вещь.

– Какую?

Всё-таки, она – женщина.

– Кхм. Ну. Вы, разумеется, заметили, конечно.

– Что?

– Александр и Далила.

– Если вы слышали, я не намерена со спокойствием пропускать оскорбления в свой адрес.

– Я не об этом-с.

– А о чём?

– Вы, конечно, заметили неравенство.

Ничего она не замечала. Как всякий любящий человек, видела норму во всех парах.

– Птерович?

– Не Птерович, а Птеровна. Вы с ней полегче того-с. Кхм. Ням-ням. Ясно же, что у них по расчёту да?

– Неужели?! (попалась).

– Ну, сами подумайтесь-с. Он! И она.

– Аа...

– Да.

– Но я...

– Весь наш бизнес принадлежит ей. Потому мы и вертимся целый день, как белки на колёсах.

– Ах!

– А Кирсанова? Ничего не делает. Рабы-то есть.

– Но как?

Туя представить себе не могла, что на локации могут быть такие влиятельные дамы.

– Да просто ездит на нас-с. Умеет-с. Мы, конечно, увеличили всё в разы. Но стартовые её были. Потому Саша зависит от неё. И сами видите, популярная штучка. Отхватила же нашего! Александр трясётся чуть что. Другого посмазливее и ловче найти не стоит труда. Так, за тростинку держимся.

– Ах!

– Да-да, уволить-с вас-с могут-с в любую минуту. Знают, что вы – ценный работник. Потому и промолчали-с. Шибко хитры-с.

Такого поворота бедная Туя не ожидала. Остаток дня она между бесчисленными подсчётами подсчитывала, куда ей податься, если она так обидела саму мадам.

Далила поехала наверх в кабинет мужа, ключи от которого взяла с собой. Там посидела, позлилась на саму себя и всех, пыталась придумать пакость для соперницы, далее чуток поплакала от собственного бессилия и, возвращаясь через тот же этаж, в надежде реванша, стала свидетелем беседы Кали-ты с Туей.

Хрисанф, проснувшись и не обнаружив по привычке рядом жену, спросил у рано вставших домашних, куда запропастилась его любимая. Ему ответили и он также срочно поехал в злосчастный офис и у входа нос к носу столкнулся с Далилой. Он увёл её обратно на вышку и дал задание, раз она

здесь, поставить гербовую печать на трёхстах листах, пока он составит договор с одной организацией. Когда она нехотя корпела над бумагами, Агний пересмотрел запись видео случившихся событий.

– И подпиши всё от моего имени. То есть вот этого имени (показывает образец). Ты отлично копируешь. Давай-давай.

– Не команду! Я тебе не подчинённый.

– Быстро-быстро. Даю тридцать минут. Я арбуз купил по пути по скидке. Здоровенный! Зарежем его. Чего тут тупить.

– Я не умею, как ты.

Она размазала чернила на двадцать четвёртой странице.

– Дрянь! Почему бы не использовать электронную.

– Требования другие. Ай-яй-яй! Далила Птеровна! Испортила очередной контракт на миллион, ха! В прошлый раз, помнишь, приходила? Так тот экземпляр вернули из-за опечаток!

– Я использовала редактор.

– Нет. Это я! Отвлёкся на тебя, не знаю, что мы делали.

Видимо, прошёлся по клавиатуре попкой.

– Ха-ха! Похоже на тебя.

– Ты что, плакала, девочка моя?

– Так, пару крокодайловых пустила (от слова крокодил – крокодайл).

– Выгоню эту бабу-ягу сейчас же!

– Если ты это сделаешь, я выйду плохишом.

– Тогда пусть забудет о поездке Лёньки в Сингапур – черта

с два.

– Почему это её муж должен в Сингапур?

– Туя вчера плакалась, что Леонид – дальнобойщик пере-
шёл на такую вахту, что доходы их семьи уменьшились вдвое
за полгода. Я знаю его, хороший малый, не пьёт, за баранкой
сто лет. И новым машинам обучаем. Хотел взять его к нам. И
отправить работать на юг. Там у нас одна проклёвка, нужен
мастер-подземщик. Справился бы.

– Тогда бери, если уж такой талант пропадает. Иначе вый-
дешь плохишом.

– Чтобы они вкуче мою крошку тиранили?

– Ладно, всё не так было.

Как умная женщина, я не должна буду рассказывать ему
такие нелепости. Ведь я сама всё устроила, сама всё завари-
ла. На голом месте. И не ему я не доверяла. А ей, к примеру.
По себе знаю, на что способны люди, стоит только отключить
лампочку или прикрыть глаза. Всё, что угодно, может про-
лезть в праздную голову. А сейчас и в особенности пролезет,
получив оскорбление, получив подпитку. Она же – типичная
конкурентка, из чувства мести соблазнит моего дурака.

Так оно и было б. Но Туяра говорила на два шага вперёд,
верила, что Кирсанова действительно умна, как о ней веща-
ют и с полуслова раскусит, что, когда она намекала, что ни-
чего не понимает, потому что "всё может быть", то по-насто-
ящему сие означало: "если ты не дура, то могла бы и догнать,
что ничего такого и представить нельзя".

Далила, конечно, доперла только до первой части и огорчалась, что нажила себе неприятельницу. Она поведала половину истории, половину замяла.

– Ох!

– А?

– Две элитные тёлки дрались из-за меня что ли?! Жизнь удалась!

– Да, теперь ты фабричный петух (ворчит).

– Кажется, сегодня вечером смогу кое-кого оплодотворить!

– Да пошёл ты.

– Да и не одну! Чувствую такой потенциал!

Далила думает, что под другой считается Туяра.

– Ещё!

– Ты не так поняла, солнышко! (свистит) Две фешенебельные кобылицы! Да я оказывается зачётный типок!

– Агний!

Страхивает со стола всякие ценные бумажки и прочую канцелярию.

– Ну что ж, если я такой востребованный, что за меня борются, вы не должны упускать удобного случая, миледи.

В молодости она бы зарделась от таких словес, но сейчас лишь посмотрела, как из под очков, и велела убрать устроенный беспорядок.

– Для этого существуют специально отведённые приличные места.

– Приличные?

– Не придирайся.

– Так вот почему нынче ночью была такая разгорячённая.

Я её умоляю прекратить, а она мучает меня без остановки.

– Что-то я не видела особого страдания на твоём лице. Я устала, эта ручка слишком тяжёлая, поедem домой.

– Ах, ручка слишком тяжёлая. Ночью кое-что тебе не казалось тяжёлым.

– Твои дурацкие пошлые шуточки навевают скукоту.

Она подошла к его креслу и села на подлокотник. Там она увидела стоп-кадр на мониторе и нахмурилась. Хрисанф повторил показ и Далила сжала губы.

– Почему Калита соврал Туе?

– Он любит тебя.

– Нет.

– Любит-любит. Я ему дважды обязан: за то, что подарил мне встречу с тобой, и за то, что освободил мне дорогу любить тебя. Я с ним тягаться не могу, ты же знаешь.

– Это не так.

– Он всегда защищает тебя. Даже от меня. Он тебя хорошо чувствует.

На этом о Никите говорить перестали.

Далила не верила Хрисанфу в этом, ни ему, ни Аэлите, которая предполагала то же самое. В их коньюгатском устойчивом треугольнике, она, скорее, принимала Калиту как нечто должное, как часть её мужа. Оттого относилась к старику да-

же с некоторым подозрением и прохладой. Ну и куда же без ревности. Хоть Агний и восклицал, что лежал бы у её ног вечно, пятьдесят процентов своего времени он точно проводил либо в тандеме, либо в какой-либо деятельности без её присутствия. Когда она не добивались, чего хотела у Хрисанфа, то скрепя сердце, бежала к Калите и выпрашивала того. Убедить, расколоть Кузьму было гораздо легче, чем её любимого мужчину.

Если по чесноку. То Калита действительно любит Далилу. Но первичнее – он всей душой любит Агния. Как брата. Как сына. Как ребёнка, которого у него никогда не было. По крайней мере, признанного и взращенного в семье. Сказать об этом своему закадычному другу он не мог. И не хотел. Зачем. Хрисанф не помнит своего прошлого и не знает, что такое родительская любовь. Он сам относится к Никите, как к старшему брату, неосознанно, но не сможет это объяснить, побоится признаться. Что есть у него такой близкий человек. Может, не по крови. Но по духу. Калита, в отличие от Далилы, умеет держать язык за зубами. И зачем говорить лишнее. Если итак всё понятно. Жена Хрисанфа стала для него, как приёмная дочь. Её отец умер давно, и он видел, что любого взрослого она старается делать своим папой. В большинстве это, разумеется, не получалось. И Никиту поначалу раздражало, что эта уже большая тётя становится такой жалкой и беспомощный в определённые отрезки жизни. Что она требует, чтобы за неё всё делали и любили как есть. А потом.

Потом он смирился, или на него снизошло. Что не все люди могут быть такими убеждёнными самостоятельными холостяками-одиночками. Он видел, что Хрисанф ей папиком не станет никогда. Что он также требователен и капризен, как она, в отношениях и в любви.

Места не пустуют. Жизнь расплзается во все щели, занимает все ниши. Значит, на роду мне написано было присматривать за этими детками и детками этих деток. А, может, и дальше. Такой вот анахронизм, ирония и парадокс: у убеждённых одиночек и прожжённых эгоистов иногда бывает очень много семейных дел. Такие дела.

– Сара.

– Не зови меня так. Я чувствую себя оранжево-красно-коричневой.

– Буду твоим синим и зелёным. Это вместе так хорошо смотрится.

– Ты правда не подпустишь её к себе?

– Конечно. Разве только для работы.

– И ты её не уволишь? Мне было сердито, что я, жена самого Птеровича, и такая никчёмная. Это так стыдно. Я сама бы уволила её. Так я зла на неё.

– Но тогда ты будешь плохишом. А я не позволю, чтобы сердцевинка моего сердца была такой. Не буду скрывать, моё честолюбие ликовало оттого, что ты меня ревнуешь. Но разве того стоит.

– Тогда выдай ей премию, как жалкое извинение от моего

имени. И устрой Леонида на добротную должность.

– Туя чуть не облила мою ненаглядную кофе. Что за замашки! Что за гетто. Откуда вы, девчонки? Но я в курсе, как яркий кофеман, что она не пьёт обжигающий. Не провоцируй женщин, хорошо? О, это страшные существа, оказывается. Просто, будь со мной. В самом ангельском ангельчике живёт столько контрастов. Эх, я не могу винить вас за это. Но и не так, чтобы конфетно оттого, что кто-то может заставить тебя плакать.

– Я сама выдавила, Агний. От жалости к себе и трусости. И я обозвала её сучкой. Разве это красиво.

– Ну что ещё следовало ожидать от моей стервы. Подавление, которое поставил я и кое-кто другой, всегда будет не абсолютным. Я не могу винить тебя в твоей природе.

– Ты – только мой.

– Хотел бы и я так сказать о тебе.

– Ну и говори.

– Я могу так только, когда мы вот так близко, тет-а-тет. А в целом – невозможно. Но мне приятно.

– Когда Мой?

– Да, я всю свою жизнь мечтал об этом: принадлежать кому-то. Быть чьим-то. Глупо да? Многие не хотят так. Ты не хочешь. А я, когда ты мне сказала Мой, так требовательно, чтобы без возражений, почувствовал себя таким счастливым. Моя свобода заключается в том, чтобы быть с тобой. В этом моё счастье. Так хорошо.

– Агний – ты глупышонок. Мой глупышонок.

– Но, то что две зачотки устроили из-за меня драку – это надо записать в хрониках! Чтоб потомки потом прочитали!

– Ты невыносим!

Целует.

– Не знаю, не знаю. Кто-то давеча просил Ещё и ещё. Кто-то...

Приближает к её лбу своё лицо с бездонными томными глазами, сегодня с радужкой фиолетового цвета с изумрудными радиальными прожилками. Островки со светлыми волосами быстро пошли в рост, чёрные упрямо и коротко топорщились среди белых колосьев. Это также было причиной его страданий, но он упорно ничего не подрезал, не выравнивал, не подкрашивал. Она успокоила его тем, что потом всё смешается и перейдёт, скорее всего, в медовый каштан, по крайней мере, до конца лета.

Далила могла теперь, как самодостаточная персона, не реагировать на его неуместные пошлые шутки, но безоговорочно капитулировала и сдавалась без единого выстрела, когда он вот так приступал к ней. Даже взглянуть на него не могла без прилива красноты, приступа пота, дрожи во всём теле и волнения, от которого задыхаешься, как и в первый раз.

Глава 45

Хрисанф ждал звонка от Арсена. Он должен был прие-

хоть к Кирсановым, чтобы опробовать новенькие, с иголки, лакуны, чтобы выйти на связь с Аэлитой, или хотя бы просто посмотреть, что это такое. Агний до этого переговорил со Стефаном: погружение лучше было делать под присмотром, а у стинки имелся не такой уж малый опыт. Однако были сомнения на счёт безопасности: все стинки проходили через подробную регистрацию, как носители ценной информации. Хрисанф удалил данные Стафа с системы, но утверждать тут что-то на сто процентов было бы недальновидно. Сам парень был непротив эксплуатации оборудования, ему и прежде нравилась его профессия, он имел отношение к подобной деятельности. Скорее, его не удовлетворяли условия труда и текущий жизненный статус. Поэтому Агний слегка остерегался, что его нового садовника и няньку по совместительству могут засечь. Тем более, он украл этого пусть захудалого, но системного работника. Далила была в курсе, что бытие некоторых конъюгатов сопряжено с постоянным присутствием риска. Это не было по её части, но, когда она шла с ним к алтарю, пришлось внутри себя прищипить, что её муж не будет жить без этой проблемной составляющей. Если риска всегда много, то обдумывать надо крепко, но недолго, ибо каждый день у Кирсанова бывала какая-нибудь задача, требующая собранности и в то же время уверенности.

– Милый.

– Что, солнышко?

– Иди сюда.

Он привык к тому, что не будет оставлять её одну до тех пор, пока она сама его не прогонит, или хотя бы не скажет, что ему пора заниматься своими делами.

Между ними не было заключено брачного контракта, как то было в его первом браке. Потому вопросы наследования и так далее, даже в случае многодетности Далилы висели, как говорится, в воздухе. С Аичи было не так. Айнар считался его старшим сыном от Аракелы и имел все права прямого наследника. Далила не копалась, но в ту пору Агний был не столь богат, по крайней мере, об этом мало чего было известно. Но сейчас его доходы росли не только в настоящем, но и в будущем. Хрисанф, будучи в живых, мог отказать этим сыновьям и вообще отказать от родства с ними, но существование Арания, разумеется, не позволяло ему хоть капельку бесчинства. Аичи, в буквальном смысле, тряслись над любыми пунктами семейных ценностей. И хотя неудачный союз распался, Агний был внесён в их родовую книгу, как один из ближайших родственников, отец драгоценных близнецов, и например, если что, являлся первым донором и т.п. И то был вовсе не пустяк, так как Аичи издревле принадлежали к династии военных, защиты и охраны, следовательно за каждой кровиночкой там стояла целая полка документов в архиве, страхующая все вехи их жизни.

Возвращаясь, Хрисанф не требовал от неё подписания договора, потому что сама их встреча с самого начала ткалась так, как будто где-то там всё уже было предопределено. И он,

также с самого первого взгляда, понял, что это именно она, записанная за ним без никаких жалких земных бумажек.

Далила, конечно, не так торчала оттого, что её от него дети не столь защищены в глазах закона, но потом успокаивалась тем, что если они пойдут в отца, то с голоду не помрут.

Но у Агния в память были вколочены несколько постулатов, когда-либо оброненных ею, нарушение которых он почел за неприемлемость, и всегда старался блюсти эти её маленькие требования. Она ни на чём таком не настаивала, кое-что и не помнила наверное, но он принял то, как важное для неё, раз единожды хоть проронила.

Так, он знал, что она не любит оставаться одна при всей своей оставьте-меня-в-покое-дебилы-гребаные. Это был очень тонкий момент, поскольку он мог её просто раздражать излишним присутствием, но, всё-таки, Хрисанф редко когда мог уйти из дома, не получив её благословения, пусть в выражении "убирайся". Она могла бы и вовсе не любить его ни единой минуты, если бы он проявлял обычное для многих равнодушие.

Поэтому и сегодня, пускай у него были срочные дела, он прогуливался по саду с супругой как ни в чём не бывало. Как будто только что они прибыли на море, в первый отпускной день.

– Ух ты, это рододендрон, что мы привезли из леса весной со Стефаном!

Правда, этот кустарник вместо фуксиевых цветов расцвёл

нежно-розовыми и голубыми цветками, и не в начале лета, а в июле. Никто не мог понять, почему, но Далила была озабочена вовсе другим. Она просто спряталась за густыми зарослями от посторонних глаз.

– Я видела.

– Что?

– Дай сюда руку.

Агний схватил её ладони и притянул к себе.

– Дару.

– Нет. Это не так делается.

– Что? О чём ты говоришь?

Он совсем не спешил. Рядом с ней и крошечный муравьишко был интересен, самый маленький завиток пушистого облака был полон очарования.

– Я видела в городе. Это сейчас модно.

Она взяла его за руку.

– Вот так. И идём. Корпус смотрит вперёд. Не прижимайся ко мне всем телом. Спокойно. Спина ровная, грудь дышит. Только голову чуток поверни ко мне. И я к тебе.

С тех пор, как Далила была публично "опозорена" в институте, Хрисанф проявил нешуточное упрямство. Он прямо заявил, что больше не намерен играть её родственника или чужака какого-нибудь. И как бы она ни просила, чуть ли ни каждому встречному-поперечному желал сообщить, что это его женщина. Ей пришлось очень долго привыкать к аналогичному положению. Теперь нередко чета отправлялась в

какие-нибудь места народного гуляния по вечерам, и ей запрещалось идти за ним, как обычно, гуськом, да и впереди него ходить Далиле категорически не нравилось (он бы пошёл для разнообразия). И тут выходило смешновато. Агний, несмотря на все свои аристократические изучения, шёл с женой, рот до ушей хоть завязочки пришей, в обнимку, ну натурально как какой-нибудь дембель на районе, или тот же чувак с квартала. Обычно он боялся, что её продует, накидывал кусок своей куртки, или всю куртку, обхватывал её сначала одной рукой, потом двумя, а далее вообще норовил понести на руках. Это было так неловко! Но Хрисанф более и слышать не желал ни о каких социальных ролях. Просто упёрся как баран.

– Ха! Что за школота! Господи, так нелепо. Мы же взрослые.

– Ничего ты не смыслишь!

Далила обиделась и с силой отбросила его пятерню от себя.

Агний хотел обнять её, но она оттолкнула его.

– ЛуЛу!

Ответа нет.

– Ну, Риру!

Ответа нет.

Кирсанов завидел вдали возле рощицы ив Стефана, который собирал там особую тонкую траву для кур. Хрисанф поманил стинки и вручил ему камеру.

– Сними нас.

Они оба с женой были по летнему времени в белых футболках. Он в светлых тонких джинсах. Она просто в полуспортивных трениках, потому что не очень отдавала должное любой джинсовке. Агний мягко сделал постановку позы для неё и для себя, и подбежав к Стафу, проверил, правильно ли смотрится. Глазомер у него что надо, включая премелочные мелочи.

– Смотри, чётко щёлкни! В Далила катс отправлю.

– Агний!

– Такие короткие руки у тебя, вот так согни, хорошо. А я вот так сделаю.

Он естественно сжал её ладонь и слегка, но очень симпатично, повернул голову в её сторону. Она чуть приподнялась на цыпочки, чтобы лицо не слишком запрокидывалось вверх.

– Так мой двойной подбородок ушёл?

– Ушёл-ушёл. Лучше улыбнись, как будто ты – студентка первого курса, а я пятого, и собираюсь заманить девчонку после баночки пива в свою комнату, провонявшую носками четырёх сожителей.

– Агний, ты неромантичный!

Стефан побыстрее отснял с десятков кадров, пока хозяйка не замахнулась на хозяина.

В качестве бонуса, чтобы утешить свою благоверную, Хрисанф попросил стинки ещё поработать фотографом и

устроил древний сет, где она видна со спины и её рука, тянущая с собой его.

– Дэли, что за пяточок! Ну ничего, рассчитал помаленьку, норм будет смотреться.

– Я видела, когда шла по одному мосту. Там шла парочка.

– Молодые.

– Ну да. Но это куда приличнее и кавайнее, чем когда мы занимаем всю дорогу, толкая друг друга то вправо, то влево. И никто не будет считать тебя в стельку пьяным, или сумасшедшим, а меня – шалавой. И ещё они так быстро шли. Девушка чуть-чуть, на три сантиметра выше меня, парень чутьточку ниже тебя.

– Ну да.

– Правда, они были ужасно стройные.

– Говорил же, что что-то с ними не так.

– А я тогда... Стрёмно что ли со мной? С нами?

Агний умилился и привлёк жену к себе.

– Что ты! Так и будем отныне по большой площади ходить. Я подберу специально принты со стрелками: май бойфренд, май герлфренд. Я не шучу.

– Не гони! Подумают, что придурки сбежали с жёлтого дома.

– Кто считает других дураками, тот сам дурак.

Целует.

– Милый. Тебе пора. Арсен скоро приедет.

– Может, отменить все планы мира? Отменить этот бес-

конечный поток? Дела – для дураков. Любовь – для...

– Тоже дураков?

– Да. Но для хороших.

– Тогда, когда вы там разберётесь со своей мужской бодягой, ты пойдёшь со мной гулять?

Прижимает к себе.

– Конечно. Теперь только об этом и буду думать. Смелая моя.

И там ещё много маленьких таких домашних неловкостей, может, потом расскажу.

Глава 46

Арсен озирает большие сплошные двери и чересчур высокий забор, стеной встававших в южной части владения. Это было довольно далеко, пришлось ехать на машине примерно полчаса.

– Мне казалось, что ваша усадьба чуть меньше.

– Да, тут изнутри растягиваю как могу. Хозяйство же держим. Также на стыке с домом Калиты у нас всякие мастерские и ангары, так что свободное пространство всегда надобно. Не буду же я мельтешить перед Далилой с разной чепухой. Всему – своё место.

Они въехали на базу и обнаружилось, что там стоит только одно внушительное строение, ничем непримечательное, почти квадратное. Углозуба Арс оставил у входа в гнездо Кирсановых, авто было Хрисанфа, и с собой взяли Стефана.

Хоть стинки и был принят в качестве водителя, за рулём сидел Агний.

– Стаф слишком тихо водит, а я туда-сюда, одна нога здесь, другая там – у меня ещё с женой планы на вечер.

Он улыбнулся, вспомнив их недавнюю прогулку, и провёл парней внутрь здания. Включился свет и Иванов увидел только три скромных двери напротив.

– Это лакунариум?

– Да, мы оборудовали с Никитой и Стефаном три штуки. Этого нам вполне хватит.

Арсен ожидал комплексное гудение тяжёлой аппаратуры, кучу проводов, электроники и прочей новейшей техники, коими тандем вполне успешно занимался, но здесь было как-то затхло тихо, несмотря на то что отстроили этим летом.

– Птерыч, как это работает?

Хрисанф потянулся за ручкой первой двери.

– Просто заходишь и наслаждаешься! Шутка. Просто заходишь и подключаешься. Получится – получится. Нет – нет.

Стинки с привычной сноровкой исчез в средней лакуне.

– Уже начинаем? Бро, ты как всегда с ходу.

– Твоя же идея была.

Агний подошёл к третьей дверце и постучал по ней. Нельзя было понять, из чего она сделана: ни металл, ни дерево, ни пластик. Вроде что-то негромоздко-тяжеловесное, гладкое, но, видимо, изоляция нехилая.

– Что я должен буду делать?

– Стефан будет тебя сопровождать. У него есть ключи. Он там, как рыба в воде. Я даю вам два часа. Не больше. Не очень хочу, чтобы Стаф перенагружался, ведь мало-помалу восстанавливаемся. Он, в принципе, неплохой стинки, но в отличие от тебя, например, у него слабая физика. Физика очень важна для активного коньюгата. Поэтому мы много едим, следим за сном и биоритмами. Помнишь, эффект дуршлага? В лакуне тебя может как следует пустить через фильтр. На самом деле, это несложно. Ты ведь уже был в слое библиотеки и со мной ходил по некоторым каналам. А как же твой легендарный проход на маяк!

– Для тебя всё пустячно.

– Принимай это, как мою особую методику и индивидуальный подход, гражданин учитель. Таким улиточным долго раскачиваться – так, жизнь тратить.

Хрисанф засмеялся и потрепал патлы друга. В это время послышался рёв другой подъезжающей машины: кто-то очень спешил. Кирсанов в недовольстве сжал губы и выпрямился в непроницаемый столб.

– Я с вами!

Айнар вбежал внутрь и резко остановился перед отцом.

Арсен, честно, наоборот, как-то вдавился в литосферу: струхнул, как говорится, не по-детски. Однако краешком обзора заметил, что босс совершенно не в восторге от прибытия большого чада. Не чада, а детины.

Они не удостоили друг друга приветствием. Аичи смотрел

немного вниз, Агний в сторону.

Арс для приличия кивнул прибывшему, но тот, как будто игнорировал его.

Что ж, я букашка, конечно, для этого наследника престола.

Перед ним стоял его обидчик, потому он потупился и совершенно забыл, для чего сюда пришёл. Страх перемешивался с желанием бежать отсюда без оглядки. Несколько секунд тишины пробивали вечностью. Арсен украдкой взглянул на Хрисанфа и подивился перемене его лица и настроения.

Иванов был в курсе, что на близнецах стоят блоки и что они запрещают доступ к близкому контакту, которому, допустим, подвергался Арс, но ему в перерыве между кондратиями даже стало немножко неловко оттого, как видоизменился его шеф. От каменной неприступности обыденная мягкость исчезла, все углы его тела вытянулись, в глазах появился холодный блеск, от чего было весьма удобно, что он слегка отвернулся от них.

Айнар в ожидании ответа застыл, как немая фигура в игре в молчанку. Цвет кожи его лица с каждым мгновением становился всё багровее. Он не мог уже позволить неприкрытую грубость в присутствии родителя после того, как уехал его брат. Ведь он жил у Кирсановых теперь, как человек, которому некуда идти и который сам устроил таким образом, чтоб к нему относились, как к лишней вещи в доме. Он был

сложен мощнее и корпуснее Хрисанфа, и ростом выше, но ощущалось давление, из-за которого Аичи, как ни пытался бить килем волну, мелкой щепкой еле барахтался в воронке гигантского водоворота

Арсен вдруг поймал себя на том, что ему на молекулу жалко этого громилу, несостоявшегося его убийцу.

Да ладно, что уж там. Легко отделался же. Благодаря Хрисанфычу и синяков не осталось. Может, это для меня было "происшествие". Чувак-то с детства привык к аналогичной среде. Мой труп ему трагедии бы не сделал.

Вид Агния говорил сыну без никакой конъюгации: Зачем ты припёрся вообще, я терплю тебя только из-за Далилы, а после того, что ты сотворил с Айталом и вот этим придурком, я терплю тебя ещё раз только из-за Далилы.

Это была правда, потому что она пригрозила, что выкинет обоих через окно верхнего этажа, если ещё раз они при ней покажут свои недовольные индюшачьи физиономии. Хрисанф хотел было выгнать Айнара, но останавливал его больше не долг перед Аранием, а то, что его супруга считает его жестоким и будет винить себя в том, что оказалась плохой мачехой. Последнего пункта он не мог позволить.

Господи, гребаный Хрисандель пугает. Не завидую я его возрастному пупсу, этому щитню.

Разумеется, и он был свидетелем этой частички природы Кирсанова, но тут подумал, что совсем не цветочно будет тому, кто станет поперёк его пути и впадёт тому не в милость.

Обычно он же дружелюбный, и ласковый, что ли, если можно так выразиться. Может, это неестественно для других, но я рос в таком субстрате. Мой папа тоже ласковый человек. До сих пор относится ко мне, как к пятилетнему. С ним на улице стыдно появиться. То мороженку бежит покупать, то чуть ли не платочком рот от того же мороженого протрёт. А единственный сыночек-то чуть ли не в два раза больше. Чудной он. Может, эта программа работает всю жизнь? То, в каком болоте росли головастики. Не считая женщин, многие относились и относятся ко мне вполне миролюбиво и, с теплом что ли.

Арс честно признавался себе, что не может понять иные чувства. Не сможет уже никогда понять, что некоторые имели другой опыт. К хорошему привыкаешь и считаешь, что так и должно быть. Ты можешь быть и не особенно благодарным за то, что жизнь тебя так одарила, но видеть норму в собственных нормах и удивляться, что не у всех так.

Частично и из-за этого, Агний повторял, как попугай, что они с его женой похожи, и частично из-за этого полюбил этого неуклюжего подопечного.

Я веду себя некрасиво в присутствии Арсена. Надо уважать чужое мировоззрение. Он наверняка недоумевает, почему я так близок и откровенен с ним, и так прохладен к собственному наследию.

Хрисанф кивнул.

– Хорошо. Будешь в первой лакуне.

Айнар, наверное, чуть не лопнул от максимума напряжения и, пока предок не передумал, юркнул в левый вход.

Агний также отпустил свою струну и обернулся к ученику уже в обыденной задорной манере.

– Давай, бро, заходи! Не волнуйся, я буду присматривать за вами. Основной ход прочистит Стефан. Следуй за ним и постарайся найти свою дюймовочку. Айнару тоже не помешает немного практики, а то весь излежался, жиром покроется от ничегонеделания.

Иванов опешил. Во-первых, у него не было никакой охоты лезть в протоки вместе с тем опасным типом. Во-вторых.

– Тут же всего три лакуны.

– У меня на них аллергия и клаустрофобия, сынок. Я могу обходиться и без них. Пойду с Кузьмой проверить косилку, что вчера у крестьян приобрели. На свежем ветерке, на лошадке!

– Кирс, ты что, кидаешь нас?!

– Всё-всё, меньше слов – больше дела! Стаф уже готов!

Хрисанф захлопнул за Арсеном дверь и вышел вон из лакунариума.

Глава 47

Дверь эта была, или что, но не успело за Хрисанфом что-нибудь захлопнуться, Арсен оказался в чём-то тесном и эластичном. Как будто в мешке. Хотя он раньше вроде не залезал целиком в мешок. Оболочка была прозрачная, отовсю-

ду проникал свет, но нельзя было понять, где находишься. Арс, чувствуя горстку паники, пытался двигаться и скользил внутри плёнки.

Это лакуна?

Иванов ощупал руками стенки и надавил на область над головой, решив, что эта часть слегка сужается. Кокон не оставил следов на коже, но тело парня сместилось куда-то, непонятно вверх или вниз: ориентироваться не удавалось. Он вращался либо перекачивался внутри, отчего его порой весьма неудобно сжимало, итак невольно свернувшегося в позу эмбриона.

– Забыл сказать, что сюда лучше лезть без одежды и прочих колющих предметов. Эта твоя гигантская пряжка отнюдь не во вкусе Далилы, так что впредь можешь не нацеплять.

– Бро, ты как всегда "вовремя" со своей инструкцией.

– Ну, я хотел предупредить. Но как объявился этот бычара, всё просто слетело с головы. К тому же, думаю, тебе б не понравилось, если б я попросил тебя раздеться.

Смех.

– Мне что, извиваться тут, как острие, весь вечер?

Хохот Агния заставил Арса оказаться на спине.

– А ведь похоже! Ну, выбирайся, червячок!

– Блин, теперь я похож на жука. Птер, ты где?

Хрисанф на минуту исчез с "поля обзора".

– Жена звонила. Скучает!

Издали Арсен слышал лёгкий перестук лошадиных копыт и негромкую песенку, насвистываемую боссом.

Да блять, он на косилке. Наслаждается жизнью, пока мы тут паримся.

– Эй, фермер, ты тут?

– Бро, погода просто зашибись! Пройду ещё полосу и бултых в то озеро!

– Да, мы поняли, что у тебя там курорт.

– Не курорт. Я, между прочим, работаю! Тружусь тоже в поте лица.

Смеётся, обдаваемый тёплым летним ветерком.

– Где стинки? Что-то я его нигде не наблюдаю.

– Давно вас поджидает. Заснул, наверное.

– А щитень твой?

– А?

– Ну, Айнар.

Арс опять потерял равновесие и заколыхался в яйце. Агний, походу, упал с сидения и катался по свежескошенной траве. Хоть шеф и заразительно смеялся, испытателю что-то не было желания присоединяться.

– В точку! (еле успокоился). У нас в маркете слоганщиков кот заплакал, бросай школу и иди туда! Да как я сам не мог допереть! Натурально же!

– Ладно, и что же делает твой любимый сынок?

Поскольку они были в конъюгации, Иванов был более разнуздан, хотя не так бесконтрольно, как раньше.

– Барахтается, как ты. Нет, встал. Нет, упал (обречённо). Дурак, короче. У него же есть опыт. Но всегда так в начале кривляется.

Арсен замер, насколько это было возможно.

Потугами ничего не добиться. Как какашка вылезает? Как космонавт. Во спокойствии. Это была подсказка, может. Не надо включать силу, как щитень.

Он вдохнул и закрыл глаза.

Очень медленно и тихо. Пора вылупляться.

Яйцо при его мыслях чуть вытянулось, в верхушке открылся просвет и парня вытолкнуло наружу.

Что это?

Однако создалось впечатление, что он не услышал даже собственных мыслей. Пространство было гораздо больше и Арса затянуло в самый его центр, где закружило то по собственной оси, то поперёк, как гироскоп. Но движения не были слишком быстрыми.

Иначе я тут всё заблую.

И снова показался себе таким тихим, как будто его мысли уменьшили почти до нуля.

– Хрисанф?

– Молоточек мой.

Агний по-прежнему сопровождал его.

Почему он отчётлив? Я же похож на немое старое кино.

– Лакуна – это пустота поэтому. Пусть некоторые созданы искусственно. Не трать энергию.

Голос босса тѣк откуда-то, но уже не был громким подначивающим, а мерным и успокаивающим.

Арсен мысленно кивнул.

– Вот так. Если мне что-то будет непонятно, я сам буду спрашивать, а ты просто соглашайся или отрицай. Здесь суета не в почѣте. Как мне удаѣтся? Слишком не нравилась эта работа. Поэтому пришлось во всѣм детально разбираться. Сурэхпэр астарбыппын (як – надоело до чѣртиков, не могу вспомнить без тошноты). Как я вхожу сюда без лакуны? Мы ещё только на самом старте. Щитень ещё не выбранся. Не беспокойся за него. Он будет в отдельном канале. Заниматься тем, чем пришѣл заниматься. Если удастся. Суть лакуны очень примитивная. Она лишает помех. Мы живѣм в каше. Невозможно на чѣм-либо сосредоточиться по-максимуму. Это защита самой жизни и её неповторимый мультиколор. Но для сборщика нужна тишина. Лакуна её предоставляет. Чутьочку уменьшает и тот бесконечный хаос и треплю и в самом тебе. Но только капельку. На самом деле, эта трепля исчезает лишь со смертью. Жизнь – это жужжание. Нет, не опасно. Если соблюдать меру и, как ты говоришь, инструкцию. Эта штука работает всего лишь, как запуск. Скорость увеличивается в разы. Ну, в зависимости, от испытателя. Это действительно схоже с яйцом. Вот там донце, там кончик роста. Сейчас происходит установка связи. Если всё нормально прокатит, сможешь использовать. Если нет – зря время потратишь. Профессия стинки очень энергозатратна.

Вроде ты ничего и не делаешь, но обычно среднему специалисту в одно погружение необходимо несколько суток. За это время организм не ест, не ходит в туалет, не спит, не бодрствует, и поплевать не получится: подобные функции временно отключаются, чтобы сбор шёл без сучка и задоринки. Приводит к атрофии и физически, и психически. Да, есть более-менее приспособленные к такой деятельности по рождению, или выработанным навыкам. Стефану нравится, хотя ты в курсе, что он может пройти в любой маскарад. Но по необходимости вполне можно эксплуатировать. Я? Я создаю мини-лакуну в себе. Мне постоянно надо обновлять информацию, чтобы сохранять безопасность своей семьи. Но я не люблю пустоты. Они не подходят Далиле. Многое из моего бытия не касается её природы, поэтому, по возможности, я разделяю конъюгацию от наших отношений. Но ты меня удивил! Я пребывал в предбаннике гораздо дольше в дебюте. Хотя, может, потому что был подвержен волнению и как можно быстрее хотел завладеть ключами. Правду твердят, мир – для созерцающего. Остальное – брэн.

Тут позиция Арсена пришла в стабильность и он поймал себя на том, что летит метеором куда-то наверх.

Еле успел задержать воздух. Плюм! Оказался в толще синевы океана.

Почему я так хорошо плаваю?

Он вновь "слышал" себя и весёлой пробкой вынырнул на поверхность вод.

– Хорошая у тебя голова! Мой щитень попал в канализацию (обречённо).

– Так всегда при начале?!

– Нет. Ну у первопроходцев. Когда не знаешь, куда идти.

– Я в интернете?

Смех.

– Окей, пусть.

– Где Аэл?

– Бро, полазь тут пока. Прямо, как я. Сразу под женщину!

Арс почувствовал сине-фиолетовый цвет. Он формировал перед ним светящийся проход.

Стаф?

– Да, это его цвет. Он ознакомит тебя. Это изоляция. Нечего бояться. Индивидуальные каналы. Собственное удовольствие.

Арсен сложил ладони лодочкой и, как дельфин, прыгнул в кольцо.

Чума! Моё тело такое послушное!

Босс остался где-то позади, или ушёл по своим сенокосным делам.

Глава 48

Теперь лакуна ловила каждое мельчайшее возбуждение любого его нейрона. Арсен в свои годы не выезжал за пределы своей страны. В ту пору уже популярны поездки из дома "Реальные ощущения". Но после того, как ты пролежал

часок у открытого бассейна в компании загорелых красоток, у себя в комнате обнаруживаешь себя потом прежним бледным и синюшным, затекшим и одураченным. Живот урчит от голода и вместо груди клетчатки от поглощённых небывалых экзотических фруктов, в клозете наблюдается запор от суточного малоподвижного образа жизни. И эти новейшие штучки влетали в копеечку. Иванов пробовал раза два, потом забил, решив, что хорошо ни там, ни здесь. Просто реклама. Фольга.

Сейчас же он летел с невообразимой для него скоростью вдоль чрезвычайно полной реки, кишашей всякой живностью и его щеку порезало на пару сантиметров застывшим в воздухе листком дерева, сорванным ветром за две секунды до появления неопознанного летающего объекта.

Ничего, потом сенны попою и на выходных как следует разомнусь в зале!

Не заданный постылый маршрут с предсказуемым сюжетом и торможением сети. Он всего лишь на миллимоль подумал о желании, возникающем при взгляде на женщину, как очутился на крыше высотки где-то в южной Азии, и рядом с ним курили кальян какие-то "древние" девушки в треугольных соломенных шляпах и в полупрозрачных длинных одеждах с босыми ступнями. Одна из них с длинными лазурными глазами протянула ему стакан с бесцветной кипящей жидкостью. Он отпил и сразу же провалился с ней в пропасть, однако тотчас приземлился на широкое ложе с резными столби-

ками для балдахинов, но без них. Красотка раздвинула ноги и его пальцы проскользнули по горячей влажной груди и вдохнули запах спелого яблока из её рта.

Фум! Арсен сидел напротив горгульи в малоизвестной церкви во Франции и оторвал кусочек блестящего медного рога у фавна, плясавшего рядом.

Крац! Он спиной упал в волнорез длинного полуострова. Австралия. Неужели я подумал об этом?

Арс неспешно вылез на белый песок, посмотрел наверх, на застывшее кучевое облако, напоминавшее корабль на всех парусах. Он медленно вытянул указательный и средний пальцы в сторону неба и грузно оттолкнулся от земли, изображая неудачную ракету. На высоте пятисот метров сжал кулак и устремился к паруснику, не боясь изменения температуры.

Вата как вата.

Прошёл насквозь и через пару минут приземлился на Статуе свободы.

– Ну, как тебе скорость?

На площадку также сверху опустился Хрисанф с большим гамбургером в левой руке и бутылкой ледяного сока в правой.

– Ничё так, вполне сносно.

Они поели. Агний следил за окрашиванием востока в розовые тона восхода.

– Далила ещё раз звонила, так что укорачиваю ваш парк

аттракционов, полчаса ещё на всё про всё.

– Чувак!

– Ну, как бы, я тоже хочу поразвлекаться. Мы с женой должны к семи на опен-эйр местный, заодно ярмарку народных промыслов посмотрим. Ещё петушки может купим и пирожков с яйцом и луком.

– Бро! Какие пирожки! Нахрен опан-эйа!

– Ну, те может и нахрен, молодёжь. А мне случай упускать нельзя. Потом я ещё так поздно сказки буду что ли детям читать? Урсула страницы-то уже подмечать стала. Схалтурю – завтра придётся всю книгу по ролям. В общем, доедай и по дамам! Компас на Аэлиту!

Странного босса как будто выключило из изображения. Его появление в инфослое могли заметить, поэтому он вёл себя, как незатейливый, ничем не примечательный шифр.

Арсен почесал патлы и насупился, что твой пещерный человек, раздумывая, как призвать Стефана, или как настроиться на волну поиска Аэл.

Хрисанф покинул лауну, чтобы послать супруге милые стикеры, в то время как за его подопечным чуть ли не хрустнула сине-фиолетовая дымка и из неё вылез Айнар.

На уровне инстинкта Арс развернулся и предусмотрительно отпрыгнул на пару шагов назад.

Аичи ничего не говорил. Он объявился, как чёрт из табакерки, и смотрел на Иванова, как на крошечного гуппи, поведение и суть которого не мог понять.

Ой-йё. Птерыч, sos. Кирс?

Взгляд щитня говорил.

Его здесь нет. Помощи не жди.

Айнар проломил на минуту защиту Стинки и, пробуриив свою изоляционную трубку, проник к каналу, где находился любимчик отца. Он и раньше (что требовалось) эксплуатировал лакуну, но его проходы были очень некачественными, хотя лакунариум был один из самых лучших. Орденский, куда ещё с детства отвозил их с братом дед.

Почему он? Не поэтому ли я так завёлся тогда? И этот тюфяк её муж? Муж. Даже не просто проходимец. Законный супруг.

Брак был непустое слово для Аичи.

За что? Она что, любит его? Может, их связывает что-то другое?

Айнар не мог конъюгировать с учеником Хрисанфа, так как последний мог не только тут же обрубить сеанс, но и сделать то, о чём он и думать не хотел. Только Далила и могла спасти его от последствий сих необдуманных действий.

Старый маразматик. Сеньора проболталась, что этот ангельский цветок – отенкай.

Но о том, кем приходился девушке Калита, Аичи не знал. Мимикрия Никиты действовала в радиусе 360 градусов 24/7/365. Даже сама Золотарёва не могла бы объяснить, почему докладывая о своей родне, вообще не упомянула об этом своём родственнике.

Гребаный похотливый засранец. Понятно. У конъюгатов нет такого поражающего энергетического потенциала, как у отенкаев. Он надеется вывести чистую линию с ней. При помощи неё. И при этом всю жизнь утверждал, что ненавидит эти бредни. В отставку толстуху, как поспеет дивный сад. Но при чём тут он??? Папаша использует его? При его тотальном собственничестве? Этот мешок жира может подпортить его драгоценный план. Или наоборот? Но как??? Он же просто... Ничтожество! Почему Хрисанф подпустил к себе такого жалкого человека?

Айнар напросился в лакуну, чтобы тоже отыскать там следы той, которая пленила его сердце. Чтобы подтвердить: что с ним такое случилось? Он заболел, свихнулся, или это ошибка?

Арсен робко всматривался в лоб и подбородок Аичи, опасаясь зрительного контакта. Дело в том, что в этот момент Агний вернулся и хотел сразу вытурить сына с канала друга, но потом что-то его остановило и он молча наблюдал их молчание. У Айнара стояли поверхностные блоки, да и он сам как-то не хотел приближения с отпрыском.

Какая-то странная атмосфера возникла между этими двумя.

Мой щитень, конечно, эффектнее, громче и фактурнее. Но Арсушка, держись. Это просто кричащая вывеска. Разумеется, в рукопашном с ним от тебя и мокрого места не останется. Но его слабость в том, что он – моя родная кровь. Зна-

ешь меня – не трудно будет прочитать и его.

Арс рассердился на себя.

До каких пор я буду склонять голову перед такими, как он? Между прочим, не я это начинал. Кое-кто сам набросился на меня. И что я ему такого сделал? Такой же чумной, как его родитель.

Иванов хотел было вцепиться в соперника (!) взглядом, бросая тому вызов, что отвечает взаимной антипатией, как вступил босс.

Стой тихо и не рыпайся. Прости. Вообще не ожидал, что он прорвёт заслон Стефана. Он – провокатор. Ты – активатор. Не провоцируйся и не провоцируй. Вы подходите друг другу. Ты его задеваешь просто своей сущностью. Ни за что ни про что. Теперь я лучше понимаю, почему он тогда так ощетинился. Даже не злись на него. Это естественная реакция.

Птерыч, убери своего цербера. Ты же знаешь, что у меня нет такого контроля, как у вас. Сорян, но что-то в нём будит во мне гнев.

Ой ли. Не надо так. В конце концов, это плоть от плоти моей. Я в любом случае с тобой, но, как говорит Далила, давайте жить дружно. Если она узнает, что я хоть как-то, пусть словом, обидел её дражайшего пасынка, спустит с меня три шкуры и вообще проблем не оберешься.

Да ты что.

Все мои дети не от неё похожи на неё. Это, видимо, судьба.

Там было давно известно, что мы будем вместе.

И чем же этот щитень похож на сеньориту?

Хотя бы тем, что оба в детстве переболели неизвестной воздушной болезнью. Видишь, отметины по всему лицу и рукам мальчика?

Тоже мне мальчик.

Ни один лекарь в Айталайе не мог понять, что с ним. Мы боялись, что это аллергия на солнце и составные воздуха, и спрятали его в специальном боксе. Но там ему стало только хуже. Поэтому я рискнул и попросил Арания позволить ему жить, как и прежде. Болячки, как рукой сняло, также внезапно. Следы только остались. Рябой он из-за этого, не как Айтал. Айтал чист и телом и душой. У Далилушки тоже есть такие оспинки. Мне кажется, Бог отмечал каждого моего ребёнка, намечал мне карту, что когда-то я встречу ту, которую всегда ждал.

Ты не так остро реагируешь на него здесь.

Прочь шелуху. И в глубине, конечно, я люблю моего сына всем сердцем. Он же не был таким. Такой маленький и серьёзный был. Я виноват перед ним сильно. Ведь он смотрел за братом вместо меня.

Бро, не казни себя. Далила рассказывала, что не таким уж папой по выходным ты был. То есть расстояние и другие обстоятельства помешали тебе взять их с собой. Ведь ты тогда не имел постоянного места жительства.

Да и Араний не смог бы оторвать близнецов от себя. Они

– единственное, что остались после его горячо любимой дочери.

Птер, ты что, уступил их ему?

Нет. Просто я не мог бы дать им всего того, что бы дал он.

Почему он так не взлюбил меня?

У тебя есть всё то, что не было у него и нет. Не зная о тебе ничего, он это чувствует.

Тогда ему придётся быть озлобленным на полмира.

А он такой и есть, щитень мой беззащитный.

Ну тогда хватит его гнобить. Раскрой своё истинное. И пускай перестанет меня терроризировать.

Ах, если б всё так просто. Он же чуть не разрезал твою шею. Человека, самого дорогого мне после Далилы и Калиты.

А как же твои дети? Они, наверное, где-то между этими двумя.

Они мне дороги уже своими крохотными молекулами и атомами. Безусловно. А вы – доказательство того, что и сама я – брэнная частичка вселенной.

Ладно, бро, как мне с частичкой моего сердца, с моей половиночкой встретиться?

Сентиментальность тут же покинула чат. Хрисанф вспомнил, что его свиданочка с женой накроется медным тазиком, если эти два его разных сына вздумают подраться. Он абсолютно не желал вмешиваться в аэлитинские дела.

Но что поделаешь. Я же, всё-таки, гребаный дядюшка

Хрисанфий. Ну зачем, ох, ох! Эти ершата тут будут плавать всю ночь, а у меня минуты нет.

Арс, всё. Сосредоточься. Да, именно так. Помнишь, компас на дюймову. Удачи!

Поток от Агния вытолкнул Айнара обратно в его трубу, а Арсена в новенький проход, который потянул его в строго определённом направлении.

Глава 49

Арсен обнаружил себя в глиняно-земляной небольшой лачуге. Напротив было маленькое открытое окошко без стекол, которое частично заслоняла знакомая фигурка, с аппетитом заливавшая в скудную кашу сок из пакетика, тем самым увеличивая объем еды, энергично мешала ложкой серую жижу и отправляла в рот, время от времени зажмуриваясь облизывая усики от простого солдатского кушанья.

Аэлита?

Она тотчас обернулась к противоположной стене домика, как будто что-то расслышала. Её светлая кожа сильно загорела, волосы были убраны высоко и спрятаны под кепку. В форме горчично-бледнозеленого цвета. Без средств защиты. В лёгких высоких ботинках на шнуровке.

А глаза! Эти глаза! Они поэтому у тебя такие зелёные, оттого что здесь круглое лето?

Они стали ещё более глубокими.

Аэлита.

Она повернулась обратно к окну.

Он не выдержал. Проверил, может ли двигаться. Арс видел себя. Но другие бы не увидели. Подошёл к ней и положил голову на её ровные крепкие плечи.

Они тут же стали мягкими, и она закрыла глаза.

Арсен.

Чиполлинка моя.

Арсен!

Он осторожно бродил губами по кусочку её шеи, выглядывающей из закрытой одежды.

Как много он хотел ей сказать. Про всё-всё! Как он жил и живёт без неё. Чему научился. Чему разучился. О школьниках. О Далиле. Об Айнаре. О Хрисанфе. О всех-всех. Хотел сказать, что она действительно чуть подросла и здорово окрепла. И что ещё в сто раз похорошела. Но могла ли она его слышать? Когда он сам себя вроде и слышит и не слышит.

Я скучаю, Аэл!

Арсен!

Она чувствовала его. Каждый миллиметр её кожи вспыхивал маленькой радугой торжества под его дыханием.

Она знала, что иногда больные начинают сходить с ума, слышать то, чего нет, видеть, чего нет. Она такое наблюдала даже у себя на родине. Но никогда не относилась к этому, как к из ряда вон выходящему. Некоторым действительно было больно. Некоторые слышали, что слышали, видели, что видели. Кто она такая, чтобы судить о том, кем является

каждый из нас. Лучше посмотреть на этого человека так, как будто мы – одной крови, что всё будет хорошо. В ней не было страха перед вещами, несколько выбивающимися из привычного уклада. Она ни перед кем бы не оправдывалась и не доказывал бы свою правоту. Не давила бы своей правотой.

Лишь бы продлить это мгновение, когда можно побыть рядом с ним! Хоть так!

Арсен еле встряхнул собственные мысли, еле оторвался от своей ненаглядной нареченной и тихо шепнул в её маленькое вспотевшее ушко. Пусть она меня услышит.

Аэл, пожалуйста, не делай глупостей. Как в тот раз. Ты же понимаешь?

Девушка открыла глаза и посмотрела прямо на него, хотя как она могла знать, где бы он мог находиться. Ведь он, буквально, на том конце света.

– Я сделаю всё, что ты захочешь, Арсен. Всё для тебя.

Почему она такая? Почему она любит меня?

Он задавал себе вопросы, которые задавал себе Айнар, но не мог получить ответа.

Зеленоглазочка моя, чипололо, приезжай домой, я сильно скучаю, ты нужна мне.

Она, как будто поняла, что связь скоро оборвётся. Её головка откинулась назад и она быстро прошептала.

– Я приеду. Если так, то я поеду к тебе во что бы то ни стало!

Образ исчез. Он очнулся в мягком тесном предлакуннике.

Уснул бы здесь, как в колыбели. Дурак. Дурак. Такой дурак. Столько можно было бы сказать, чтобы поддержать её. А я был в сплошном собственном эгоизме. Она трудится во благо мира на Земле. А всё, что я просил – чтобы она потешила моё одиночество. Идиот!

Его выплюнуло наружу и Арсен еле удержался за дверной проём, чтобы не стукнуться носом об холодный металлический пол.

– Не расстраивайся так. Ты сказал то, что она мечтала услышать. На самом деле, это проявление эгоизма – и есть то, чего хочет каждая женщина.

– Ты подслушивал? Аэл – не каждая. У неё другая миссия по жизни.

Хрисанф не совсем весело усмехнулся.

– И, тем не менее, все при этом желают только одного – любви. Прости, мне пришлось быть свидетелем. Я ни в коем случае. Просто, часы тикали, поэтому пронёс тебя через свою лауну.

– Ты видел, как я низок. Тебе нечего со мной якшаться отныне.

– Я видел лишь одно: что вы любите друг друга.

Глава 50

Хрисанф впопыхах, чуть ли не с нетерпением, проводил Арсена домой. Айнара предоставил Стефану.

– Бро, извиняй, но я очень спешу! Потом ещё расцелую

и похваляю "с чувством, с толком, с расстановкой", а сейчас – чао-какао!"

Арс подумал: "Да нафиг ты мне сдался" и сразу же завалился спать: устал, как будто марафон пробежал.

Далила уже ждала на Большой площади и, судя по её лицу, ещё мгновение и готова была взорваться от раздражения, хотя ходила тут всего час с лишним. Сначала ей даже нравилось (Приведу мысли в порядок. Какая хорошая погода!). Потом она слопала два больших рожка мороженого, расстегай, банан в сахаре, и запила это дело газировкой, отчего попеременно захотелось и по-маленькому, и как следует оттаскать за волосы непунктуального этим вечером супруга. С общественными туалетами у неё никак не слаживалось, а последние пятнадцать минут ожидания у Кирсановой уже чесалась кожа во всех местах от вибрации нервов. Вообще-то, опаздывать – не по части Агния. Может, поэтому она привыкла к его удобствам, а, может, действительно не любила стоять в очереди.

– Дорогая, я здесь! Когда концерт?!

– Он кончился, пока ты добирался.

– Неужели?!

– Все развлечения закрылись. Вот пирожок, лопай и возвращаемся. Виктория три раза звонила: Урсула вопит на крыльце, со взрослыми хочет на "концерт".

– Уфф! Пускай ревет себе в удовольствие! Ей лишь бы суматоху устроить (смотрит на часы). Почти девять, не бес-

покойся, через несколько минут её вырубит. У меня свой "концерт" запланирован, так что давай на секунду забудем об этой ораве!

Тянется к сердитой жене за поцелуем.

– Фууу! Ёх! Агний, брось пирожок! И ушку не ешь! Слишком жарко, они испортились!

– Ещё чего! Я весь день мечтал о яичных пирожочках с зелёным луком. Вечно ты прицепишься к мелочам. Очень даже вкусно.

Честно, Далила не могла за всю их совместную жизнь избавить его от разных подобных вредных привычек. Деньги ему нисколько не мешали быть скаредным: он никогда не выкидывал остатки, домашним не подсовывал, но сам очень даже мог подчистить холодильник, набивая себя вполне просроченными продуктами. И нос не воротил от всякой подозрительной на вид и запах еды. До женитьбы мог есть, когда совсем уже приспичит, потому мог поймать какую-нибудь дичь, и даже тухлую мышку и скушать её в сыром виде.

Вот и сегодня Хрисанф хаотично бегал вокруг ярмарочных лотков, опасаясь, что всё разберут или свернут, и покупал всё подряд. Далила, будучи сытой, неглижировала базар, но ему было превосходно известно, что даже после добротного ужина в ресторане дома в первую очередь хочется пошнырять по припасам.

Поэтому скоро его руки наполнились пакетами с разнообразной снедью, начиная от чипсов и шоколадных батончи-

ков, заканчивая свежей солониной и копчёным омулем размером с пол-жены.

– Агний, хватит! Зачем столько?

– Как зачем? Нехозяйственный, вы, человек! У меня штук сто ртов ждут. Да и сами поедим. Давай-давай, лучше отнеси этот печеночный тортик в машину, там я спецом холодильную камеру притащил!

Так они возились примерно полчаса, пока Кирсанов не очнулся от факта, что действительно сделает переборщ и наскоро вызвал Стафа, чтобы тот отвёз покупки в усадьбу и остановил его ярмаркоманию.

– Дорогой, опен-эйр начнётся с минуты на минуту!

– Так он будет?! (сияет что твой медный тазик). Стоп! Я только вот эту замечательную глиняную свистульку куплю для Стефана. Ему нравятся такие вещи. И эту окарину. А ещё вот эту симпатичную шитую наволочку для Вики, у неё слишком минимализм. Далила, сделай уже с этим что-нибудь! А это деревянная ходячая коровка для моей зайки Хайджи.

– Агний!

– А? (рассеянно). Как насчёт этой курочки для тебя? Никак не могу выбрать, гиперсложно. Что ты хочешь: эту курочку, или фигурку гармониста?

– Курочку.

Всё-таки, он увлёк её в свой закупочный мир.

– А ещё вот набор красивый есть, из конского волоса, по-

смотри, как аккуратно.

– Он не подходит моему халадаю.

– Да, точно. Быстро туда. Там платья на любой вкус.

Ну, еле успели занять места ближе к сцене, стинки пришлось сделать два выезда: с питанием и с прочими товарами. Хрисанф, всё же, в чём-то был прав, Вика прислала сообщение, что дети убежали разбирать игрушки и перестали ныть в унисон старшей сестре, а та прежде всех остальных растолкала и завладела лошадкой-качалкой, но только в виде цветастого единорога.

– Милый, мне ничего не видно.

Кирсанов ловко продрался сквозь толпу и пронес жену к смотровому столбу, несколько таких гигантских каркасов высились во время мероприятий с большим наплывом людей. Он поставил супругу перед собой и обнял.

– Тут теплее, оказывается. Удобно?

– Ага. Ты прям, как твоя дочь. У вас, наверное, встроенный толпопроход и людишкорасталкиватель.

– Это я на юге научился. Главное, выставляешь вот так ладонь. И всё. Это как паспорт.

– У меня не работает.

– Тогда пинай их и валяй в сторону.

– Скорее, это я отлечу куда подальше.

– Точно. Ты, как пушинка на ветру!

– Не смейся! Меня действительно уносит, когда кто-нибудь стремительно пронесётся.

– Вот поэтому держись за меня. А я буду держать тебя.

– Хорошо.

– Прости, что задержался и заставил ждать, любимая.

– Хорошо, прощаю. Как всё прошло?

– Нормалёк. Арсушка – впечатляющий паря. И, кажется,

твоя подружка скоро приедет в гости.

– Аэлита?!

– Она самая. Правда, в лакуну ещё Айнар затесался, потому бегал по двум ячейкам.

Концерт начался и Агний начал кричать вместе с другими ярыми крикунами. Ему нравится ходить на все знаковые культурные события. Вот, на той неделе был на рок-фестивале с братьями Далилы. Она не пошла, так как у неё был очередной приступ ветрянки и чувствовала себя из-за этого некомфортно и капризно.

– Айнар?

– Да, этот щитень.

– Что он там потерял?

– Откуда я знаю. Намылится прямо перед стартом. Арса как следует не подготовил и толкнул всырую, но он молодчага, разобрался.

– Хм...

– Смотри, та группа будет выступать после этого номера! Ух! Я следующим летом, может, тоже запишу "Патлы", а?!

– Даже не думай! Пирожочек, а ты не заметил ничего странного? Как он себя вёл?

– Щитень-то? (дерёт глотку при появлении любимчиков).

– Вовсе он не щитень.

– Без понятия. Мне было не до него. Хочет заниматься – пускай занимается. Ну хоть бы предупредил заранее. А то как снег на голову. Настроение мне чуть не испортил и Иванова напугал.

– Агний.

Поёт вместе с фанатами знакомую песню. Кричит громче всех.

– Агний?

– А?!

– Я не уверена и вообще это сомнительно. Но.

– Что?!

– Возможно, Айнар влюбился в Аэлилу.

– А?!!!

– Ты меня слышишь?

– Чушь. Он её даже не видел.

– Он видел её фотографию. Которую она мне подарила.

– Господи, так не бывает.

– Ещё как бывает. Вот ты сам влюблён в этих музыкантов, хотя не знаешь их лично.

– Это другое!

– Но ты утверждаешь, что любил меня до того, как встретил.

– Ну это. Это романтический порыв. Я мечтал!

– Айнар очень похож на тебя. Почему бы ему не влюбить-

ся в ту, с которой он ещё незнаком. Ведь его отец полюбил меня ещё ученицей младших классов.

– Это совсем другое!

– Во всяком случае, он украл у меня её фото, видимо, снял копию, потом вернул на место. Я заметила.

– Эс (як. – отрицание, несогласие, типа: "да нет", "не так").

– Да. Повторяю, это всего лишь догадка. Но сам подумай, почему так резко заявился в лакунариум?

– Нет.

Хрисанф освободил одну руку и прикрыл ладонью глаза.

– Любимый.

– Этот тройничок меня совсем не радует.

– Но разве это не прелестно, что твой сын, и познал такие чувства.

– Ах, детка! Ты не понимаешь.

– Айнар как-то говорил мне, что не собирается жениться и вообще амурные дела ему не сдались. Потом, ты видел его выбор?

– Он – потаскун и больше об этих его гадостях я и знать ничего не желаю.

– Я тоже была такого мнения. Но потом...

– Что потом?

– Агний, он выбирает тех, кто, если и вспомнит о нём, то как-нибудь по пьяни скажет: был такой крутой мужичок.

– К чему ты ведёшь?

– Айнар избегает любви. Он предпочитает девиц лёгкого

поведения и нарочно дразнит тех, кто могли бы проникнуться к нему симпатией. Отталкивает от себя приличных девушек, чтобы они к нему не привязывались.

– Да ты что.

– Это не мои фантазии. Он такой же женолюб, как ты.

– Этот щитень – просто грязный похотливый потаскун. И хватит мне мозги мыть.

– Мне кажется Айнар сказал так, потому что боится разбить кому-нибудь сердце.

– Как я её матери?!

– Ну, не так. Просто он – не тот, за кого себя выдаёт. То есть не такой плохой, как его видят. Он жалеет девушек.

– Тоже мне. Всяк притон его знает.

– Вот именно: те, кто не прочь, кому работа, и кто забудет его хоть завтра.

– Причём здесь малявка Арсена?

– А причём здесь я?

Хрисанф подавил своё недовольство и обнял жену.

– Я люблю тебя.

– Я тебя тоже.

– Почему ты мне раньше не сказала?

– Потому что ты задирает нос и ведёшь себя, как дурак. И слышать о нём не хотел же.

– Ох, Далила! Нет ничего хуже безответной любви. Тем более, для коньюгата.

– Может, это и не любовь.

– По твоим наблюдениям, боюсь, она самая.

– Знаешь, Аэлита – хорошая девушка. Может, это то, что нужно твоему оболтусу.

– Щитню-то? Все девчонки – хорошие. Только эта принадлежит Арсену.

– Вечно ты с принадлежностью.

– Ну что поделаешь, Аэл – однолюб, как и я.

Целует.

– Давай, молодые сами разберутся.

– Конечно. Кто нас, стариков, послушает. Давно на пенсию отправили.

– Что будем делать после эйра?

– Может, поедем на Мунди-экспресс?! Только ты и я.

– Там будет полно народу.

– И ты и я.

– Ну, хорошо. Быстро заскочим домой.

– Только Урсулу не брать! Она разнесет там всё!

– Да она десятые сны видит уже.

– Уии! Наконец-то папка с мамкой повеселятся в собственное удовольствие! До утра!

– Хотя бы до трёх, милый.

– Уииии!!!

Глава 51

Мунди-экспресс представлял собой водохранилище, созданное на месте искусственного озера, которое, в свою оче-

редь, прежде было обычным природным. Его площадь была довольно большой, а воды использовались в различных нуждах, начиная от питья, заканчивая оросительными и огородно-поливочными функциями. Летом превращалось также в пункт отдыха людей со средним доходом. Хрисанф запустил свою руку сюда, потому что водоём частично был бесхозным. Лёд, рыбу, энергию брали, когда нужно и понемногу, в остальное время озеро забывалось, зарастало, становилось свалкой и так далее. И тогда Калита предложил другу создать здесь несущественную турбазу, в целом – купалку, поскольку подобные места, вернее их отсутствие, становилось насущной проблемой граждан в горячие месяцы.

Пляж оставили совсем тонким, привезли крупный белый песок и камни, так что тут могли наслаждаться те, кто любит поваляться на солнце. Возможно, эта идея впала в Агния из-за того, что он сам не особо любитель полежать в шезлонге. До середины Мунди можно доехать на водном трамвае. Рельсы протянуты по поверхности и Хрисанфу не было нужды перекапывать дно и устанавливать опоры. Неудобство заключалась лишь в том, что экспресс ездил по маршруту только два раза: утром и вечером – по прохладе.

– Почему мы не проваливаемся?

– Летим на крыльях любви!

– Агний!

– Ну, небазовая физика. Тебе объяснишь, потом ты в своих книжках такую фантастику разведёшь, что...

– Даже тебе будет стыдно?

– Нет. Наоборот, заморочусь и буду котелок варить: А так можно вообще? Ты всегда заставляешь мои мозги работать в режиме эврики.

– Э, чэ, не ври. Ты сам создал какую-то параллельную вселенную по моим черканиям и шипперешь там всяких, с кем хочешь.

– Никого я не шипперю. Я ж мужик, не по этой части.

– Ну да.

– Я себя с тобой и всё. Канон.

В сердцевинке находилась громадная плавучая площадка, где можно было бесплатно и платно приобрести различную еду и напитки. Но никакого классического пляжа. Это место предназначалось для купальщиков, ценителей купания. Остальные, пожалуйста, оставайтесь на берегу.

Тут круглосуточно курировала служба спасателей. Акватория аккуратно поделена по глубине на секторы, так что утонуть было практически невозможно.

Кирсанов нашёл для себя и супруги свободную зону отдыха и перетащил туда их походный скарб: провизию, запасную одежду (сухую, после купалки), раскладную лежанку, надувные приспособления и так далее. Была даже парочка книг.

– Не говори, что собираешься читать.

– Почему нет? Очень маленький томик со стихами, думаю, украсит вечер, если продекламирую для возлюбленной несколько строчек.

– Люди смотрят, так что дай-ка сюда, спрячу куда подальше.

Кирсановы, ещё не полуголые, пошли по краю центрального сектора, где фиксировалась приличная официальная рекреация. К тому же в этой части всегда дул прохладный ветер, так что можно было запросто прогуляться даже в лёгкой куртке. Те, кто стеснялись, или приехавшие сюда для тематического фотосета, могли здесь спокойненько побродить, любуясь различными красивыми локациями, например, прозрачной голубой каретой, вырезанной из миллиона крошечных рыбок; или гигантским красным псевдомаяком, с верхушки которого, по желанию, можно сделать прыжок с оборотами или без.

Поскольку в городе они почти не успели погулять, взявшись за ручки, Агний сейчас держал жену, пока она ходила по узкому высокому каменному волнолому. Пока Далила напрягалась, чтобы не попасть ногами в пропасть, Хрисанф озабоченно наблюдал за мимоходными прохожими.

– Дорогая, может мне тоже нарастить живот (гладит свой пупок под футболкой), а то как-то совсем несолидно.

– Хватит нам одного брюхастого в семье.

– Но ЛиЛу, посмотри, наши ровесники почти все немного солидные.

– Это мои ровесники. Ты, видимо, уже перерос тот возраст, в котором человек жиреет.

Агний слушал жену вполуха и всё также критично срав-

нивал себя с мужчинами средних лет.

– У тебя ладошки вспотели. Спускайся. А то выскользнешь.

Он её подхватывает и она прыгает на булыжниковую дорожку рядом с ним.

– Милый, если хочешь животик, поешь арбузов, зря что ли три штуки прикатил.

– Точно!

Хрисанф улучил момент, и слегка прикрыв её собой от взоров окружающих, обнял.

– Я это называла "Статуя любви". Не делай так, пожалуйста.

– Ха! Почему статуя?

– Ну. Когда мы учились в универе, иногда, изредка можно было наблюдать парочку студентов, которые взбирались куда-нибудь чуть повыше, чтобы возвыситься, допустим, на одну голову, и замирали в позе.

– Ха-ха! В какой? Такие извращенцы!

– Не в том смысле. Просто парень, к примеру, прислонял башку к груди девушки, по той моде, в чёрной водолазке. Девчонка откидывается назад, и, как богиня, снисходительно запускает пальцы в его шевелюру. Ну, это одна из статуй. Можно ещё в виде гифки с поцелуями и объятиями. Но до самого интернесного, всё же, не доходит. Потому – статуя любви. Образец. Прилюдный.

Агний прислонился к Далиле, чтобы она тоже чуток со-

образила.

– Ах, вот как это называется. Я тоже о таком мечтаю. Всегда мечтал.

– Фу! Руки прочь.

– Ну, Дели, совсем капельку попробуем.

– Зря я тебе это рассказала.

– Ох, зря. Ты же знаешь, что я – дилетант в таких вещах.

Пожалуйста. Не стесняйся. Я всё равно тебя прикрою.

Так как он ни за что не отступал, они немного постояли так, обнявшись, опираясь о перила.

– Всё?

– Ага. Потом ещё в другой позиции испытаем.

Улыбается.

– Чё такой довольный?

– Потому что довольный. Ты всегда научишь меня чему-нибудь интересному.

– Это была секунда гребаной ностальгии.

Пошли купаться. Далила вошла в лягушатник: уж с совсем с небольшими детьми и штучными стариками. Она всегда там купалась. Агний минут двадцать был с ней, но затем она его отпускала наслаждаться водной стихией. Хоть ему и нравилось возиться даже с чужой малышней, всё-таки поплавать всласть на большой воде ему тоже очень и очень хотелось. Далила видела издалека, как его фигура то появлялась, то исчезала среди волн. Хрисанф спецом надел очень простые серые недлинные шорты. Чтобы не мажориться в

присутствии жены и чтоб та не обозвала его снобом. Этим летом он сильно загорел, что стало предметом его гордости, хотя маленько переживал, что хоть почти и сливается с местными, но немного не дотягивает. Его загар отливал медью и бронзой, но, как соглашалась Кирсанова, до уровня подгорелого пирожка несколько не хватает. Однако, извечные сенокосные дела и прочие работы на свежем воздухе не обделили вниманием его тело. Практически накануне его короткие волосы догнали те, что подлинное, и все они потемнели почти под классического брюнета: его любимый цвет патлов. Огорчение доставляли только глаза. Сегодня они (как он выразился: "не в тему") были ярко-синего цвета. Как у старших сыновей, но не их равномерная чистая синь, а как будто там в океане плескаются дельфины.

– Ты ж мой красивый ирландский мужчина!

– Далила, нет. Я из района.

– Мечтай.

Он нарочно щурился, хотя прекрасно может не щуриться от сильного солнечного света. Так, для образа и солидности. Хотел надеть тёмные линзы под стать коже и волосам, но они всё равно бы выпали в воду при нырянии. Поэтому делал важный вид и щурился, чтоб не смущать народ "своими идиотами".

Глава 52

Агний указательным пальцем коснулся одной маленькой

прозрачной рыбки, из которых состояла карета, вот-вот вышедшая из озера.

– Знаешь, что это, Дэри?

– Конечно, знаю.

– Такая уверенная. Что же?

– Не уверена, но есть версия.

– Скажи.

– Я, как бы, должна знать. Но, честно: я могла и могу и не знать.

– И тем не менее?

– Это в честь основы Мунди-экспресс?

– Да.

– Это же чудесные гольяны?

– Да.

– Хоть что-то в этом мире сохраняется. Пусть нам это и непонятно.

Хрисанф заказал проект ещё весной и сам придумал дизайн (он довольно хорошо рисует, но сам так не считает), потому что подозревал, что ей нравятся такие вещи, вернее, ассоциации, которые они создают.

Мунди не был столь популярным местом отдыха (как и многое другое из того, что предлагал тандем народу) из-за "подозрительной" дешевизны, крутизны и, конечно же, возможной небезопасности (Ох, уж эти новые технологии!). Кирсанова вообще считали слегка отчаянным бизнесменом и новатором, до которого, признаться, в социуме ещё не до-

росли. И, разумеется, никто особым желанием не горел вторить его неуместной деятельности.

Также, неофициальной причиной того, что к озеру не валяли со всех сторон, являлась легенда об озёрном странном обитателе, которого, однако, никто никогда конкретно не видел. Так, чисто слух на слухе, байка на байке.

Старшие дочери Хрисанфа тоже здесь бывали, и раз брали даже некоторых очень упорных детей, но с остальными не ездила только Ванесса. Агний посмеивается над ней, типа, лохнеска лохнеску видит издалека. И девушка явно не очень радовалась этому сравнению, к тому же она относилась к тому сорту людей, что не любит частично обнажаться в присутствии публики, пусть на улице выше тридцати пяти градусов по Цельсию.

Виктория ничего. Видимо, профессия обязывала. Но напяливала горничная такой постный, такой закрытый и камуфлирующий все интересности купальник, что Далила частично верила мужу, что с ними проживает будущая старая дева.

Вероника, наоборот, выбирала бикини с кричащим налёком, так что Хрисанф однажды отправил её переодеваться, чтоб не щеголяла в приличном месте во всей срамоте.

Надо отметить, что Верон входит в число тех редких особ, что считают себя, если неотразимыми, то превосходными. Этим она даже чуточку вызывала симпатию у своей хозяйки. Потому что это чувство у неё было такое абсолютное, такое

зигдущееся ни на чём, кроме природной красоты, обаяния и молодости. Нельзя её спутать с Аэлитой. В ней ни капли скрытой внутренней (пусть и неплохой) меланхолии, ни тенёчка сомнения вкупе с шикарнейшей наглостью и безнаказанностью. Кто-то говорил мне, что те, кто подобны дьяволу и совершают аналогичные поступки, в принципе, обходят ад, поскольку натурально не считают себя в чём-то не такими. Это не совсем про Веронику, но её отец порой удивляется, как из него могло образоваться нечто вроде неё, ведь её мать – образец скромности, терпеливости и сдержанности. И опять же он уходил в ту степь, где все его отпрыски каким-то неведомым образом переплетались с генами его дражайшей супруги.

Богдан сухопарой цаплей стоял на мелководе и ждал, пока его названная невеста пузырила всю округу, освистывая кого попадётся и смеясь так, как будто мир – это очень смешно, а людишки – вообще.

Откровенно, жених Вероники весьма нравится Хрисанфу. Она познакомилась с ним, когда только устроилась на работу к Кирсановым и выбиралась оттуда к дальней автобусной остановке, где и встретила своего драгоценного. Далиле он показался укропом семейства крестоцветных без запаха и со вкусом прокисшего земляничного мыла.

Что Вера в нём нашла?

Ну, типичный худоватый высокий молодой парень в складной простой одежде, с занудным, немного картавым го-

лосом. Симпатичный, но бесцветный для нашей любительницы красавчиков.

Но Агний чуть ли не сразу принял его в семью и сказал супруге, что очень рад, что та находит его серым и безынтересным, но лично он в курсе, что именно из таких чумориков выходят хорошие мужья и добротные семьянины, и что Вероника, хотя бы в одном пошла в него: умении выбирать сердцем.

Тут Далила сворчала что-то, но ей не было понятно, почему эта, считающая себя убойной красоткой, красотка, при желании носила бы своего ненаглядного на руках. Да она итак ввязалась в драку с мужиками, собравшихся напасть на них, когда возвращались с поздней вечеринки. Конечно, девушка не была столь сильна, чтобы противостоять группе, но норову и гонору в ней было столько, что это, если не отпугивало, то отталкивало. Известна пословица: не связываться с психами, но, наверное, сюда ещё можно добавить: обходи тех, у кого язык работает не хуже кулаков. Несмотря на свою простоватость, блефовать она умела. Но вся эта её ловкость и хитрость падала куда-то на дно, когда вступала эта простецкость. Однажды Далила поймала девчонку, когда та собиралась отлупить троих свертниц за то, что те собирались строить глазки её бойфренду. Еле успела прикрикнуть, когда Вер уже схватила одну неприятельницу за волосы. Кирсанова пожаловалась Кирсанову, и тот предупредил, что если она будет вытворять всякие безобразия, то может выме-

таться из их дома прямо сейчас. Вероника, конечно, клялась быть культурной, но на следующий же день держала потенциальную конкурентку в коридоре за шкурку и на полном серьёзе предупредила, что Богдан – её и только её МЧ.

В общем, Агний решил, что Урсула и Береника заставляют его из кожи вон лезть и орать, как папу Эмиля, поэтому их с собой в Мунди брать – сплошная морока.

Урсула всё сметала на своём пути, как ураган, а средняя старшая могла прям в лицо незнакомому человеку заявить, что он вонючка, урод, толстяк, худяк, идиот и, тыча пальцем, хохотать до упаду.

Глава 53

Далила почти сорок минут сидела в естественной природной "ванне", время от времени атакуемая мелочью из лягушатника. Поначалу дети посматривали на женщину с интересом, с прямым, прямодушным интересом, когда не отворачивая от неловкости глаз, с любопытством изучаешь строение человека, шаряшь по его лицу, выщипываешь все прелести и недостатки. Но, наверное, уже по прошествии семи минут, им это надоело, и, как это обычно бывало с Кирсановой, ребяташки стали относиться к ней без особых церемоний: ныряли, фыркали, прыгали чехардой чуть ли не через неё и всё остальное безобразие, из-за чего могло сложиться впечатление, что у неё нет никакого авторитета над малышкой. Когда Далила слегка рассердилась, что в её пучок на го-

лове постоянно идут брызги, возможно, с кусочками слюны, уж на что ей не было по нраву, когда ей указывали на её лета, , она немножко покричала на детвору.

– Вообще-то, я вам тётка, а некоторым даже бабуля! Старших надо уважать!

И в ту же секунду получила пинок в спину, толчок в ногу от какого-то активного ныряльщика с пластиковыми очками и ещё одна девочка запульнула в её правое ухо очередной каскад воды.

Бесполезно. Вокруг продолжалось кипение. С небес близорукому каком-нибудь ангелу показалось бы, что в этой части Мунди-экспресс установили большое джакузи, так как движение там было настолько хаотичным, что можно было порадоваться, что это далеко от берега и со дна песок, почва не баламутится.

Здесь была установлена тонкая крепкая сетка из особого сплава: очень лёгкая, прочная и не приносящая вреда для водоёма. Глубина была совсем небольшая. В самом глубоком месте Далиле по грудь. Ребята постарше, или те, кто хорошо умеют плавать, шли в следующий сектор с соответствующими характеристиками.

Кирсанова отсюда увидела, что Калита тоже приехал и, не обращая ни на кого внимания, булькнулся в закрытую секцию, откуда открывался проход в самое сердце озера. Это он приехал кормить то чудище. Так как трамвай не ездил часто, Никита прибыл на новенькой моторке, одной из бесчислен-

ных 26, так что она уже и не пыталась запомнить номера всех машин, что у них были.

Этот таинственный зверь и раньше объявлялся в водах Мунди, но люди побаивались, а то не было желанным для турбазы, поэтому тандем установил везде защитные ограждения. Когда после Далила увидела это легендарное создание, то поняла, что все эти профилактические меры были для успокоения, и что существо безвредно, и вообще не очень-то гигантское, как о нём раздували. *Mundi mundi. Vulgaris*. Размер: примерно два с половиной метра в длину, в поперечнике меньше метра. Туловище удлинённое, голова маленькая. Питается разнообразно, но мелкими животными и растительностью. Далила вспомнила, что зверь любит тыкаться мордочкой в ноги купальщиков. И она также выбегала к берегу, думая, что это рыбы к ней присасываются. А, оказывается, это был *Mundi mundi*. К великому удовольствию Калиты это действительно была лохнеска. Так что можно было получить потомство, поместив клона в саму же особь. Однако это не совсем млекопитающее. Что-то до. Переходное. Хрисанф подбодрил друга заявлением, что у него всё получится, ведь получилось же у него с Далилой.

Кирсанова вышла отдохнуть и устроилась на минутку на складном походном стуле со спинкой. Она практически не делала так, но здесь не было комарья, слепней и мошек и хотелось полюбоваться видами. Мёрзла от дуновения ветра и предпочитала, всё же, барахтаться с "лягушатами" и их ро-

дителями, или спокойненько сидеть на корточках, или коленях, или на боку в мелководье, покачиваясь от набегающих волн. У ней с собой были очки, так что она была благодарна себе за нерассеянность и предусмотрительность этим вечером. Вооружившись волшебными стеклами, Далила завидела, что муж перекочевал в одну из средних секторов (для взрослых) и там время от времени выбирается из озера, чтобы поговорить с какой-то дамой.

Кирсанова отрегулировала очки на нужный диоптрий. Потом отбросила их и схватилась за бинокль, который тоже предусмотрительно взяла с собой. Впрочем, то было не такой уж редкостью: мало ли, можно птичку какую-нибудь понаблюдать, интересно же. "Птица" на этот раз оказалась женщиной чуть старше Далилы. Прямо из тех, которые очень нравятся её благоверному. Она угощала этого "славного парня" в прекрасной форме кучой пирожков (с мясом и рисом) собственного приготовления, морсом и ещё чем-то, что доставала из своей корзинки для пикников. Путь к сердцу Хирсанфа лежит напрямую через желудок. И извилины у него становятся все прямыми и благодушными, как только ему предложат еды.

Натуральная собака Павлова. Что это за гортензия такая? Гортензия сама не купалась, а, видимо, приглядывала за сыном, который напросился на уровень посложнее.

Да она в прошлом смачная штучка.

Далила критично осматривала через бинокль коричневый

раздельный купальник. С шаловливой полоской рюшечки по спине. Не обычные полуспортивные ляпочки. Элегантная, хоть и небогатая, рюшечка. А может и воланчик. Кирсанова как-то не разбиралась. Не только коричневое, но и с кусочками зелёного и синего. Без парео. Но на бёдрах повязан белый прозрачный кусок ткани. Тоже не новое, даже старенькое, умело устроенное бывалыми, в хорошем смысле, руками. Кожа светлая, и в её возрасте в довольно приличном состоянии. Женщина, не замороженная уходовыми процедурами, скорее, как написали бы в старинном журнале: с пикантной ванильной перчинкой. Гардероб – всё один и тот же тонкий старый шкаф и несколько вещей, которые она комбинирует. И брызг простых духов станет для неё завершением не стильной комплектации, а раздражит её женское любопытство и лёгкую загадочную авантюру на весь день. Женщина-кошка. Пусть старше бальзаковского возраста. Пусть со смешным пузатым прицепом (старшие, видимо, выросли). Такие входят в древний паровоз с удобными кожаными ботиночками (но чуток с каблучком), с чуть обшарпанным маленьким чемоданчиком, зато с зонтиком и перчатками. В современности, она с рюкзаком (пирожки, морс, все дела), зато шляпка тонкого плетения с примятой ленточкой (это не прилизанные до безупречности особы) и на шлепках стразики.

– Уу! Хищница!

Но это Далила преувеличивает. Ничего не хищница.

Очень даже курица-мама, худо-бедно хозяйка дома. С мужем либо развелись, либо вдова.

– Ну, конечно, мой рот разинул, глаза выпучил.

Агний и в самом деле охотно брал кушанья, чему-то улыбался, чему-то смеялся, а в конце засел с собеседницей надолго и купаться его, похоже, больше не тянуло.

Далила была в курсе, что он без ума от таких самодостаточных, колоритных, оригинальных женщин, да ещё впридачу с хавчиком.

Они о чём-то говорили и говорили, и Агний дал ей свою визитку, она – свою. Не помогли съеденные Кирсановым до заплыва два огромных арбуза. Сжёл калории и нашёл новые на бережку, и теперь болтал ногами в воде, верхняя часть тела обсохла и блестела на солнце. Он смотрел прямо, глаза в глаза. Значит, увлечён. Он либо впивается в человека, либо старается прятать свой взгляд, смущаясь или, наоборот, не желая смутить.

Когда ещё через полчаса Хрисанф вспомнил о жене и заглянул к ней, она пила сок из трубочки и не возилась в лягушатнике, а лежала в шезлонге, накрывшись тонким полотенцем.

– Почему не купаешься?

– Откупалась.

– Даже? Не похоже на тебя.

В отличном настроении он полез в одну из их сумок и протянул ей крохотную коробочку.

– Что это?

– Открой.

Внутри лежало колечко с камнем синезеленосерого цвета. Они нередко дарили друг другу кольца, он – ещё чаще. У них были обручальные кольца, помолвочные, на годовщины и так далее. Только она носила их когда и как придётся, потому что это был не слишком удобный для неё вид украшения. Хотя получать в подарок, любоваться любила. И носила с удовольствием, но, всё же, мыть руки, цеплять за одежду, терять в варежках – с кольцами всегда много нюансов. Хрисанф же регулярно надевает. И до неё и после женитьбы. Но и у него меняется размер пальцев, поэтому он также редко носит обручалку, и они не относятся к паре, которые похожи на окольцованных голубей и вынуждены подбирать другие украшения соответственно с колесками. Есть история с Ванессой, как она узнала, что Кирсанов – её отец, потом, как-нибудь расскажу.

– Как красиво. Что за камень? Никогда такого не видела.

Она смягчилась. Не подозревая, он зашёл со стороны, улучшившей её эмоции.

Агний присел рядом к ней на шезлонг и, обняв, поцеловал.

– Это зафиксированная вода из озера. В память о Мунди-экспресс.

– Такая другая прозрачность. У минералов чисто, но немного холодно. Здесь так живо. И без граней. Как капель-

ка.

– Ди. Я знал, что тебе понравится. Смотри, фокус.

Он подозвал её к воде и осторожно погрузил её кисть в воду. Камень как будто растворился, виден был только ободок кольца и место насадки.

– Круто!

Она вытащила руку: как прежде. Камешек аккуратно сиял на пальце.

Далила привлекла его к себе под навес, чтобы не мозолить посторонние взоры. Его кожа была ультра-тёплой и пахла озером: живой водой.

– Далила.

– Однако, ты всё-таки гад!

– А?

Он рассчитывал, что они понежатся немного и вдруг заметил, что супруга переменилась в лице. Она изъявила своё недовольство и сказала, что видела, как он развлекался с годной мамзелью.

– Если б она ещё суп и второе притащила, ты бы залез под неё там же.

– Да что ты такое говоришь! Люси что ли? Да, виноват, кажется, скушал весь их обед, но я дал ей и её сыну карту в нашем ресторане, там тоже неплохо кормят. У неё просто бизнес по выращиванию зелени. Ты же знаешь, что мы сотрудничаем с малыми предпринимателями. Осенью мне очень нужен завоз микрозелени и лишайников. Мы их за день све-

женькими экспортируем. К тому же она и грибами тоже занимается. Я бы себе прикупил. И для детей витамины зимой пригодятся.

– Фу! Как будто тебе твоего огорода и сада мало.

– Дэли, именно так и ведётся бизнес. Я работаю по шестнадцать часов в сутки. Нельзя упускать выгодные моменты.

– Ты же сам говорил: только ты и я!

Она попала в точку и он понял, что ступил.

Плюс ещё поел. Всегда так. Как собака Павлова. Права моя крошка.

– Ну, хорошо, прости меня. Ты следила за нами, так что знаешь, что ничего не было. Приятная во всех смыслах женщина. Но у меня и в мыслях не было ничего подобного, о чём бы ты могла подумать.

– Это из-за петрушки так загорелся? Ты буквально впитывал всё, что она тебе говорила.

– Но, Далила, за такую цену любой вцепится. К тому же мы с Калитой выделяем средства для таких автономщиков. Я сказал, что могу найти субсидию и вообще чуток помочь.

– Конечно. Она, наверное, мать-одиночка.

– Да. Откуда узнала?

– Это было несложно. Учитывая, какую слабость ты питаешь ко всяким милфам.

– Хватит оскорблять ни в чём неповинных людей! Я оскорблён не за себя, а за Люси.

– Тогда иди к ним и прекрасно проведи время без меня.

Она изо всех сил (не очень-то далеко удалось) кинула кольцо в озеро.

– Далила. Ну, не сердись. Это не пустяк, я понимаю. Больше не отойду от тебя.

Хрисанф хотел обнять и лечь рядом с ней, но она положила руку на край шезлонга, предупреждая, что вход воспрещён.

– Воон, там тоже наблюдаются в зоне доступа весьма занятные субъекты. Поджидают, чтобы снять подходящего альфонса.

– Дорогая.

– Я не собираюсь быть тебе мамкой! Если хочешь, ищи титьку в другом месте.

Глава 54

Агний понял, что дал маху с этим треклятым знакомством, и, если по правде, он тоже обиделся на неприятные слова в его адрес. Дело было не в том, что ему могли нравиться женщины среднего или пожилого возраста.

При чём тут это. Конечно, странно осознавать, что она меня ревнует. Но теперь на собственной коже чувствую, как это не ахти. Неужели Далиле также плохо, когда мне плохо оттого, что её окучивают всякие претенденты? Но сравните попу с пальцем. Блин, она портит меня: стал материться как сапожник. Но правильно говорит: мы же сюда отдыхать приехали, провести время вместе. И ссориться из-за пустяка...

Скорее причина была в том, что она отсылала его к "мамке", зная, что у него её никогда не было. И что он действительно никогда не скучал по тому, чего не было. Он даже не мог переживать подобное. Не было записи в тетради. По нулям.

Она не со зла. Как всегда вулканит.

– Ладно. Я схожу, посмотрю, что есть ещё выпить. Что хочешь?

– У меня уже есть сок с соломинкой. Сама себя обслужила, как сильная и независимая.

Далила отчеканила последние прилагательные излишне выразительно, потому Хрисанф поспешил ретироваться.

Если ещё сунусь, чего доброго закатит скандал на весь Мунди.

Кирсанова отвернулась, и Агний нехотя поплелся в сторону бара. Там он в одиночестве выпил большую пивную кружку кофе. Конечно, не в тему, но ему захотелось чего-то покрепче. Потом кругами вернулся ближе к насесту жены. Она лежала демонстративно на боку и читала ту самую книжку, которую он захватил с собой. Хрисанф, пока она не видит, нырнул в воду и тихо поплыл приблизительно туда, куда Далила швырнула кольцо.

Вообще-то, она уже жалела о том, что так поступила с подарком. Как бросила, так через мгновение и пожалела и постыдилась. Оттого и сказала ему кучу ненужностей. Кое-что было правдиво, и был за ней недостаток, что она замалчи-

вала свои недовольства им, а потом вытряхивала за раз так, что тот летел вверх тормашками. Но когда он пытался устраивать семейную психотерапию и рефлексию, из неё и слова вытянуть было невозможно, и она объясняла это тем, что другого составу и что не собирается жить по его установкам или по правилам, заведённым в его прежнем житие.

Если бы она не была озабочена этими угрызениями вперемешку с волнением, что он сейчас делает, не расстроился ли из-за неё, то не застыла бы на первом абзаце. Не вникала в столбик стихов ни на миллимоль, и даже представить себе не могла, что он плавает вокруг неё, ожидая, когда стихнет буря и наступит штиль.

Агний нашёл колечко и втихаря положил его на столик, пока она копалась в дорожном саквояже, чтобы отыскать телефон и обдумывая, как бы позвонить Калите, чтобы невзначай спросить, где её дражайший супруг.

Так и не решившись, Далила отложила мобу и угрюмо присела на лежанке. Тогда её взору попалась былая пропалжа, приветливо сверкавшая на солнце. Камень с души упал и провалился в земное ядро, сварился там в единое целое, а кошек, скребущих совесть, она сама вытурила до поры до времени.

Любимый.

Тем временем Кирсанов двинул в более людную часть сектора, куда направились и те самые охотницы, о которых говорила Далила. Ему то было невдомёк. Он был погружен в

собственные раздумия о том, как исправить положение. Не знал, что она уже обрадовалась возвращению кольца.

Эта девчонка ненавидит меня, когда не любит. Смотрит, как будто вообще не выносит.

Он сел на высокий плетёный из специальных подходящих ив стул и уставился невидящим взглядом на свои руки, сложенные на стойку замком. Без неё для него погасло солнце и всё в окружающем перестало быть ярким и интересным. Ему предложили выпивку, пляжный коктейль и он не без удивления поднял голову. Незнакомка была одной из тех, о ком упоминала жена. Лет сорока пяти. Он принял напиток и представился.

Минут через двадцать Далила издали завидела, что Хрисанф в сопровождении троих женщин. Двое были старше неё и одна – ровесница, из тех, кто коня на скаку остановит и идут напролом в достижении цели, в том числе в отношении мужчин. Агний знал, что отсюда она может наблюдать за ними, но не подал виду.

Мамки, говоришь. А что, прикольно.

Он накинул тонкую светлую рубашку, босой в одних недлинных, всё ещё чуток влажных шортах, разумеется, он выглядел, как конфетка, для таких, как те, с кем познакомился. Таким нравится самим управлять мужиками и быть, как говорится, сверху.

Далила было успокоившаяся и умиротворенная, что он её помнит и старается помириться, чуть не подавилась мягким

печеночным тортом с ярмарки. Чтобы Агний не услышал её возмущенный кашель, запила целым стаканом сильногазированной газировки, отчего у неё защипало в носу и набух живот.

Как он смотрит на других? Всегда ласково и щепотку снисходительно. Так же, как на меня? Он на всех так смотрит? Чем же отличаются тогда наши отношения от его женолюбия? Только браком?

Как-то она думала, что он в силу своего старчества, относится к остальным представительницам прекрасного пола, как к братьям меньшим, то есть как к сёстрам меньшим, или, как к дочерям: снисходительно и балуя.

Но когда Хрисанф привёл старших дочек в дом, то она воочию узрела, что к чужим – это не отеческие чувства. Виктория, Вероника, Ванесса порой доводили его до белого каления и не всегда он с ними обращался, как будто им всё дозволено и допущено. А когда у них появились собственные дети, оказалось, что Агний – типичный хлопотливый папа-курица и заботливый нежный отец. И он ни в коем случае не вёл себя с ними так, как гребаный истукан, которого она сейчас обозревала.

Кирсанов кивал, соглашался, подавал им еду и питье, сумочку, таскал с собой их накидки и как будто обнимал глазами.

Он это нарочно. Скоро уедет наверное с ними, когда миледи скажут, что устали и им пора баиньки в отель.

Он бросил на неё проверочный мимолетный взгляд и прочитал в её недовольном лице: прекращай уже это дуракаваляние и иди ко мне.

Хрисанф с удовольствием попрощался с привыкшим к нему дамами, уже посчитавшими, что он у них в кармане. Он действительно был любезен с ними и времяпрепровождение, проведённое с ними, было очень даже милым и познавательным, но раз его звала Далила, то он не стал лишним раз думать, что, как бы, кинул своих съемщиц.

– Ты бы ещё у входа стал, приподнял ножку.

– Можно попробовать. Только, сколь долго надо будет ожидать? А то я покроюсь мраком отчаяния, если никому не буду нужен.

– Почему ты на них так смотрел?

– Как? Я не вижу себя со стороны?

– Как будто они важны и сильно дороги тебе.

– Да нет. Не было такого. Это всё эти проклятые моргала.

Что хотят, то и делают.

– Во всяком случае, не сваливай всё на самые любимые мной на свете глаза. Я запрещаю тебе так смотреть на других. Опускай голову, или смотри на небо.

– Слушаюсь и повинуюсь.

– Не смешно.

– Да, Лила.

– Я сказала, не тупи так больше. Ещё немного и они увезли бы тебя в неизвестном направлении. Как бы я тебя нашла

потом?

– Да, Лила.

– Хватит паясничать. Лучше займи мой рот чем-нибудь, пока я не выплюнула ещё какую-нибудь гадость.

– Да, видимо, кое-кто оставил его бесхозно. Это он виноват.

Он потянулся за поцелуем и почувствовал, что она кипит от возмущения и держится на честном слове.

– Агний.

– Прости, крошка. Я это действительно нарочно. Сам не знаю, что на меня нашло. Ничего мне не нужны никакие мамки и титьки.

– Правда?

– Конечно. Просто меня так легко развести. Но эта Люси, она ничего такого не хотела и я просто на самом деле проголодался, а тут – пирожки. Ты же знаешь, как я люблю пирожки. А потом давай валить на меня все эти истории про выгоду содержания круглогодичных зелёных мини-садилов. Ты же знаешь, какой я идиот. Так и забыл обо всём, как в тумане. Счета, грибы, счета, доходы.

– О дьээ.

– А с этими. Ну да. Но они бы меня не увезли, точно говорю. Я бы сбежал от них к тебе всё равно.

– Тебя нельзя оставлять одного полуголым и в таком раскрытом состоянии. Я не могу за всем уследить.

– Тогда не толкай меня к кому попало. Я грустил без тебя.

Ничего я не открылся, наоборот потух.

– Ага потух. Ты ласкал их взглядом.

– Нет.

– Да.

– Тогда – вот решение.

Он надел солнечные очки и принялся за третий арбуз, закусывая печеночным тортом, бутербродами, слойкой с ветчиной, овощным салатом и шашлыками.

– Ну, ладно. Теперь посмотри на меня.

Он поднял очки на лоб, убрав часть влажных тёмных прядей.

– Как?

– Ты смотришь также!

– Нет.

Он схватил её брыкающуюся и дувшуюся.

– Никакой разницы!

– Есть, и ты сама это знаешь.

Она и знала, только не могла себе в этом признаться. Это не был выхоленный перманентно углеводный взгляд. Он смотрел на неё по-разному. Также, как и она, иногда с нетерпением и ненавистью. Только равнодушно. Он также сходил с ума, когда между ними бегала чёрная кошка и даже допускал, что зря, очень зря он с ней сблизился. Но как только кошечка уходила приносить деньги или удачу, они кидались друг на друга так, как будто к глотку воздуха.

– Если б даже они овладели мной и делали со мной, всё

что хотят, моё сердце всё равно прописано с тобой. Там было бы только моё жалкое тело.

– Вовсе не жалкое.

– И не мамки это вовсе. Обычные нормальные женщины. Просто немного одинокие. Я не нуждаюсь в титькином молоке.

– Ты нашёл колечко Мунди.

– Конечно, нашёл. Нечего мусорить. Мы тут за экопроекты вроде стояли.

– Это не мусор.

– Неважно. Можешь его снова выкинуть. Только не выкидывай меня.

– Если я тебе нужна, то не буду.

– Ты мне нужна лучше всего на свете.

– Ты меня любишь?

– Лучше всего во всех мирах и временах. А теперь давай проведём профилактические работы в наших неумных пастьях. Совсем от рук отбились. Обними меня покрепче. Ладно, сойдет. Как же я скучал!

Глава 55

После ужина на свежем воздухе они разомлели, и еле перебирали лапками, подставляя лица вечернему солнцу.

– Агний.

– Далила.

– Можешь идти поплавать, или там что, какие развлече-

ния. Не обязательно "весь отпуск" ленить рядом со мной.

– А я этого и хотел: ленить вместе с тобой.

Вытягивается с коврика к шезлонгу, чтобы прикрыть её дополнительным пледом. Хотя на улице и июль, вечером падает роса и прочий конденсат.

– Ну не ври. Лежбище – это не про тебя. Иди уже. А я тут побуду с лягушатами.

– Пойдём со мной на второй уровень, будешь сидеть на моей спине.

– Ээ, нет. Подумают, дураки какие ходят.

– Ничего не подумают. Или хочешь в закрытый сектор? Можно подайвить.

– Нет. Мунди слишком глубокий, поэтому мне комфортно только на мели, и то здесь прохладно.

– Да, точно, совсем забыл, что многие сюда не лезут именно из-за температуры.

– Но в июле разогревается (утешает).

– А я, как дурак, вот люблю холодинку.

Изучает свою кожу на предмет оволосения. Бывает, правда изредка, и неизвестно когда, что он покрывается, как говорит Далила, пушко-мехом. Агний ощущает себя тогда весьма "солидно" и брутально. Пускает бороду и усы, напяливает неряшливого эффекта профессорские костюмы, напускает важную задумчивость. Тело же почти по всей его поверхности покрывается прозрачно-золотистыми или прозрачно-серебристыми довольно длинными волосками. Толь-

ко на голове и в интересных местах цвет может отличаться, а может быть таким же, однородно. Из всех мужчин Кирсановой он нравился ей и тем, что после него она не чувствовала себя потасканной, порванной, затюханной, потертой и прочие неудобства. В такие времена борода его не колола и шерсть не натирала. Несмотря на свои витрувианско-атлетические данные, ему удавалось почему-то быть ловко-мягким и ловко-нежным. Далила страдала оттого, что после ночи с очередным одноразовым любовником, вся её одежда приобретала жалкий nepотребный вид. Никто не был жесток с ней, но ей казалось, что всё пришло в негодность: катышки, складки, затертости, дыры, линялость и так далее. Хрисанф, может, благодаря своему частичному перфекционизму, или благодаря экономности, или благодаря каким-то прокачанным или врождённым эстетическим характеристикам, раздевал её так, что завтра всё можно было сдать на выставку, образно выражаясь. Однако был предусмотрителен по сантиметрам, так как его жена имела привычку обзывать гомохреном (хотя у неё были друзья нетрадиционной ориентации и она к этому вполне нормально относилась), если ей приспичило думать, что человеку нравится материя, но не её. Дело было даже не в том, что он стремился быть аккуратен и осторожен с ней: просто как-то само собой выходило. Сам не мог понять, почему его руки и ноги охватывают её по типу ключ-замок, и почему им от этого удобно и хорошо.

– Ты и горячее любишь.

– Да, люблю.

Тянется за поцелуем.

– Я не про это. Тебе же нравится, когда жарко.

– Ага.

– Опять. Я не это имела в виду. Ты – летний парень. По-этому лето – это твоё.

– Я точно не знаю. Это просто версия.

– Ну и что. Как тебя не посмотрю, летом ты становишься, как весёлый маленький жеребёнок.

– Я покажу тебе маленького!

– Агний!

Уворачивается от его щекочущих нападений губами на шею.

– Надо сказать Кузьме, чтобы присмотрел за детьми. Он скоро возвращается.

– А я совсем забыла, что у меня есть дети. Вообще. Я – такая глупая. Мне лишь бы поразвлекаться. Начисто из головы вон. Только и успевала делать, что пасти тебя.

– Это просто ты. У кого-то чашка с оранжевыми горошинками, у кого-то с зелёными полосками.

– Думаешь?

– Думаю.

Хрисанф построил для неё с мелкими пацанятами из завезённых сюда различных камней замок возле самой воды. Дети к нему так и льнули: не так, чтоб как к папке, а как к занятому взрослому, который знает всякие разные инте-

ресности.

Потом, поскольку она его отпустила, пошёл купаться, немного с Никитой погрузился вглубь, чтобы проверить состояние Mundi mundi: у них всегда были готовы несколько клонов, но пока не удавалось их внедрить в материнскую особь. В этом Калита прислушивался и доверял другу, так как Хрисанф хорошо чувствовал такие моменты. Его убедительно звали работать в центр репродуктологии, и он даже не был против (почему бы ещё дополнительно не поворкать). Остановливала только тогдашняя бесплодность их пары и в частности жены, и что ей будет неприятно, что он будет помогать другим в появлении малышей, а у самих – нету. Но он втайне немного подсоблял да, и Далила подозревала об этом, хотя в настоящем его деятельность слегка сузила радиус охвата в связи с тем, что домашним требовалось больше внимания и заботы.

Далее, Кирсанов проверил воды во всех секциях (их семь) и решил возвратиться к супруге пешком, по пути соображая, в какой ресторан пойти с ней: лёгкий веганский, или его любимый здесь с жареными свиными ребрышками, супами из потрохов и копчёным чиром. Пока он изучал меню у входа в одно из небольших деревянных круглых домиков, его кто-то окликнул. Агний сначала подумал, что это не к нему. Но чей-то громкий голос настойчиво звал: "Да, да, ты! Подойди на час!"

Хрисанф обернулся и увидел, что это какой-то парень из

сектора В, где начиналось ватерполо и другие подвижные игры. В одну команду входили студенты-старшекурсники из института физкультуры, в другую – сборная солянка из рабочей и нерабочей молодёжи, а также и не совсем молодые, но крепкие люди. Вот у них не хватало игроков. Водное поле было большое, да и другие разных размеров были, но сейчас ребята намеревались поиграть немного с настроем.

Кирсанов, мало сказать, смутился. Взволновался так, что наверное было видно, как бьётся сердце. Поэтому он прикрыл ладонью левую часть груди. Обычно, в чём-то, связанном с группой, толпой, множеством, например, по работе, ему приходилось разруливать социальные аспекты. Далила называла его лидером поневоле, или лидером по обстоятельствам. На самом деле, ему не очень нравилось править, проявлять власть, руководить и прочие общественные пунктики. Но он вступал в такие функции, когда уже начиналась путаница, беспорядок, апатия, тревожность, незнание что делать и так далее. Если всё шло налаженно, то он не всовывался и не самодурствовал. В этом они с Калитой считали: не наладить систему снаружи, а позволить ей обнаружить собственный потенциал и ресурсы. Давлеть Хрисанф терпеть не может и полагает, что ни у кого в мире нет аналогичного полномочия. У богов тем более. А люди любят этим злоупотреблять именно из-за своих слабостей и минутного узкого мышления. Однако, и он был далёк от идеала и нередко делал то, чему противостоял. Впрочем, как и все. Это, наверное, ди-

лемма.

Будучи вовлеченным в нескончаемый поток взаимоотношений по бизнесу, увлечениям и другим занятиям, тем не менее, Агний не мог похвастаться наличием кучи друзей. Эта "куча" состояла стабильно из Никиты и Далилы, и сейчас ещё можно было включить Арсена, чему он несказанно радовался. Хотя Далила наотрез отказывалась быть ему другом, поскольку в её видении дружба и любовь были не одно и то же. А он шутил, что она так категорична, потому что друзья не спят друг с другом.

Вот почему, когда к нему подходили в неформальной обстановке, не имея желания выудить у него деньги, внести деловое или научное предложение, он просто начисто терялся и готов был упасть в обморок. Это было так странно, что такой человек, как он, волнуется из-за такого пустяка.

– Умеешь поло? Вроде подходишь. Давай с нами!

Мужики были конкретные и не поняли внутренней дрожи новенького.

Лицом какой-то офисный что ли (имеют в виду его красоту). Но мышцы и жилы – наверное, с детства у реки жил.

Ему коротко объяснили правила, по которым обыкновенно происходит битва, и Кирсанов вникал, как будто никогда до этого не участвовал в таком, хотя самолично обустроивал спортивные зоны в Мунди-экспресс.

Его приняли за случайного посетителя турбазы, но после пятнадцати минут игры с удивлением обнаружили, что но-

вичок весьма неплох. Команда всё равно оставалась неполной, но они показали спортсменам из универа, что на районе тоже умеют вести мяч.

Далила ходила покупать крекеры со вкусом лука и стала свидетелем того, что супруг из стеснительности перешёл в собственный "режим".

Расслабился, мой дельфинчик!

Это не из-за того, что Хрисанф был конъюгатом. Как он утверждает, среди них необязательно все увлекаются физикой тела. Далила прекрасно знала, как он сам любит заниматься всем тем, что связано с культурой движения организма. Хлебом не корми, дай побегать, поплавать, понырять, ползать, попрыгать. Велосипед, мотоциклы, квадроциклы, самые неудобные и опасные лодки, яхты, планеры и хоть тупо скакалка – лишь бы можно было тренироваться и получать от этого удовольствие. Сюда, разумеется, включаются шахматы, шашки и другие виды настолок. Более менее, не торчит от разных единоборств. Наверное, потому что склонен к тому генетически. Самая любимка, конечно, лёгкая атлетика – королева спорта. Плюс можно и в одиночку заниматься.

Кирсанова нашла красивую тёплую лежанку невдалеке и стала любоваться игрой. Отсюда её трудно было разглядеть, так как отсек прикрывал садик из растений, селекционированных специально для Мунди, чтобы могли расти как у Семирамиды. А так поверхность базы в основном состояла из материала, напоминающего раковину моллюска: гладкая и

приятная, но не совсем скользкая из-за бугристости и мелких неровностей. Она не накалялась под солнцем подобно металлу и песку, поэтому по ней можно было свободно ходить босиком.

Далила видела, что он "на волне", в своей родной стихии. Забыл о ненужной скромности, быстренько скоординировался, и их команда успешно выиграла у качковых студентов. Те тоже слегка недоумевали, откуда взялся этот чувак, что режет воду метеором и атакует ворота мячом, что твоя акула.

О, нет, мальчики, вы недооценили этого ихтиандра.

Пацаны после стали дружески похлопывать его по плечу и спине, и Далила, вооружившись биноклем, лицезрела его довольную, сконфуженную от всего этого "гигантского" внимания, мордочку.

Дальше поединки продолжались, и Агний сыграл в трёх подряд, где их команда также стала победителем. После он немного отдохнул и с неиссякшим азартом хотел ещё поспорить, но тут со стороны подключились девушки, и стали укорять мужчин, что, мол, скоро ночь, а они ещё не устраивали смешанный волейбол с большим количеством участников. Переехали на другой корт, по считалке разделились на две новые команды. Хрисанф поначалу слегка растерялся, так как не был в таком любительском сражении, потом понял, что к чему, нашёл двух единомышленников, и давай заставлять соперника действовать шустрее.

Кирсанова не без гордости наблюдала, как резвится любимый, пока не прозвучал сигнал и на стороне победителей взорвались аплодисменты, улюлюкание и вопли. Агний в порыве восторга нырнул под воду, резко, но аккуратно прошёл под ногами одной девчонки и усадил её себе на плечи. Дураков копируют, потому многие последовали его примеру. Девушки, разумеется, визжали от возбуждения и эйфории.

Далила не умеет визжать (часкыйыы – як. визг). Ну, в переносном, все умеют. А так, некоторые даже имели кайф запустить пальцы в её бока и услышать, что-то вроде блеяния.

Сначала, она подумала.

Это же хорошо. В конце концов, он так долго живёт на свете, потому что действительно в чём-то молод душой. Скоро я умру. И тогда он может найти кого-нибудь другого. Другую. Например, эту с двумя косами, такую хохотушку. Или ту, которую он второй поднял: с короткими волосами, маленькой аппетитной грудью и с наклейками на щеках и на лбу. Это же хорошо.

Но минуты через три её лицо стало плоским. Ещё через пять минут – вообще плоским и тухлым. Разум говорил одно, глаза – хотели как можно быстрее покинуть насиженное место.

Через пятнадцать секунд Далила уже бежала.

Вообще-то, он заметил её, конечно. Ему было в три раза счастливее играть, потому что она наблюдала за ним. Такое бывало редко. Она не так чтобы разделяла его тягу к спорту,

так что он тусовался по этой части сам по себе.

Тех участниц он подсадил по инерции, да. Но когда ощутил возле своей шеи гибкие, упругие, но в то же время по молодости свежие мягкие ножки, то в то же мгновение вспомнил о жене, а в следующее – её слова, что он нуждается в мамкиных титьках. Не злорадство его охватило, и, конечно, не месть, но промелькнула мысль: Что скажешь?

Потом он забылся всеобщим ликованием, и когда очень даже скоро повернулся в поисках самого дорогого на свете, её не было.

Он пулей выскочил из воды и ринулся в направлении, в котором она могла исчезнуть.

Глава 56

Далила поспешно шла в сторону туалета, что находился на берегу. После побега с незадавшегoся места она как раз встретила Калиту, который кропотливо слаживал гидрокостюм и подводное снаряжение. Кирсанова уверила, что ей срочно нужно возвращаться домой, и старик понял, что они опять успели повздорить с мужем. Дважды он себя не упрасивал и был не из тех, кто возится, когда прямым текстом объявлено: быстро. Никита помог ей налегке перебраться в моторку и минут через пять уже копали носом песок. Далиле нравилась скорость, но она успела проворчать на Кузьму, что он, видимо, забыл, что она – многодетная мать. Тот молча пожал плечами, типа, сама просила же.

Она сказала, что ходит по малой нужде, а он ответил, что будет ждать её в машине у дороги.

Здесь был старый древний "домик триссе" и Далила карабкалась по узкой тропинке вверх, цепляясь летним (сухим) платьем за колючки и ветки, и чуть не теряя купальные тапки.

Когда она взошла на площадку, где когда-то собирала землянику, сзади сильно прошумели кусты. Агний взбежал на горку наперерез, чтобы догнать её. Он отчалил от базы вслед за ними: Калита видел, но не сообщил Кирсановой, поскольку лицо той к тому времени совсем прокисло.

Что лезть на рожон. Сами разберутся.

Хрисанф замер в пяти шагах от неё, так как она могла посчитать оскорблением, если он сейчас к ней притронется.

– Далила...

Хоть на момент они были наедине, вдали от людской массы, она вполне логично подумала (по-взрослому), что разборки там, где отдыхают, как-то недопустимы. Как бы она ни была недовольна, было бы глупо заявлять, что между ними всё кончено, когда у них уже столько детей и вообще почти целая жизнь.

– Мне пора.

– Ну Далила.

– Не беспокойся, я поеду с Калитой.

– Знаю.

Она всё это время не оборачивалась к нему, только слег-

ка повернула голову в сторону. Теперь же возобновила свой путь, ухватившись за ствол берёзы, чтобы подняться на ещё одну ступень возвышенности.

Вот же незадача. Можно было бы и потерпеть до дома. Или на Мунди сходить. Я что, нарочно задержалась, чтобы он меня нагнал? Ты стала слишком зависимой от него.

Тут она не успела завершить свою мысль, потому что он не удержался, видя, как она неумело соскальзывает и того и гляди упадёт и пронесётся мимо него кубарем, подхватил в воздухе, не зная, подтолкнуть её, чтобы взобралась выше, или притянуть к себе, прекратив её устремления.

Она, ожидаемо, но не ожидавшая, что он осмелится подступить к ней после случившегося, попыталась вывернуться из его рук, отступилась и они оба упали в мягкую лесную впадину, откуда тянуло запахом каких-то душистых ягод.

Он бы не позволил этому произойти, но в последнюю минуту подумал, что если продолжит держать её, она решит, что он заставляет её идти на контакт силой. Поэтому только смягчил падение, оказавшись под ней и прикрыв телом, чтобы не поцарапалась о хвоинки и прочую ветошь.

Немного помолчали. Потом она поднялась и отряхнула приставшие к волосам и одежде листья и кусочки коры.

– Я пойду.

Агний присел и его достигла досада.

Как так. Я с самого утра мечтал провести этот день с ней. И сам же всё, самым невозможным способом, испортил.

– Чего ты от меня хочешь?!

Осекся. Поймал себя, что оправдывается.

Она всё видела. А он ведёт себя так, как будто хочет свалить вину на неё.

Далила тоже это поняла, хоть бы частично, внутри. Но снаружи, разумеется, возмутилась.

Ты поступаешь совсем как типичный человек-человечек. Держишь удар непричастностью, как будто ничего такого не произошло, из-за чего буря в стакане.

– Я???!!

Она хотела выкрикнуть в сердцах: "Мне от тебя ничего не нужно!"

Но в реальности начала говорить то, что не то чтобы хотела. Скорее, повела себя, также, как и он: дипломатично и зрело.

– Я бы хотела, чтобы мой законный супруг был более ответственным и не нарушал священную клятву, которую мы дали друг другу в день нашей свадьбы перед лицом свидетелей.

– Сама грудь вывалила. Зачем ты выбрала именно этот открытый купальник? В ДК столько выбора!

– Это не ДК! Я его со школы ношу! Ты совсем меня не знаешь! И я тебе уже говорила насчёт претензий!

– Я не обязан знать о тебе всё!

Он чувствовал себя очень мерзким, потому что, по его мнению, из его рта шмякалась одна ложь: лишь бы отвести

от себя её гнев и собственную виновность.

– Ты и не знаешь! Ты хочешь знать только то, что тебе по нраву! (понеслась).

Калита подождал немножко в машине, затем сообразил, что чете не до него.

Поймает такси, а я – оревуар.

– Думаешь, я в восторге оттого, что ты так себя подаёшь?!

– Как?! Как подаю?! Я тебе не придворная дама! Как хочу, так и хожу!

– Молодец! Врёшь по писаному. Видел, как ты стала такой добренькой с тем официантом! Пряма сама мягкость и добродетель! И не стыдно тебе! Он же моложе тебя лет на двадцать!

– Ты уже начал бредить! Как по-твоему я должна буду разговаривать с людьми?!

– Как со мной сейчас! На повышенных тонах и с ненавистью!

– Ешь какашку! (як. – сааххын сиэ).

– Вот-вот! В этом вся ты! Ведьма!

– Я ухожу!

– Спешешь по пути подцепить кого-нибудь, пока меня нет!

– Пошёл! Тебе надо к психиатру!

– Кажется, да! Ведь это ты сводишь меня с ума!

– Хватит, выезжать на мне! Наш досуг изгадил ты! И ты это превосходно знаешь!

– Тебе, значит, можно! Тебе можно всё! Можно флиртовать с любым студентом! Можно нагибаться перед любым похотливым отродьем, демонстрируя свой зад и бюст, делая вид, что не понимаешь, что тут происходит! Строить из себя ничего не мыслящую дурочку, хлопать глазками, как раненый оленёнок! Дескать, вот какая я! При мне, при живом муже! Милфа! (прозвучало почти, как "Мымра!").

Далила посмотрела на него с укором и не без надменности.

– Агний, знаешь? Это не та дорожка. Это не значит быть человеком, или стать им. Уподобляясь мне, или ещё кому другому, ты не делаешь себе чести.

Хрисанф был слишком заведён, чтобы приостановиться.

– Кто бы говорил о чести. Это – несовместимое с тобой понятие.

Кирсанова уже почуток, если не остывала, то сдавала позиции. Нехорошо, но немного отрадно было, что он не остался там, в компании, куда более интересной, что вспомнил о ней. Но эту маленькую радость гасила происходящая ссора, сводящая на нет начинавшийся так прекрасно вечер.

– Может, ты прав. Но если ты такой умный, мог бы прислушаться к словам бесчестной.

– Ты и так мне очень много нелестного сегодня наговорила.

– Ах, мы это всё копим, храним и раздуваем в памяти да.

– Ты не оставляешь мне выбора.

– Между прочим, то, что я тебе не досталась девственницей, не только мой промах. Ты позволил мне быть сукой. Так что не делай теперь оскорбленный вид.

Она ослабилась на секунду, но в следующую у неё закружилась голова и, если бы не облокотилась о близстоящее дерево, то неловко закачалась бы из стороны в сторону.

Агний не видел это, поскольку в раздражении немного отвернулся от неё.

– Выдумывай. Хорошо, можешь идти.

Она быстро выбралась на тропку, которая аккурат выходила на трассу. Он ругал себя за то, что не смог остановить её хоть бы объятием. Ведь это нередко решало их проблемы лучше тех дрянных слов, которые они произнесли друг другу.

Он нёс и правду и ахиною. Правду можно было и припрятать по благосклонности души.

Зачем я требую от неё того, что она не может мне дать?

Ахиная вышла из-за типичного человеческого чувства самозащиты.

Негодяй. Дно. Сволочь.

Он сильно ударил по выпирающему наружу корню берёзы. Послышался стон.

Он отругал себя и извинился. Они осквернили уши здешних духов, которые, однако, молча их простили, и природа, по-прежнему, источала неповторимые сладкие ароматы, среди которых можно было бы утонуть в поцелуях, а не бранить-

ся, как пьяным гопникам.

Машины Калиты не оказалось, и Далила пошла пешком по пыльной дороге. Было светло, хотя уже наступала потихоньку, помаленьку ночь.

Автостопом ей не удалось.

В общем, что и следовало ожидать от меня.

Она прошла так километр, когда впереди что-то заблестело.

Чутьё подсказало Никите, что сеньорита могла оказаться одна-одинёшенька в густолесье и повернул назад, объездив вхолостую далёкие окрестности. Он молча открыл ей двери авто и кинул ей шерстяной плед и термос с горячим чаем.

Далила имела наглость молчать с ним дольше положенного. Это было редкое исключение. Агний верил, что это один из строжайших постулатов, который он должен неукоснительно соблюдать: не игнорировать, когда она задаёт вопрос, заговаривает с тобой. Не вести себя так, как будто здесь никого нет. Она это ненавидела. Но с Калитой редкостно могла себе позволить молчанку и питать свою гордость.

Старик не сердился за это на неё.

Что поделаешь, со всяким бывает. Хорошо, что вернулся.

Глава 57

Калита дал Далиле чистую сменку, чтобы не простудилась, и она переоделась в машине. Чтобы ей ничего не мешало, Никита притормозил у обочины и про себя думал, что

не любит ночевать не дома.

А сегодня, видимо, придётся. Хрисанф просил проследить за детьми. А теперь и с ней надо будет повозиться.

Мимо проехал открытый автобус, откуда на них обрушился дикий потрясающий ор вперемешку с громким хохотом, песнями и непрекращающимися "Ура!"

– Господи, что это было?

– Забыла? Сердце лета.

– А?

– Вот так вы становитесь скучными стариками. И всё, что вам остаётся в лучшем случае: пилить без конца друг друга.

– Эй, только ты на меня бочку не кати!

– А ты не могла бы перестать...

– Доставать твоего любимчика?

Калита терпеть не мог всякие страсти, поэтому заткнулся. Далила ценила это его качество, но всё ещё дулась за то, что он заступает за него, а не за неё.

– Кто это были?

– Ночь Нептуна, Иван Купала и т.д. Слышала, наверное, когда-нибудь.

– Чёрт. Я совсем отрубилась.

– То-то и оно.

Кирсанов не понимал, то есть порой не хотел понимать. Но Кузьма, в принципе, знал, как легко отвлечь её на что-нибудь несущественное, которое кажется пустяковым, но в последствии, в общем-то, очень даже неплохим. Хрисанфу

это тоже было известно, но его мозг частично выключался и начинал биться в унисон с прямыми волнами жены, так что обвинять его в нерасчётливости было бы наивно: с близкими всегда так.

Далила погрузилась в ничем непримечательное с виду раздумье, пока Калита развивал скорость. Она гладила складки хлопковой длинной рубашки и мягкой цветастой юбки из штапеля, присматриваясь в огни на озере, всё отдаляющимся в светлой тёплой ночи.

– Остановись!

Никита резко затормозил и выкатил к обрыву, откуда открывался замечательный вид на Мунди.

– Мы ездим кругами?!

– Как ты догадалась?

– Да я прошла пешком больше, чем ты колесишь!

– Колесю-с.

– Почему?

– Как помню, ты любишь закаты и небо в такие часы.

– Не виляй!

– Как угодно-с. Поехали.

– Стой.

– Да.

– Отвези меня туда, вниз. Что это там за свет? Я отсюда плохо вижу без очков.

– Студенты переправляются на остров на лодках в соответствующем образе и состоянии.

– Они пьяны?

– Для настроения. В этом возрасте невозможно напиться так, как это бывает, когда пустишь бороду посерьёзнее. А девушки в белые простыни завернулись и тянут плотик с их нептуном. На головах венки.

– Пойдём туда!

– Нет уж, уволь-с. Мне эта кабафоня неинтересна. У вас канал показывает, где ночной эфир об океанах? Мы не пропускаем-с.

– Предатель. Кидала. Проваливай тогда.

– С преудовольствием.

Однако он подбросил её к берегу и, просигналив на прощание, оставил на произвол судьбы, как говорится.

Шумная молодёжь уже была далеко, но пляж не пустовал. Здесь купались и отдыхали те, кто опоздали на экспресс, или наоборот не в силах были расстаться с прекрасным озером и продолжали окунаться в его воды, откладывая поездку домой.

Далила непринуждённо спряталась за просвечивающим кустиком и напаялила всё ещё влажный тот самый напрягший супруга купальник. Сердито и упрямо даже надела, и вошла в прибрежный лягушатник. Стояла самая жаркая пора, водичка была, как парное молоко. Чуть душно было, но в то же время свежесть природы придавливала к земле выхлопы и прочие вредности, выводя на поверхность еле видимый полупрозрачный туман, от которого на коже выступали капель-

ки, а волосы у кудрявых людей так и шли пружинками.

Арсушка, наверное, стал бы тут одуванчиком.

Кирсанова потрогала свои мокрые виски и затылок. Рядом бултыхались дети примерно в диапазоне от шести до одиннадцати лет. Она различила среди этой кутерьмы сына той самой Люси, от которой пошло всё насмарку в их с мужем свидании. Мальчик был крупнее сверстников, в отличие от мамы, довольно симпатичный толстячок. Мать разговорила с какими-то семейными, которые припрятались под сеточное шапито и ели куриные шашлыки с безалкогольным пивом. Её сынок в основном тусовался с другим ровесником, поменьше ростом, тоже немного плотного телосложения, но не пухляш, так, в пределах нормы. Далила невольно слушала, о чём общается ребятня вокруг неё. Разумеется, уж кого-кого, а её этот слой населения не стеснялся, и, видимо, считал чем-то таким, через которое можно перемахнуть, как через забор, потянуть за косу, как за хвост мимошедшей коровы и проявлять прочий произвол, будто она предмет мебели окружающей среды, а не тётка, которая вполне может их отругать и отшлёпать. Кирсанова могла, да. Но и до этого с ней детвора особо не церемонилась. Так было и в молодости, и когда была бездетной, и в настоящем.

– Эй, Коля, а у тебя есть отец?!

Только малолетки могут спрашивать такие каверзы, со смехом может, но без задних мыслей. А если даже со злобой, у взрослых так не получится.

Николай, отфыркивая воду из носа и рта, матернулся девочке, дразнившей его, нападая целым фонтаном, и бросил другу.

– А он этого. Того. Умер давно уже, короче говоря!

– Аа. Понятно!

Далила насупилась, выпятила губы и посмотрела на некультурного пацана, как учительница начальных классов на ученика, который вырвал страницы с классного журнала.

До чего же неприятный невоспитанный ребёнок. Что это за, блин, родители. Ночи напролёт гуляют, и отпрысков своих таскают с собой. Безответственные и дикие какие-то.

Как будто сама не оставила свою ораву, если не с чужими, то с другими людьми.

Ну, за моими малышами их сёстры присматривают. Да они уже десятые сны видят. И Калитка к нам поехал. Не о чём беспокоиться. А эти? Простудиться же могут. Уже пять часов подряд купаются, наверное.

– Сулус, а твой папа кто? Где он?!

Некультурный мальчуган весело приподнял на лоб простые пластиковые очки на резинке для ныряния и чуть ли не радостно заявил.

– А я из пробирки! Дешман пробирка! Не знаю, кто мой отец!

– Аа. Понятно!

– Не переживай! Мама сказала, в дешман идут воон как те студенты! Так что я здоровый вырасту!

Сулус поднял кверху свои тоненькие бицепсы и сделал угрожающее выражение лица.

Голова Коли торчала, как у тюленя, и он добродушно и со знанием кивнул.

– Это хорошо. Я скоро в медцентр с мамой еду. Каждый год ездим. У меня редкий вид аллергии и ещё что-то, постоянно мониторим.

– Аа. Молодец! Будь здоровым!

– Буду, Сулус! Я же у мамы – единственный мужик в семье. Надо брат, надо.

Кирсанова и посмеялась вместе с ними (такие смешные, не могу), и внутри у ней что-то дрогнуло. Она с тоской посмотрела в сторону базы.

Затем выбралась на берег и попросила у дежурного спасателя, не может ли он, как-нибудь помочь ей попасть на Мунди. Этот парень смутно знал, что эта женщина как-то связана с владельцами, и ему всё равно нечего было делать. Почему бы не подсобить старшим. Они сели на катер и минут через десять, Кирсанова ступила на приятную матовую поверхность, обмытую ночными волнами.

Глава 58

Агний вернулся на Мунди, совершив шикарный пробег вдоль озера, сделав полукруг, потом нырнул с вышки, с которой никто давно не прыгал (боялись разбиться), вынырнул так далеко, что если бы кто-нибудь видел его погружение,

то подумали бы, что утонул, далее плавал в самых холодных водах, там, где впадали речки. Ему, конечно, мало верилось, что это поможет ему снять стресс, но он даже опустился на дно и ходил там без кислорода довольно приличный отрезок времени. Когда он вышел на базу, то сильно пах тиной, так что сразу пошёл в душ. После жрал в трёх ресторанах. Пришлось поварам поднатужиться для хозяина, так как аппетит у него был какой-то неестественно неистовый. Также пришлось написать преждевременную заявку на продукты, потому что Кирсанов ощутимо истощил запасы мяса, рыбы и птицы. Чувствуя себя виноватым, что "обжирает всех кого ни попадя", он поставил сети и за час поймал целую большую старинную ванну карасей, гольянов, окуней и других видов. В Мунди стекали реки, поэтому ихтиофауна здесь была разнообразной.

Эта суета привела к тому, что Хрисанф съёл калории буквально в воздух.

Всё из-за неё.

Глаза его после того, как она исчезла за поворотом, потускнели, затем потемнели, почернели и стали такого же цвета, как один из радужек Ванессы: угольными с дальними изумрудными всполохами. Ему не было до этого ни фени, в зеркало он себя не разглядывал. Зато девушки, с которыми давеча тусил в командных играх, то есть некоторые из них заметили. И решили, что он – сплошь искусственный: линзы с особым эффектом, придающим синеве особую выразитель-

ность, растерял в воде. Агний даже как-то побледнел за эти стрёмные часы. Когда притащил рыбу в столовую, его ладный золотистый загар, может, из-за закатных лучей, слабо розовел.

Автозагар. Подумали женщины.

Да и лицо его скроено по заказу. Не бывает у нас на локале таких картинно-красивых. Наверное, изменил себя для работы моделью. Сейчас это не так уж и сложно. Однако, значит, при деньгах. Качественно сделали.

Хрисанф вообще клал. Никакой настороженности, никакой выдержанности при посторонних. Все его мысли были забиты понятно кем.

Похоже, ночевать буду у Кузьки. Он – у нас. Я – у него. Далила саа да тэбиитигэр чугааппат буоллаба (як. – не подпустит на расстояние выстрела из ружья). Так тебе и надо.

Агний представил ночь и сон без неё, и такая тоска его пробрала, что справедливо рассудил, что без поглощения экстремальных углеводов, он ещё через полчаса превратится в легковеса, а то и вовсе растает от переживаний.

Все ларьки, закусовые работали в эти дни на Мунди круглосуточно и бесперебойно, поэтому он, запретив себе хоть на пятнадцать минут думать о супруге, помчался в будку с мороженым и купил большой брикет сливочного в картонной упаковке.

Кирсанов засел в одиночестве близ сектора Д, не потому что там была добротная глубина, сколь из-за известной бук-

вы.

Неподалеку гуляла толпа студентов, отмечая день Нептуна. На турбазе алкоголь не продавали. То есть в обороте был фирменный коктейль Мунди парадайз, подававшийся, как с градусом, но то были враки. Состав его псевдохмелил, поскольку тандем стоял за здоровый образ жизни. Просто молодёжь была пьяна уже только по причине своего возраста. Жизнь булькала и кипела в них без особого смысла, превращая кровь в их сосудах в эйфорическую жидкость.

Те самые две девчонки-подружки, что имели момент посидеть на плечах Агния, давно уже посматривали в его сторону и хихикали нон-стоп. Мало ли чему смеются юные особы. Хрисанф чихал на их хихитушки.

Другие подруги насплетничали им о своём расследовании, заключив, что этот новенький супер-игрок похоже "ходячий комплекс", очередная жертва процветающей косметической хирургии, имплантатор и, возможно, частично, андроид. Также добавили, что он, кажется, чей-то богатенький сынок, несмотря на весь свой непримечательный гардероб (шорты да рубашка), потому можно и ухватиться.

Осведомители немного не по адресу сдали информацию: девчата оказались натуральные смеяны, вовсе не начинающие тигрицы. Таких, между прочим, очень много. Часто думают, что долгий волос хитёр и предприимчив, но очень немало и таких, как вот эти. Найдут какого-нибудь идиота и ржут до упаду. Вообще ни о чём. Просто нападает на них.

Маленькие проказницы.

Они стали петлять рядом с одиноким поедателем мороженого, и он показался им таким уморительным, что дразнительницы действительно уморились. Они хихикали от его мокрых тёмных волос, от его восхитительных рук, от сильных крепких ног. А как завидели интересную область ниже живота, так вообще перешли во что-то визжаще-плакающее.

Ну что поделаешь. Может, кому-то такое безобразие никоим образом непонятно. А кто-то проходил. Бывает.

Студентки тыкали пальцем, бегая вокруг парня, задевали (вполне по-волейболистски) руками, ножками, ерошили ему патлы, щелкали по носу и прочие штучки, отчего так ему надоели, что он схватил сначала одну (всё-таки, не пушинки, спортивного сложения куры), перебросил через плечо "мешком" и кинул прочь в озеро. Потом то же проделал со второй прилипалой. Если бы это была Далила, то захлебнулась и умерла бы от такого броска. Но то были "полурыбы-полукрокодилы", из постоянного состава университетской команды. Что им сделается? Только ещё сильнее разразились хохотом.

Агний в расстроенных чувствах устоялся на оставленное мороженое. Половина кирпича текла струйкой по покрытию, другая половинка вывалилась из коробки. Хрисанф, не желая терять добро, присел на корточки, поднял остатки и впился ртом в прохладную утешающую драгоценность. Упоротые крики и хихикание, не переставая, доносились из-за

волн, рассекаемых наступательным техничным кролем.

– Арсен, спаси меня от этих исчадий ада. Ты максимально прав. Эти гребаные вертихвостки – искушение, вылезшее прямо из преисподней. Теперь я так тебя понимаю! Они существуют!

Он сам не отдавал себе отчёта, что говорит вслух с самим собой, и под конец этого короткого надрыва, закрыл ладонями уши и зажмурил глаза, пожалуй, веря, что сможет исчезнуть из обзора и попасть в сказочную страну без этих ужасных созданий.

Тут кто-то обнял его за шею, пропустив свои руки через его туго прижатые к голове кисти.

Как он мог не знать это прикосновение. Из биллиона узнает.

В изумлении он моментально повернулся к ней с широко раскрытыми взволнованными глазами.

Он был не из тех, кто мучает другого "дам, не дам", "прощу, не прощу", "ещё подумаю".

Будь так, они бы никогда не подошли друг другу. Никогда. В следующую секунду он уже обнял её так, как будто боялся, что она упадёт в пропасть, если этого не сделать.

Глава 59

Спустя какое-то время.

– Ты пришла?

– Да. Ты нанял не спасателя, а спасителя. Воот, видишь, в

зелёном жилете с жёлтыми прожилками?

– Далила!

Калита уже в усадьбе Кирсановых посмотрел на свои наручные часы и довольно хмыкнул.

По моим подсчётам должны помириться. А нет – выкину обоих на свалку.

Хрисанф укутал жену в большое махровое полотенце, поскольку она нисколечки не позаботилась о подобном после купания на том берегу.

– Я не знаю, что сказать.

– Ладно, можешь не говорить много. Я случайно видела, как ты тут стал объектом для насмешек. Милого моего, акаарылар быбылах (як – дураки кажись).

– Дэли, они бегали за мной и мучили меня. Кто-то обзывал меня пластиком и роботом. Но кто?

– Ах, ты мой обыкновенный чудо-юдо!

– У меня было ощущение, что всё в мире перевернулось. Как будто я на другой планете.

– Всё в порядке. Это просто так. Молодые бешутся. Энергию некуда девать.

– Прости меня, любимая.

– Прощаю. Может, не прощаю. Но больше не хочу думать об этом сегодня. Я тоже, наверное, была не ангел. Я даже не могу понять, что делаю не так. Чем тебя огорчаю.

– Ты огорчаешь меня, когда тебя нет. Когда ты так исчезаешь, я начинаю думать, что тебя и не существовало. Меня

охватывает дикая паника. Прости, что рассказываю все эти гадости.

– Иногда мне снится кошмар, где я попала в больницу. И я говорю: Мой муж – Александр Кирсанов, вы наверняка о нём слышали. Мои дети ждут меня. Отпустите меня, пожалуйста. А они отвечают: вы не в своём уме, бедняжка, у вас нет никакого мужа и детей у вас нет. Я просыпаюсь от боли в сердце. Ты не один такой.

– Ох, Далила!

Он прижимает её к себе, чтобы никто из них не растворился в воздухе.

Ещё через полчаса, еле успокоились и отклеились друг от друга. Поели, подкрепились. Хрисанф, наконец-то, насытился и восполнил силы. К коже вернулся здоровый медовый оттенок, глаза остались тёмными, но тревожные искорки преобразовались в спокойных умиротворенных светлячков.

Кирсанова рассказала супругу о ловкаче Калите, о разговоре маленьких купальщиков.

– Кузя – вообще идеал! Мой кумир! А Суля, он завсегда-тай Мунди, живёт здесь поблизости и на велике каждый день продирается. Чисто водяной. Бесплатно на турбазу пролезает и, видимо, вырастет в мега-философа.

– Агний, я скучала. Поцелуй меня. Я там, в лесу, мельком думала, что сегодня родится ночь для поцелуев. Всё на то походило.

Целуются. Милуются.

– Так оно и есть. Это время, когда могут даже возникнуть новые пары. Сама природа тому способствует.

– Хи!

– Ты всё-таки сходила в туалет?

– Да, возле большой дороги, на просеке. Прямо на вытоптанной тропке, и по-маленькому. Ничего не портила. Моча

– это тоже биоматериал.

– Ах, ты грязная антиэкологичная девчонка!

– А ты весь пахнешь тинной!

– О, это не смыть! По дну пулял же. Так три дня "благоухать" буду.

Она прильнула к его голой груди и вдохнула его запах.

– Ну и благоухай. Только рядом со мной.

Снова целуются.

– Знаешь что, Лил?

– А?

– Сейчас будет показательная игра в том секторе. У меня идея: пойдём вместе!

– Ни за что! Не начинай! А то я рассержусь!

Но он уже прицеплял к ней корсет, скрывавший мини-пояс, менявший законы в воде и позволявший носителю соблюдать равновесие, как поплавку. Разумеется, такие устройства запрещались в честном состязании, но разве кто мог заподозрить Кирсанову в махинации.

В той секции глубина была предостаточная. Далила не за-

ходила глубже района под-груды. Желаящие поиграть, увидев её, решили, что она утянула свой живот: и в голову никому не могло прийти, что Сааска приведёт с собой кого-то, кто не умеет держаться на воде и умеет чуть-чуть по-собачьи и всё.

– Что ты задумал? (шёпотом шипит).

– Удивительно упрямая. Всё равно надела это старьё.

– Он легко снимается.

– Ну, конечно. И, если подумать, ты носишь его не со школы. У тебя тогда был другой размер. Лиф тебе мал. Вспомнил. Это со времён, когда ты работала секретаршей в том учреждении.

– Неужели?

– Если сама не уверена, то почему загадку загадала?

– Просто они – разные: верх и низ.

– Господи, это сфинкс какой-то, а не купальник.

Хрисанф привёл жену к корту аква-волейбола.

– Ребята, это Далила.

Агний говорил спокойно, и остальные заметили значительную перемену в его поведении. Он как будто стал более размеренным и гармоничным. Кирсанов не представил её, как обычно, как свою супругу и не сказал: Далила Птеровна. Хотя для большинства игроков она была "женщина с отчеством", то есть соответствующего возраста. Хрисанф не хотел её напрягать ненужными здесь никому формальностями, и, возможно, давить авторитетом присутствующих.

Площадка была освещена сверху и снизу ввиду того, что наступила ночь, а в июле дни потихой становятся короче. Вода, однако, потеплела, как и у берегов. Занимая определённое место, Далила словила, что муж не учёл, что она не имеет и часа тренировок с "поплавком", поэтому то и дело качалась из стороны в сторону и даже падала спиной, или вниз головой. Она встала вблизи от разграничителя, на всякий случай, если гаджет подведёт. До резкого предупредительного сигнала девушки и парни, благодаря истоме позднего часа, не совсем тихонько посмеивались, и чуток флиртовали. Кирсанова любовала уши этими свежими, как лепестки неугомонной розы, разговорчиками, пока на её башку не хлопнулся мяч. Не так уж сильно ударило, так как было оттолкнутым по пути через воду. У неё просто возникло очередное смешнецкое выражение лица.

Агний тотчас превратился в самого страшного "завально-го" препода на универе, который мочит бедных студентов налево и направо, и у которого, разумеется, нет и намёка на присутствие сердца.

– Если кто будет нарушать технику безопасности – вызову охрану. Мяч должен быть в игре, а не инструментом для нанесения вреда!

Даже внушительного вида спортки как-то невольно притихли, вместо того, чтобы скучковаться и показать, где раки зимуют, наглому чуваку.

Девушки-следаки вдруг нашли, что Саша с самого начала

притворялся новеньким, а на деле он, возможно, из службы спасения Мунди-экспресс. Но не из официальных, а скрытых, шифрующихся среди обывателей, частично, чтобы не нервировать отдыхающих. Это объясняло его хорошую физическую базу, и вот этот выдавший его с потрохами нудный гон на тему поведения в открытых водоёмах.

Далила успела сконфузиться.

Дурак что ли. Так бисеринка за бисеринкой строил сегоднешний контакт с новыми знакомыми, и дал пинка этой хрупкой башне из-за мелочи. Зачем наводить такой шухер. Это же дети (як – оболор, имеется в виду – младшие).

Хрисанф поймал её недоуменный взгляд и сам понял, что перегибает. Тогда, желая исправиться, он обратился к жене.

– Эй, Далила! Не подведи! Будешь плохо играть – исключим из команды (смотрит с вызовом и не без требования).

Теперь поспела очередь оторопеть Кирсановой. Она итак считала себя тут лишним элементом, а от его слов и вовсе засосало под ложечкой: что я здесь делаю?

Осталось несколько секунд до старта и, видя волнение супруги, Агний неспешно подмигнул ей и ободряюще улыбнулся.

Блять, что это было? Он хочет конъюгировать со мной? Но он практически не пользуется конъюгацией в повседневности, особенно с обыкновенными простолюдинами, в хорошем смысле.

Сыллый (як – ну что то типа общего ласкательного обра-

щения), с тобой конъюгировать – это просто курам на смех.

Ну! Пусть хотя бы общие правила данного водного волейбола!

Нет. За такой короткий срок, она вестимо ничего не поймёт. О чём речь. Она каждый год учится ездить на своём велосипеде заново! И я с ней не не занимаюсь. Занимаюсь! Но, Господи, я так понимаю тех, кто её обучал. Моя малышка – молодец. Но всё-таки называть самолётами всех, кто родился на борту – глупость.

Агний умеет прокачивать. Даже таких, как я.

Ты нужна мне не для этого.

(вообще-то, это просто хаотичный поток их мыслей).

О, нет! Мяч сюда собираются запульнуть?! Что мне делать?!

Честно говоря, она ненавидела командные спортивные игры. Ненависть эта состояла из неумения, страха, низкой физподготовки, замедленной реакции и нелюбви к окрикам, когда тебе пеняют, что ты вообще зряшный игрок.

Хрисанф не мог допустить, чтобы их команда стала ахиллопяточной из-за пятнашек в составе.

Надо серьёзно относиться к тому, за что берёшься, и уважать всех участников. Я не уверен, но, наверное, всем хочется постичь эту колоссальную радость, что приносят такие увеселения. Праздник торжества тела и духа!

В этом матче он играл за троих: за себя, за неё, и, как говорится, за того брата.

Просто невообразимо было, как он перемещается по полю, отбивается, отбивает, забивает, блокирует, ловит, подаёт, атакует, защищает и прочие термины, в которых не силён ни автор, ни героиня.

Победили с существенным отрывом. Хрисанф на сей раз никого к себе не подсаживал, а подплыл к Далиле.

– Неплохо. Ты справилась.

– Шутишь? Я ничего не делала. Разве что металась как сумасшедший бакен.

– Ты приняла бой и финишировала. А ведь могла грызть ноготь и завидовать с шезлонга, наблюдая, как я шикарно режу водичку!

– Очень надо!

Берёт её на руки и выходит из корта, не обращая внимания ни на чьи любопытные взоры.

Уже в их точке отдыха. Пируют. Едят рыбный пирог с ярмарки, остатки арбуза и дыни, черешню и горсточку княженки, собранной Кирсановым в лесу неподалёку.

– Я же легендарный Серебряный Кирс!

Он хвастается только в близком кругу домашних. Нет-нет, но словит минуточку, чтобы распушить перья, когда нет посторонних глаз.

– Ой всё!

– Женщина! Капельку восхищения, пожалуйста!

– Ну, ладно, крутой парень.

– Фиу-фиу!

И прочая активная жестикуляция, всякие придуманные суперменские звуки и междометия, которыми обычно мужчины изъясняют свою, если не мальчишескую, то обыкновенскую мужскую томсойерскую суть.

На самом деле, он входил в чемпионскую лигу масочников большой олимпиады. Это такие спортсмены в масках. В то время, МОК разрешает участие таких, поскольку они, или их спонсоры, уплачивают нехилые вступительные и текущие. Так, свои амбиции могли претворять в жизни старики, дети, больные, женщины (в мужских видах), политики, видные общественные деятели, артисты, представители религиозных течений, преступники, террористы, фанатики и те, кто просто стесняется открыть себя.

Ходили слухи, что среди масочников есть даже инопланетяне.

Агний выступал во многих видах с упоением и азартом: нашлось бы только времечко. Он носит особую био-маску, вступающую в совмещение с головой носителя. Такие тогда вполне юзались, но надо было уметь эксплуатировать: зачастую вызывало отторжение и клаустрофобию. Противники и яростные недоброжелатели называли его Дикий песец, хотя маска скорее напоминала что-то среднее между волком и лисом белого (серебристого) цвета. Один из поклонников однажды выразил версию (Ажиотаж по поводу, кто скрывается за прикрытием, был ничуть не меньше непосредственно состязаний, делались серьёзные ставки, некоторые фан-

базы масочников были куда больше таких официальных олимпийцев. Конечно, было много скандальных споров насчёт введения подобных конкурентов, но всё решали денежные поступления, повышение интереса среди зрителей, увеличение охвата, и некая новизна и нестандарт), что Кирс – это учёный и бизнесмен из Сибири, некий Александр Кирсанов. И даже не некий. Хрисанф был в судействе некоторых интеллектуальных видов спорта, а также его нередко приглашали и в другие составы. Но эту теорию разнесли в пух и прах, когда весьма чопорный и строгий судья завалил результаты их любимчика: Агний сам же превосходно поиграл, а потом, припрятав маску, сам же себя раскритиковал и допустил победу соперника. Разумеется, после этого инцидента о нём пошла слава, как об одном из страшных, непоколебимо индивидуалистски самодурно невыносимых судей, которых хочется вспенить в мыле, но которые никоим образом не вызывают скуки и предубеждения.

– Ну что, крутой мужчина, твои гормоны удовлетворены?

– Да! Но есть кое-что. Малость одна. Но очень важное для меня.

– Мм.

– Ага. Поэтому я хотел попросить тебя не ночевать сегодня дома.

– А?

– Поехали в гостиницу. Ты и я.

– Ненавижу!

– Там целый этаж нетронут. Не беспокойся, не левый.

– И что мы там будем делать?

– Отдыхать.

– Разве?

– Ага. Телом отдыхать.

– О, кому-то нравится активный отдых!

– Я всячески его пропагандирую! И мне нравится делать это с лентяйками!

– Агний, я поеду! Если там нет клопов и прочей усталости.

– О дъэ, не заморачивайся! Это же наш отель! Он люксовый, а там, куда мы заедем, вообще новенький.

– Ну, хорошо. А мы не будем плохими родителями?

– Утром вернёмся. Может, и не заметят, что папка с мамкой уединялись.

– Пожалуй, ты меня уговоришь. Потому что я хочу наказать тебя за твои сегодняшние ляпы!

– Пресмиренно ожидаю. Хотя не получится: я буду сопротивляться!

– Я люблю тебя.

– А я тебя люблю так огромнее, что это нельзя представить! И ещё я хочу показать тебе кое-что.

– Здесь?

– Да. Так что доедай свою картошку в мундире! А то я начну ревновать и к картохе, ты меня знаешь!

Глава 60

Хрисанф и Далила пересекли озеро на моторке в южном направлении и вышли к лесу, в котором, в отличие от противоположного берега, люди бывали редко. Деревья там росли густо и солнечного света тоже было вдоволь: без мрачности.

– Айка, на меня ещё повесили выбрать королеву ночи. Так что тебе надо будет подождать меня, до 01:30 провозимся наверное.

– Унн. Ну ничего. Хорошо, что тепло.

– А мне тепло везде, где ты со мной.

– Там узнали, что ты имеешь отношение к Мунди-экспресс?

– Не думаю. Мудаком же считают.

Агний склонил голову, чтобы попутно попробовать на вкус какую-то опушечную травинку.

– Куда мы идём? Ещё долго?

– Если устанешь, я понесу тебя.

– Нет, не устала. Мне нравится проводить время с тобой.

Он расплылся в широкой добродушно-довольной улыбке.

– Почему такая милая. Ты сказала, как будто мы только начали встречаться.

Останавливается, чтобы поцеловать жену.

– Иногда мне кажется, что мы вместе целую вечность, а порой – будто совсем недавно.

– Не знаю, что из этого лучше. Наверное, оба варианта.

Убирает с её лица капризульные короткие волосы, из тех,

что никогда не делают аккуратную косу и сбиваются каждые полчаса.

– Знаешь, о чём я подумала?

– Нет, конечно. Во-первых, не факт, что ты подумала это прямо сейчас. Может, весь день думала. Или придумала. Или выдумала. Вполне способна. Но скажи.

– Да, с утра я шла себе. И подумала, ещё вчера. Что твоя мама могла бы быть хорошей свекровью кому угодно. Даже мне.

Агний фыркнул.

Такая смешная.

– Пфф! Господи, откуда ты это взяла.

– Ну. Это ведь возможно. Мне почему-то показалось, что у популярных парней мамы – мягкие. То есть хорошо относятся к своим невесткам.

– Популярный, ага.

– Пожалуйста, не напоминай о том, как ты был востребован в последнее время.

Дуется и хохлится.

– Сама же и напомнила. Странная такая.

– Я хотела совсем о другом сказать!

– Я понял. Если хочешь знать моё мнение. Вовсе не добрые это мамыши.

– В смысле?

– Не могу про себя обозначить. Но матери таких сыновей – просто привыкшие, понимаешь? Некоторые, наверное, го-

воят про себя: очередная пассия, посмотрим, сколь долго продержится. У них нет волнения, как у какой-нибудь глупиной простой мамки, у которой сын один-единственный раз привёл в дом девушку.

– Хм. Но моя версия тоже вполне жизнеспособна.

Он ещё раз останавливается, чтобы поцеловать супругу.

– Конечно, дорогая. Все твои удивительные теории вероятны. Для меня: точно. Просто восхитительно, чего только не проблескивает в этой голове.

– Да, лезет всякая чепурда.

– Я тоже подумаю тогда. Если бы у меня была семья: родители, родные. Если бы они не приняли тебя, я бы всё равно ушёл к тебе.

– А если бы приняли?

– Поскольку у нас "межнациональный" брак, такие заколючки вполне могли бы быть. Особенно, с моей стороны. Например, если б я был из рода типа Аичи.

– А если из бедной? Неродовитой?

Хрисанф смеётся.

– Ну уж тогда наверное твоя свекровь из мечты: маленькая добрая бабулька, которая печёт тебе пироги и вышивает наволочки для подушек.

– Агний!

Возмущается, пытается оттолкнуть его объятия, хотя не особо-то старается.

– По-твоему я не заслуживаю пирогов и наволочек?!

– Ха-ха, я просто представил! Конечно, заслуживаешь. Я без никаких свекровей сам тебе буду печь и вышивать. Просто до тебя я жил такой "ореховой" жизнью (эриэхэбэй), что не могу думать так наивно, как ты.

– Вот и подумай на досуге. Поработай мозгами.

– Хорошо.

– А я останусь при своём: буду мечтать, что мне бы твоя мама понравилась, и ещё круче – что я ей тоже.

– Ну, если исходить из того, как ты нравишься моим детям, единственным кровным родственникам – то. Похоже же. Мой единственный некровный родной человек кроме тебя – Калита. Ты им всем нравишься. Так что. Ты очень даже хорошо подумала, оказывается.

– Вот видишь. Конечно, на практике они бы мне все кости перемыли, даже если б ты противу них женился. Наше чудовище не умеет ни готовить, ни лицом, ни умом и так далее.

– А так и бывает же. Если не у большинства, то у многих. Ревность.

– Может, ты ревнивый по наследству?

– Вполне. Хотя у меня же маленькая добренькая матушка. Нет! Мои недостатки – это мои проблемы.

– Но согласишься, я интересно подумала? Это ведь тебя не расстроило?

– Нет. Впрочем, подумаю, вообразу на твоей волне. Может, действительно, у меня тоже хорошие предки. Поэтому я и встретил тебя. Как равную. Господи, Далила! Ты всяко

внушишь мне! Сразу всё преобразается!

– Во всяком случае, они тебя ладно создали. Очень даже ладно.

– Ладно, хватит меня баловать. Пришли.

Они стояли на очень маленькой лужайке среди высокой сочной травы, над которой тихо метались огоньки, освещая округу.

– Что мы будем делать?

– Подожди минутку. Здесь.

Агний взял её за руку и подошёл к месту, откуда шёл лёгкий пар, а огоньки кружились, как угорелые.

– Что это?

– Не ошибся. Есть.

Они сели на корточки и он указал на какие-то растения.

– Что за огни? Это насекомые?

– Не отвлекайся. Вот, папоротник собирается зацвести.

Далила авторитетно хмыкнула.

– Дудки! Папоротники не цветут.

Она как-то не заметила однако, что этот вид вообще не растёт в данном ареале. Кирсанова развернула огромный тёмно-зеленый лист.

– Смотри, спорангии.

Ей пришлось дважды пощупать, чтобы не обнаружить тёмные бугорки под листочками.

– Как это? Агний, это ты вывел сорт? И прям напрягался, чтобы тут посадить?

– Тсс, Далила! Пусть будет искусственник, только помолчи секунду.

Она не знала, который сейчас час, но как только муж приставил палец к своим губам, на близрастущем папоротнике начали раскрываться очень даже немалые нежнейшие белые цветы. Ещё пара минут, и они оказались как будто среди матовых живых светильников.

– Ах, что за красота! Но это не папора.

– Хорошо, Фома неверующий.

– Агний, уж что-что, а это я прекрасно знаю: это не цветковое.

– Оки. Ты – при своём. Я – при своём. В моём мире, они всегда цветут в одно и то же время.

– В мире конъюгатов.

– Нет. Просто в мире. Где можно чуточку поверить, когда тебе показывают редкость.

Он был немного сосредоточен, и чтобы не обидеть её, привлёк к себе и обнял. В принципе, она была в курсе, как он любит природу. Он мог часами наблюдать за какими-нибудь крохотными жучками на иве. И серьёзно, почти любовно относился к своему саду.

– Ты мне это хотел показать?

– Да.

– Красиво.

– Очень.

Агний бережно сорвал один белый цветок, при этом его

лицо выражало искреннюю взволнованность, и протянул Далиле.

Она, впечатленная его реакцией, тоже немного вошла в момент, и осторожно взяла подарок. Цветок, попав в её руки, налился розовым цветом. Он стал светло-розовым.

Хрисанф сильно зарделся, и чтобы не смущаться дольше, крепче прижал её к себе.

– Что это значит?

– Это очень хороший знак. Не волнуйся.

– Но что означает?

– Ничего особенного. Сердце лета.

Далила почувствовала, каким тёплым стало его тело. Словно каждая его клеточка пульсировала, танцуя какой-то невероятный танец.

– Я люблю тебя. Я очень тебя люблю, родная моя.

Цветок папоротника мог окрашиваться в любой цвет. А мог и остаться девственно-белым. Если подарить цветок своей избраннице (избраннику), и если он, цветок, порозовеет, это значит, что человек вас любит.

Глава 61

Кирсановы вернулись на базу, похожие на двух толстеньких миролюбивых голубков. Ну, Агний – не толстый, но во-первых, он был доволен всем и вся, во-вторых, поел с полезным впитыванием (як. – ицэмтэлээхтик аьаабыт), а не лишь бы да кабы.

На Мунди всюду зажигали дискотеку. Там была и молодёжь, и взрослые, и возраста ностальжи, и старики почуток тоже были. Хрисанф и Далила тоже встряхнули стариной: они оба любят танцевать. Агний весьма неплох в этом, очень даже неплох, и знает не только современные танцы, но и всякие классические, альтернативные и древние. Он говорит, что этот вид искусства очень универсальный: и для организма, и для души, да и смотреть приятно. Поскольку он пребывал в превосходном настроении, то вышел на середину танцпола и показал остальным, как надо отдаваться терпсихоре. Далила, как говорили другие, танцевала, как медведь, как мужик и как "когда не подпадаешь в бит". Но её дражайший муж торчал от этих её "телодвижений" и вовсе не считал, что она к этому неспособна. Временами они и в своём гнезде устраивали балы и прочие танцевальные вечеринки. Агний специально обустроил зал, где можно было делать всё, что угодно: хоть босиком, хоть на каблуках, хоть вальс, хоть твερк.

Минут через сорок Кирсанова устала и присела отдохнуть в укромном местечке, откуда она сумела обнаружить далёкую светлую июльскую звёздочку.

Хрисанф принёс ей разные охлаждающие напитки на выбор, и они уютненько устроились на скамье-качелях. Правда, сидение там имело угол посередине, поэтому, если двое садились, то непременно скатывались друг к другу. Она положила свои ноги и руки к нему и они свернулись калачиком

в объятии.

– Это ты придумал такую хитрость?

– Зачем так далеко ехать, чтобы не занять шансона.

– Ты тоже борешься за демографию?

– Конечно.

– Это хорошо. Не зря значит тебя полюбила.

Она немного клевала носом, поэтому он решил, что ей лучше немного поспать, восстановить силы после активного поглощения кислорода и аква-процедур.

Она и в самом деле спустя пару минут слегка захрапела.

Агний, чтобы не потревожить её сон, какое-то время практически не дышал, потом осторожно перевёл её на высокую деревянную лежанку и накрыл тёплым одеялом, которое предусмотрительно захватил с собой в поездку.

Когда она спит, у неё лицо усталого человека. Это просто черты у неё такие. И я люблю наблюдать за ней так. В эти часы она не болтает разной чепухи и гадостей: живи да радуйся. Но я всё равно жду утра, когда как будто оживаешь. Она рядом со мной. Как странно меняют всего лишь открытые глаза. Я действительно виноват перед ней. Она правду говорила, а я сделал вид, что ничего не слышу и не понимаю. Я виноват, что не был с тобой пораньше. Сейчас я часто думаю об этом: что если. Но это не имеет смысла. Я не мог быть с тобой. Не хотел. Боялся. Потому что хотел этого больше всего на свете. Ждал, что из-за поворота появится принц на белом коне, которого ты полюбишь, и, главное,

который полюбит тебя. Ты-то влюбишься в кого угодно. Я видел, что они недостойны тебя. Ладно, может, ты их была недостойна. Но я ждал. Знал, чувствовал. Но всё равно пытался верить, что кто-нибудь посмотрит на тебя, как я. Разглядит тебя. Оценит. Полюбит. Врал себе. Врал тебе. И годы текли. Пока не стал понимать, что мне надо немного пойти навстречу судьбе. Да, это я виноват, что ты пошла по рукам, что стала, как сказала, сухой. Я не мог понять, почему они тебе не перезванивали, почему не предлагали выйти замуж. Не мог понять того, как сам поступал не раз. Если бы не ты, так и ходил бы вокруг да около. И до сих пор, нет-нет, и думаю: а вдруг мне надо было подождать ещё. Но ты возразила, что тогда мне бы пришлось похоронить тебя незамужницей в сто лет. Ненавижу этого твоего упыря, твоего распрекрасного поклонника! Но ведь именно он задал мне толчок. Объявился с заявлением и серьёзными намерениями. А я, получив желаемое, до нестерпимой боли осознал, что не хочу отказываться от своего счастья. Не хочу уступать. Это было наказание мне за мою осторожность, за неуверенность, за то, что мечтал найти тебе равного. За то, что часы тикают, а любви нужно пространство. Нужно всё. А не то, что мы пытаемся выжать, контролируя наши чувства. Я виноват перед тобой действительно, но я просто хотел, чтобы ты была счастлива. Я считал себя не тем, кто тебе нужен. Теперь я понимаю, сколько мы упустили. Но, наверное, так и бывает. Мы созрели позже. И я вовсе никогда не заикливался на

том, что ты не досталась мне девственницей. Как можно? Ты всегда была моей. С того самого момента, как мы впервые встретились. Прости меня, что порой веду себя, как дурак. Мы оба – не сахарные, да. Причина моего дурацкого поведения – это ты. Хотелось бы быть благоразумным, отточенным, кристальным, но я так живо на тебя реагирую. Сразу начинаю реагировать, как сплошной кусок активного нейрона. Ты – мой раздражитель. Биение моего сердце. Я буквально дышу тобой. Прости, что я – не разумный, не почтенный муж. Я бы сколь угодно был гималайским с другими, но не с тобой. Я так люблю тебя, что даже не могу высказать все эти мои идиотские мысли и ощущения. Ты поднимешь меня на смех. Что я просто издеваюсь так. На самом деле, тебе, наверное, и не снилось, как сильна моя любовь.

Далила.

Агний такой своенравный. Может, мы действительно не подходим друг другу. Он ловится на то, что иногда я допускаю мягкость в отношении людей. Иногда мне просто хочется распаковать моё сердце и сказать: бери, пользуйся. Это так глупо. Люди автономны. А влюбленные – зависимы. Абсурд. Но с другим разве было бы лучше? Другой бы вообще плевал на мои составные. Хотя не Искандер. Я виновата перед ним. Он так хорошо ко мне относится, а всё, что я ему дала – ничего. Только свой отказ. Если бы со мной так поступили, я была бы глубоко несчастна. Но я люблю Агнию. Я принадлежу ему. Если бы он того не хотел – я бы хотела.

Почему иногда любовь так мазохистична? Мы – абсолютно разные. Но как-то мы оказались вместе. Если бы я была великодушная женщина. Если бы я была женщина его мечты. Я бы сделала всё. Но, к сожалению, я – это просто я. Моя любовь смешна и ничтожна. Но, может, иногда просто надо быть спокойнее. Просто позволять себе просто любить.

Глава 62

Хрисанф стоял у подиума с короной в руках, которая предназначалась для королевы Мунди в честь дня Нептуна, Ивана Купалы, сердца лета и так далее. Выбирали путём тайного голосования: кто соберёт больше зрительских симпатий. Возле сцены находился зелёный барабан, куда кидали бумажки с именами. Кирсанова попросили объявить победительницу, так сказать, по благу. Некоторые из организаторов вечеринки знали, что он один из владельцев Мунди-экспресс, и даже, скорее, не владелец, а создатель турбазы вместе с одним стариком. Агний хотел сбежать с Далилой, но его поймали в такой удачный момент, что он не смог отказаться. Корона была простая, бижутерия со средними стекляшками. Хотя чего можно требовать от пляжного мероприятия?

Среди игроков показательного водного волейбола, где участвовала Далила, был один парень. Один из учеников Кирсановой. Из той поры, когда она была учительницей в общеобразовательной школе. Он её сразу узнал, она – конечно, нет. Алёша смутно слышал об известном бизнесмене, и до

его уха доходил уже слух, что рекреация на озере была построена им. Но, разумеется, не был в курсе, что его бывшая училка как-то связана с этим человеком. Алёша встречался со студенткой, которая проводила "расследование" о странном сегодняшнем новичке. И когда услышал, о чём болтают девчонки, как бы, между прочим, бросил, что эта не какая-нибудь тёмная лошадка, а господин Кирсанов. Он уже работал, а девчата были младше, и не знали много о всяких людях. Далее, парень распространяться не стал, но сегодня он случайно видел те мелкие недопонимания между супругами, и когда Хрисанф в шутку пожурил жену на воде, экс-ученик слегка стиснул зубы.

Да кто он такой, чтоб так обращаться с моим сэнсэем!

Честно говоря, Далила ему была мало интересна. Просто он был из тех, кто может понаезжать на другого, найдя для этого любой повод.

Крутой? Богач? Ну и что. Если я его перехвачу с братанами на краю леса, никто и не узнает, куда делся этот магнат.

А девушки тоже вошли в историю. Кто-то из них поведал, что Александр Кирсанов – дряхлый старик. Оттого и богатый. Трудно быть успешным в молодости в сфере бизнеса и там, где самому надо всё делать. Потому они охотно поверили в данную теорию. А это другой Кирсанов, то есть его родственник, возможно, сын. Говорят, у Птеровича много детей. И много жён. В то время закон разрешает полигамные браки: если можешь содержать, без вопросов. Закон существовал,

но практики, конечно, было мало: легче ходить на сторону. Далее, вытекло, что Далила – одна из супругов старого хрыча. Не невозможно. При таких деньгах хоть какое разнообразие на каприз. Ровесницы, молодухи и такие, как она, например.

Вот извращенец. Она, всё же, тоже значительно моложе. И такая спокойная. Наверное, спецом словила. Это как же надо уметь отсасывать, чтобы привлечь такую жилу?

Девочки немного поизучали внешность Кирсановой и решили, что у ней наверное мозги, или на крайняк – на своеобразный вкус.

Потом наткнулись на её спутника.

Алёша сказал, что это тоже Кирсанов. И его зовут Саша, как и папу его. Сан Саныч. Но почему он сопровождает её и ведёт себя с ней, в общем, довольно близко? Он что, мутит со своей мачехой? Во дела! Хотя да. Говорят, богатые столь недоверчивы, сколь же и одиноки. У них узкий круг общения. Одни и те же лица. Вот и сблизились, наверное. Если они прилюдно не скрываются, стало быть отец и муж в курсе их отношений? Ну и семейка. С Сааской понятно. Он слишком чутко реагирует на женщин. Такому лучше сойтись с тем, кто будет его вести. Но зачем ей молоденький? Планирует прибрать к рукам всё, когда старик сыграет в ящик? А с виду не скажешь. Простая такая. В тихом омуте эбит.

Далила невзначай уловила кое-что из перешептываний и тут же доложила Хрисанфу.

– Вот так рождается информация. И быль и небыль.

– Оказывается, я роковая штука.

– Хо. Мне это не новость.

– Агний!

– Муа, моя "знойная женщина, мечта поэта"!

– Бут эрэ (як – кончай).

– Давно хочу, да вот ходим же тупим.

Он в это время стоял по пояс в воде, чтобы окунуться перед торжественной частью программы.

Она внезапно нырнула к нему и ухватила за его бёдра.

Вообще-то, она не умела нырять. Разве в детстве чуток погружалась, но ей не нравилось, что потом приходится чихать и отплевываться.

В эту минуту просто действовала по инерции.

Он всё равно не даст мне ни утонуть, ни захлебнуться.

Агний чуть ли не судорожно вытащил её из воды и поставил перед собой.

– Ты что делаешь?!

– Пытаюсь быть той, как обо мне думают.

– Господи! Используй это, как материал для книги! Такая резкая!

– Сам давеча говорил: посмотри да посмотри. Здорово да?! У меня в водоёмах всегда так. Потрогай, как крепко!

– Дарья, хватит меня портить!

Но Далила выскользнула из его рук, как жирный карась, и снова булькнулась вглубь, но он успел перехватить её атаку.

– Ты что, боишься, что подвергнешься митозу из-за это-

го?! Или начнёшь размножаться почкованием?!

Смеётся, брыкается, тянется.

– Не смешно!

– Ну, Агний! Мы поедem в отель. И я там всё равно тебя достану!

– Дэли, я предназначен для перманентного рая и человек Бога. Хватит меня деградировать.

Умоляет её объятиями прекратить буйные шалости.

– Ты итак уже опустился до мата. Какая разница! Ты же с удовольствием делаешь мне детей!

– Да-ли-ла. Люди смотрят. Хватит баловаться.

По идее, и до Этого он тоже опустился, конечно. Как не опуститься ради "другого рая". Правда, в те отрезки, когда она бывала беременна, у неё были месячные, или не могла по каким-то другим причинам. Но у него да, есть разные такие мелкие заскоки.

Ещё через полчаса Кирсанов зачитал имя победившей и водрузил корону на голову избранной королевы. Они стояли рядышком, пока куча желающих фотографировала двоих весьма красивых посетителей Мунди. Девушка приехала на озеро со своим бойфрендом и вообще не рассчитывала здесь что-то получать, но её красоту и добрый нрав заметили. Многие спрашивали друг у друга, как зовут ту с длинными крашеными красными волнистыми волосами, чтобы записать дорогое имечко в графе выбора.

– А как же король?! (загудела толпа).

Хрисанф отпарировал.

– Короля пускай выберет Далила!

Он уже давно хотел, чтоб другие узнали, какая она замечательная.

Некоторым это не очень понравилось, но слишком затягивать процедуру награждения тоже не хотелось: а как же танцы-шманцы-обниманцы и так далее? Ещё много планов до утра!

Кирсанова покопошилась с жюри, которые были задействованы в массе игр, конкурсов, квестов и проча.

Затем она взобралась на боковую небольшую сцену и, подняв высоко корону, громко произнесла.

– Королём становится Саша Кирсанов!

Агний в эту минуту озабоченно собирался собирать их большой, чуть ли не с сундук, сундук с вещами, которые они привезли с собой. От её голоса, вызывающего его на пьедестал, он так оторопел, что еле повернулся.

– Ну же! Мы ждём!

Переступая, ставшими с "ёжиками" ногами, он еле прошагал к ней и не без восторженности совсем чуть-чуть склонил голову, чтобы она могла надеть высокопарный артефакт.

Рёв, аплодисменты, бодрый ободряющий свист со стороны команды игроков, визжание от множества прехорошеньких девушек и многозначительные кивки сверстниц.

– Далилушка, почему? (шёпотом)

– Никто не возражает. Наоборот, многие согласны.

– Я сейчас сгорю от волнения.

– Успокойся. Ты выиграл по всем пунктам. Отлично показал себя в командных играх, научил малолеток разным способам плавания, угостил бесплатно молодёжь в кафе и ресторанах, поймал рыбу для кухни, самолично убирал мусор, следил за техникой безопасности и чисто внешне наверняка тоже усладил взоры.

Хрисанф, если бы мог, вырвал бы корону у королевы, но, если б он такое вытворил, как говорится, его карьера на этом бы и закончилась. Королева уже была выбрана народом, и он сам тоже ничего противу этого не имел.

– Ну, Дели, как ты могла?

– Я из тех, кто считает сценобоязнь надуманностью. Бойся, не бойся. Но даже, если ты плохонький политик, преподаватель, оратор – всё равно встаёшь и делаешь своё дело. Что и меня не обошло.

Они под рукоплескания спустились вдвоём с подиума и пошли к своему лежбищу.

– ЛуЛу, ты меня всегда удивляешь. Всегда с дуба на меня. Далила остановилась и посмотрела на него.

– Неважно, с короной или без, ты – мой король.

– Детка.

– Так что я всегда выберу тебя.

– Точно-точно?

– Точно-точно.

Они, отдохнувшие и счастливые, покинули Мунди-экс-

пресс и уехали в гостиницу.

Калита, нахлобучивая ночной колпак, в сомнении взял свой телефон.

Хрисанф не ответит. Надеюсь, он не забудет предохраняться. То, что у неё эти дни – к гадалке не ходи, страсти с самого утра. Но и у него вроде – на подходе. Иногда он синхронизируется с ней, порой – рандомно.

Поскольку, Далила не желала использовать защиту, Никита посоветовал другу самому быть ответственным. Он дал ему таблетки, которые воздействовали на его сперматозоиды так, что "завидев" далилинские яйцеклетки, они должны были достойно пройти мимо. Агний и принимал препараты.

Но этой ночью, он, всё-таки, то ли упробовал её обнять его покрепче, то ли повлияло количество забитых голов и он продолжил в том же духе, но его "братишки" на этот раз не смогли промчаться с игнором. И, забегаючи вперёд, скажу, что сеньорита опять залетела. Но, наверное, из-за чудесных пилюль, получилась двойня. Агний не смог выдать реакцию, узнав об этом, и всерьёз подумывал об аборте, потому что даже ему стало понятно, что у них многовато с потомством. Но Далила беззаботно выдала, что не против родить ему ещё, ведь очень скоро эмбрионы переведут в бокс, и ей не надо проходить всё, через что проходят беременяшки.

Напрасно она так сказанула, потому что потом ей пришлось тащить в себе близнецов все честных девять месяцев.

Через несколько дней.

– Как назовём?

Хрисанф заговорщически улыбнулся.

– Мальчик – Сулустаан.

– Ну, Агний, тогда его потом будут звать Сулус, как нашего кота!

– Хорошее имя.

– Это похоже на твоего булочника Алгыстаана.

– Поэтому я его и держу на работе. Хорошее имя.

– Как наглец Суля из Мунди!

– Да. И классно же, что ты – Звезда (як Сулус – звезда).

– Ладно, тебя не переубедишь.

– Девочке ты выбирай.

– Ариадна.

– Почему не Арианна тогда.

– Хорошее имя.

– Это в честь системы, в которой ты работала (смеётся)?

– Просто я хочу, чтобы она всегда могла найти выход и правильный путь, даже если запутается.

– Хорошее имя. Иди ко мне, детей моих мама, моя жена, моя половина вторая (из песни).

– Тебе пока рано думать об этом (из песни). Так что будешь грешить вместе со мной.

– Ты меня, уже давно совратила и развратила. Так что я весь в твоём распоряжении.

– Ах, как мы стали говорить!

– С кем поведёшься.

– Дорогой, если без шуток, наверное, ещё помощник нужен будет. Не справимся.

– Справимся. Я теперь буду по двенадцать часов дома. Кузьма дежурить будет. И это. Я хочу попросить Арсена переехать к нам, хотя бы временно.

– Не думаю. И разве он умеет смотреть за малышами?

– Лишние руки не будут лишними. У Арса хорошая аура, дети это чувствуют.

– Ну, ладно, попробуй, спроси.

Иванов вернулся с утренней пробежки и неспешно поднялся по лестнице на свой этаж. Без лифта. Чтобы размять ноги, разогнать напряжённость мышц.

Войдя в квартиру, он учуял запах гречки с тушёнкой. Это его так изумило, что не снимая обуви, он стремительно прошёл на кухню. Возле окна стояла знакомая фигурка с деревянной лопаткой в одной руке и с куском колбасы в другой.

– Аэлита?!

– Сто лет не ела варёную колбасу!

– Аэл!

– Здравствуй, мой ненаглядный!

© Песня группы "Муравейник".

"Как и мы с тобой,

Тем про любовь

Тысяча стихов!

Тысяча!

Но этот особенный трек"